Ю
И-19
Царская
армия
Казань, 1932

Ю
Ц-19

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ
ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЦАРСКАЯ АРМИЯ

В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ю
Ц-19

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ТАТАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ответ. редакция М. ВОЛЬФОВИЧ и Е. МЕДВЕДЕВА.

Ю
М17

ЦАРСКАЯ АРМИЯ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ и ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

Вступительная статья М. ВОЛЬФОВИЧ.

Составили: А. МАКСИМОВ, Е. МЕДВЕДЕВ и Ш. ЮСУПОВ.

Под редакцией А. МАКСИМОВА.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 138182

ТАТИЗДАТ 1932 КАЗАНЬ

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач.....

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР

138.182 м

ОТ ЦЕНТРАРХИВА ТАССР.

Настоящим сборником Татцентрархив начинает регулярную публикацию архивных документов историко-революционного содержания (по истории Октября и гражданской войны, истории фабрик и заводов, истории национально-революционного движения). К 15-летию Великой Октябрьской революции подготовляется совместно с Татистпартом второй сборник, содержащий материалы по истории Октября и гражданской войны.

Солдатские письма, помещенные в I-й части сборника, ярко показывают, как изменялось и революционизировалось настроение серошинельной армии в период 1914—1917 гг. от бессознательного „ура-патриотизма" до сознательного „долой буржуазную войну". Боевой путь России от векового удушающего рабства к великой социалистической революции, процесс революционного перехода забитых, придавленных чудовищным угнетением крестьянских трудящихся масс от покорной пассивности к полному пониманию непримиримости классовых интересов и к борьбе под руководством большевистской партии с эксплоататорами—прекрасно отразился в письмах с фронта.

Эти ценные исторические материалы сохранились в архивном фонде Казанской окружной военно-цензурной комиссии.

Нравы царской цензуры хорошо известны. Из писем вытравлялось все, что в какой либо степени напоминало „беспорядок", революцию. Солдатские письма проходили двойную цензуру. На фронте просматривали в армейской комиссии и затем в военно-цензурных комиссиях округа по месту назначения корреспонденции. Судя по одно из неоднократных жалоб казанского цензора, армейская цензура была менее бдительной и пропускала иногда явно революционные письма. Зато в округе все „неблагонадежные" письма задерживались и об авторах сообщалось в соответствующее жандармское управление или штабу полка, а просто недозволенные сведения вычеркивались или вырезались. Авторам приходилось быть чрезвычайно осторожными, но положение было так невыносимо, что несмотря на цензорский и начальнический контроль, несмотря на жестокое наказание за каждое „неблагонадежное" слово, солдаты пи-

сали резко-протестующие письма. Процент недозволенных сведений доходил до 70 по округу. (Ежедневное количество поступающих в цензуру писем равнялось в среднем 136.633 единицы; из них на Казань падало 14285, на Уфу 2857 и т. д. Дело № 114 за 1917 г.). Наиболее опасные письма в подлинниках или в копиях прилагались к отчетам цензоров. Отсюда и взяты материалы для настоящего сборника.

Письма, включенные в сборник, приведены в большинстве не полностью. Опущены общие места, описания личных дел и поклоны. Стиль сохранен. Во многих случаях оказалось невозможным установить адресата, автора и, особенно, даты письма и поэтому пришлось часть писем дать без этих оформлений. Отсутствие точных дат не препятствовало распределению солдатских писем по периодам времени и разделам, так как цензорские отчеты, к которым прилагались копии писем, давали указания на год и месяц написания „слепого" письма.

Во второй части сборника публикуются материалы о волнениях в запасном конном полку Казанского военного округа, рисующие тот каторжный режим палочной армейской дисциплины, издевательств и порки, в котором подготовлялись для фронта защитники веры, царя и отечества.

Все подлинники публикуемых материалов хранятся в I-м отделе Татцентрархива.

Документы выявлены, систематизированы и подготовлены к печати тт. А. Максимовым, Е. Медведевым и Ш. Юсуповым.

Сборник выходит в свет при ближайшем содействии Зав. Истпартотделом Татобкома ВКП(б) т. Гафурова С.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

(К 18-й годовщине империалистической войны).

Солдатские письма и их анализ царской цензурой; небольшая группа офицерских писем, иллюстрирующих непосредственные взаимоотношения между офицером армии царя и Керенского и революционным солдатом и красочный материал о действиях одного из наиболее разнузданных знаменитых сатрапов Николая II ген. Сандецкого, действовавшего как раз на территории Поволжья, публикуемые в этом сборнике, являются среди целого ряда других документов эпохи царской помещичье-буржуазной России, наглядным пособием к лучшему распознанию ее облика рабоче-крестьянской молодежью нашей советской страны, не испытавшей на себе всех ужасов проклятого прошлого.

Мы приурачиваем выпуск сборника к годовщине начала империалистической бойни, устроенной для трудящихся масс мира. Мы полагаем, что документация об одном из фронтов, именно, российском фронте этой империалистической войны, явится некоторым вкладом в ту историческую литературу, которая, изображая непосредственную действительность прошлого, помогает трудящимся сильнее ненавидеть это гнусное прошлое; отчетливее вглядываться в лицо всего того, что творится в настоящем за пределами советских границ; плотнее смыкаться вокруг строительства социализма в нашей стране; мощнее мобилизовать силы мирового пролетариата и трудящихся колоний на последний и решительный бой с капиталом.

Империалистическая война, как известно, явилась огромным толчком к развитию всеобщего кризиса капиталистической системы и его непосредственным выражением.

Россия оказалась узловым пунктом всех противоречий империализма. Она вступила в войну вследствие собственных завоевательных стремлений царизма. Одновременно со всей отчетливостью выявилась ее роль, как вассала—содержанки англо-французского империализма. Вступление в войну удовлетворяло и явным стремлениям царизма отвлечь внимание страны от назревшего уже перед войной рабоче-крестьянского революционного восстания, разрядив его за счет кровавого избиения трудящихся масс. Но вопреки всем этим расчетам господ старой России, именно, она явилась плацдармом первых шквалов мировой пролетарской революции, явилась первой страной великой победы пролетарского Октября.

Печатаемый нами сборник писем представляет собой частицу живой иллюстрации того, что характеризовано т. Сталиным в отно-

шении всей царской России в целом: „Царская Россия была очагом всякого рода гнета—и капиталистического, и колониального, и военного,—взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме [1]).

Уже в самом начале империалистической бойни наша партия большевиков вопреки всеобщему шовинистическому угару, дала руководящий и действенный лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Характер начавшейся войны и роль России в ней были так характеризованы в манифесте РСДРП(б) от 1 ноября 1914 года: „Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась... Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле, именно, эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России...

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы“ [2])...

Царская Россия, стремившаяся „при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь), а затем при помощи Японии и т о й ж е Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять в с ю Персию, довести до конца раздел Китая“ [3]), на деле сама оказалась игрушкой в руках матерых империалистических хищников—Англии и Франции. Прекрасно вооруженные армии Франции и Англии отступали перед немцами, а сла-

---

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, ГИЗ, 1931 г. изд. 3-е, стр. 9.

[2]) Манифест ЦК РСДРП.

[3]) Ленин, том XIX, стр. 281.

бо вооруженная русская армия должна была вести наступательную войну на трех фронтах.

План союзников империалистов сводился, именно, к тому, чтобы за счет русского пушечного мяса истощить, а затем и победить Германию. Царская Россия со всей охотой шла на это, не только послушно посылая свою армию в наступление с широких позиций непосредственно русских участков фронта, но и переотправляя большие массы солдат во Францию, где их постигала та же участь, что и колониальных рабов самого французского империализма, бросавшихся им в первую очередь в самое пекло войны. Все политические партии помещичье-буржуазной России, вплоть до социал-предателей эсеров и меньшевиков, санкционировали эти преступные действия кровавого царизма.

Однако, несмотря на то, что „громадный чудовищный аппарат лжи и хитросплетений был пущен в ход в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление будто царское правительство ведет „справедливую" войну, бескорыстно защищает „братьев славян" [1]), не удалось обмануть пролетариат, оставшийся „единственным классом в России, которому не удалось привить заразы шовинизма" [2]).

Такое отрицательное отношение к империалистической бойне со стороны рабочего класса России и быстрый спад шовинизма в широких толщах крестьянских масс, не могли самым положительным образом не сказаться на настроении солдат царской армии, представлявших собой все тех же рабочих и крестьян, только одетых в серые шинели.

Вот почему уже через несколько коротких месяцев воинственного марша царизма мы начинаем встречаться с солдатским письмами, в которых не только нет ура-патриотизма—постоять грудью за святую Русь, за белого царя, за веру православную, за все, что отдавало плесенью векового угнетения, но находит уже малое отражение и более тонкая и хитрая патриотическая пропаганда „цивилизованной" российской буржуазии и ее лакеев социал-предателей оборонцев.

Вся эта объединенная пропаганда не делала слаще трудящимся царскую Россию, не облегчала тех исключительных тягот грабительской войны, которые всей своей силой обрушивались на плечи рабочих и трудящихся крестьян.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, стр. 207.
[2]) Там же стр. 208.

Обострение классовой борьбы внутри страны находило свое непосредственное отражение в отношении офицеров к солдатам на фронте. Общая вражда помещичье-буржуазной России к революционно-настроенному пролетариату и его союзнику крестьянству здесь находила практику в особых методах патриотического воодушевления армии: бессмысленной муштре, издевательстве и презрении к серой скотинке, мордобитии и порке „защитников родины". Эта разнузданная барская привычка истязания и глумления над народом была перенесена в ближайший фронтовой тыл и даже в окопы. И недаром большинство солдатских писем наполнено, в первую очередь, самым непосредственным протестом против, именно, этого бесчеловечия и варварства.

Война была хорошей школой классовой борьбы. Она с еще большэй отчетливостью показала рабочим и крестьянам России всю гниль, весь смрад и разложение царизма. Если в первый период войны крестьяне-солдаты были еще далеки от полного осознания этого факта, то с 1915 года они начинают уже классово определяться, чему в очень сильной степени способствовала пропаганда большевистски настроенных рабочих, как взятых на фронт по мобилизации, так, особенно, посланных в окопы за революционную работу, за стачки, за выступления против войны. Солдат не только перестает верить официальным манифестам о скорой победе, но постепенно и неуклонно он приходит к сознанию о ненужности самой войны и бесполезности победы.

В этих вопросах фронт и трудовой тыл становятся все более едиными. Массами все более и более осознается исключительная правильность линии большевистской платформы партии Ленина.

„Революционный класс, писал Ленин, в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству"...

„Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами („поражением") правительств, а с другой стороны,—невозможно на деле стремиться к такому превращению не содействуя тем самым поражению.

От „лозунга" поражения потому и открещиваются шовинисты (с О.К. с фракцией Чхеидзе), что этот лозунг один только означает последовательный призыв к революционным действиям против своего правительства во время войны. А без таких действий миллионы

революционнейших фраз о войне против „войны и условий и т. д.“ не стоят ломаного гроша“ [1]).

Ленин боролся против мелко-буржуазного лозунга Троцкого „ни побед ни поражений“. „Кто стоит за лозунг“ ни побед ни поражений“—писал Ленин 26. VII 1915 г. в № 43 „Социал-демократа“—тот сознательный или бессознательный шовинист, тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всяком случае враг пролетарской политики, сторонник теперешних правительств, теперешних господствующих классов“.

Разоблачая предательскую оборонческую политику меньшевиков и эсеров, наша партия последовательно и упорно подготовляла трудящиеся массы к борьбе с царизмом и к превращению империалистической войны в гражданскую.

Царизм отлично чувствовал, что главный враг его—рабочий класс и его революционная партия. „С началом войны царское правительство арестовало и сослало тысячи и тысячи передовых рабочих, членов нашей нелегальной РСДРП. Это обстоятельство, наряду с введением военного положения в стране, закрытием наших газет и пр., задержало движение. Но нелегальная революционная работа нашей партии все таки продолжается“ [2]). Работа широко развернулась в 1915 году и „конец 1915 г. и начало 1916 г. ознаменовались массовыми арестами рабочих по всей России. Административные высылки, военные „отправки“ на передовые позиции почти прямо без всякой военной подготовки, сыпались на голову рабочих со всех сторон“ [3]).

Охранка работала во всю, но несмотря на все растущие репрессии, массовые аресты и провалы работников, наши нелегальные организации развивались и крепли. Никакие репрессии не могли сломить большевиков. Революционная работа в войсках росла, антивоенная пропаганда увеличивалась. Большевистские воззвания к солдатам, к матросам, к рабочим распространялись в десятках тысяч экземпляров и встречали горячий отклик в эксплоатируемых массах. Тысячи большевистских агитаторов находились в армии, во флоте, на фабриках и заводах. Революция готовилась, революция назревала.

Буржуазия продажными голосами земских собраний и Думы требовала обновления и укрепления власти, способной довести войну до победного конца и усмирить надвигающуюся революцию. Но пролетариат под руководством большевистской партии мобилизовал

[1]) Ленин, т. XVIII, с. 169—170.
[2]) Ленин, т. XVIII, с. 209.
[3]) „Социал-демократ“ № 53.

всю свою победоносную революционную волю и энергию на борьбу с царизмом, на борьбу со всякой помещичье-буржуазной властью.

Февраль семнадцатого года не был концом революции (этого хотела буржуазия вместе с меньшевиками и эсерами), а лишь ступенью, гребнем, с которого буржуазно-демократическая революция стала перерастать в социалистическую.

Анализируя этот момент т. Сталин писал: „кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм, кто восставал против царизма, тот должен был восстать и против империализма, ибо кто свергал царизм, тот должен был свергнуть и империализм, если он в самом деле думал не только разбить царизм, но и добить его без остатка. Революция против царизма сближалась, таким образом, и должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию пролетарскую“ [1])...

Февральский переворот 1917 года развязал связанные самодержавием революционные силы. Кривая революционной борьбы неудержимо пошла вверх. Империалистическая война все более и более начинала превращаться в войну гражданскую и в письмах солдат этого периода все чаще и чаще начинает проскальзывать сознание того, что борьба за мир находится в тесной зависимости от революционной победы над внутренним врагом. Но подымающаяся революция одновременно сплачивала силы контрреволюции. Первый же акт революции враги рабочих хотели сделать последним и всеми средствами—вплоть до пулеметов—старались повернуть революционный поток обратно.

Родзянко, Милюков и К° намыливали уже удавную петлю на шею революции. Наряду со своими господами их лакеи социал-предатели открыли бешеный огонь против героической партии пролетариата и против ее вождя т. Ленина.

Вся буржуазная пресса не называла большевиков иначе, как немецкими шпионами. Так газета „Новое время“ от 6 июня 1917 г. писала: „В дни свободы протянулась откуда-то эта черная рука и двигает марионетками российской демократии? Ленин!.. Но имя ему легион. На каждом перекрестке выскакивает Ленин. И очевидно становится, что здесь сила не в самом Ленине, а в восприимчивости почвы к семенам анархии и безумия“.

И т. Ленин, отвечая этой черносотенной газете, дал по существу всей буржуазии и всем социал-предателям следующий ответ: „Анар-

---

[1]) Сталин, „Вопросы ленинизма“, изд. 3-е, 1931 г., с. 10.

хическим мы называем получение капиталистами скандальных прибылей на поставках. Безумным мы называем ведение войны из-за дележа аннексий, из-за дележа прибылей капиталистов. И если „на каждом перекрестке“ именно эти взгляды находят сочувствие, то причина тому—правильное выражение этими взглядами интересов пролетариата, интересов трудящихся и эксплоатируемых“ [1]).

Англо-французские капиталисты принимали все зависящие от них меры, чтобы поддержать и укрепить воинственную линию нашей отечественной буржуазии.

На смену Родзянко-Милюкову, для вящего обмана масс, выступает главой правительства эсер Керенский.

Социал-шовинистам, сторонникам войны до „победного конца“ удается не только устроить кровавую бойню питерскому пролетариату в июльские дни 1917 года, но и „демократическим“ обманом погнать солдат в наступление в первые месяцы после Февраля.

Упоенный торжеством революции солдат-крестьянин боится обострения классовой розни, так как опасается возврата старого режима. Он еще живет в плену „классового сотрудничества“. Он воспринимает еще социал-шовинистическую мысль об истинно революционно-народной войне, заключающейся в разгроме новой Россией, Россией без царя Германии кайзера. „Самым крупным, самым ярким проявлением мелко-буржуазной волны, писал в эти дни Ленин, захлестнувшей „почти все“, надо признать революционное оборончество“.

Однако, классовая борьба обострялась с каждым днем. Возрастала революционная воля и энергия пролетариата, все более и более спадал вновь навеянный после Февраля шовинистический дурман с крестьянства. „Период керенщины был, таким образом, величайшим предметным уроком для трудовых масс крестьянства, ибо он наглядно показал, что при власти эсеров и меньшевиков не вырваться стране из войны, не видать крестьянам ни земли, ни воли, что меньшевики и эсеры отличаются от кадетов лишь сладкими речами, фальшивыми обещаниями, на деле же проводят ту же империалистическую, кадетскую политику, что единственной властью, способной вывести страну на дорогу, может быть лишь власть советов. Дальнейшее затягивание войны лишь подтверждало правильность этого урока, подхлестывало революцию и подгоняло миллионные массы крестьян и солдат на путь прямого сплочения

[1]) „Правда“ № 75, 20 (7) июня 1917 г.. т. XX стр. 507.

вокруг пролетарской революции“ [1]). Возрастала и укреплялась мощь большевистской партии, быстро росло ее влияние на массы. Успех большевистской работы был несомненный, „не очень быстрый, но верный и прочный“ (Ленин).

Волна революционного оборончества спадала, иллюзии первых дней „свободы“ быстро изживались. Солдатская масса на фронте, рабочие и крестьяне в тылу большевизировались. На фронте происходило братание. Капиталисты „с бешеной злобой накидываются на него... грозят—через своих генералов и офицеров—карами за братанье“ [2]). Буржуазия чувствовала, что именно „братанье есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической, пролетарской революции“ [3]). Братанье выражало классовую солидарность вчерашних врагов. „Мы добиваемся, чтобы братанье не ограничивалось разговорами о мире вообще, а переходило к обсуждению ясной политической программы, к обсуждению вопроса, как кончить войну, как свергнуть иго капиталистов, начавших войну и затягивающих ее ныне“.

„В нашем воззвании к солдатам всех воюющих стран мы и изложили нашу программу рабочей революции во всех странах: переход всей государственной власти в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Товарищи солдаты! Обсуждайте эту программу в своей среде и вместе с немецкими солдатами! Такое обсуждение поможет вам найти верный, наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала“ [4]).

Вот как просто и ясно ставили вопрос большевики.

„Могли ли русские коммунисты, пишет т. Сталин, при таком положении вещей ограничиться в своей работе узко-национальными рамками русской революции? Конечно, нет! Наоборот, вся обстановка, как внутренняя (глубокий революционный кризис), так и внешняя (война), толкала их к тому, чтобы выйти в своей работе за эти рамки, перенести борьбу на международную арену, вскрыть язвы империализма, доказать неизбежность краха капитализма, разбить социал-шовинизм и социал-пацифизм, наконец свергнуть в своей стране капитализм и выковать для пролетариата новое ору-

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 3-е, 1931 г., стр. 51.
[2]) Ленин, том XX, стр. 311.
[3]) Ленин, там же.
[4]) Ленин, там же стр. 312.

жие борьбы, теорию и тактику пролетарской революции, для того, чтобы облегчить пролетариям всех стран дело свержения капитализма" [1]).

Большевики стали „заразой", „изменниками", „шпионами". Большевикам во имя „твердости власти" новой волной „демократических" репрессий зажимают рот; принимаются все меры к изоляции Ленина и большевиков от масс. Злобствующая пресса капиталистов клеветала на большевиков, называя их анархистами, носителями смуты и беспорядков.

... „Не на беспорядки и бунты, на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплоатируемых" [2]).

Под руководством партии пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством уверенно и твердо пришел к своей диктатуре. Понадобилось 8 месяцев для того, чтобы пролетариат стал у власти, чтобы достигнуть победы социалистического Октября и понадобились многие годы гражданской войны, чтобы в тесном союзе с мировым пролетариатом, закрепить это величайшее достижение мировой пролетарской революции.

Октябрь разбил и уничтожил старую царскую армию, армию бессмысленной муштры, дикого произвола начальства, бесчеловечного глумления офицеров над „слепой покорной серой скотинкой".

О многом говорит красочная параллель уничтоженного старого эксплоататорского мира и мира социалистического.

Темная мрачная эпоха царизма, эпоха полицейского сапога и казацкой нагайки, гнилых казематов и каторги для революционеров, эпоха удушения всего живого и активного, что было в рабоче-крестьянских массах—ушла в невозвратное прошлое.

Вслед за царизмом в невозвратное прошлое отправил пролетариат в открытом бою многолетней гражданской войны и всю капиталистическую систему на $^1/_6$ части земного шара, ту самую систему, гнет и произвол которой до сих пор за пределами Советской земли переносит еще на своих плечах мировой пролетариат и все трудящиеся.

Письма солдат царской армии о многом напоминают из истории той самой системы бесчеловечия и варварства, весь ужас которой сегодня за пределами советской страны воспроизводят в еще более

---

[1]) Сталин, Вопросы ленинизма, ГИЗ, 1921 г., изд. 3-е, стр. 10—11.

[2]) „Правда", № 72, 16 (3) июня 1917 г.—т. XX стр. 471.

изощренном виде разлагающиеся хозяева умирающего строя империализма в их борьбе против пролетариата, беднейшего крестьянства и трудящихся масс колоний, мобилизующих свои силы на революционный выход (за диктатуру пролетариата) из трясины всеобщего кризиса капиталистической системы и против нового пожара мировой империалистической бойни, против подготовки империалистами нападения на авангард мировой революции—СССР.

Октябрь создал свою рабоче-крестьянскую Красную армию—монолитный, единый, пролетарски дисциплинированный боевой коллектив.

„Новый общественный класс, поднимаясь к господству, не мог никогда и не может теперь достигнуть этого господства и укрепить его иначе, как совершенно разложив старую армию („дезорганизация",—вопят по этому поводу реакционные или просто трусливые мещане); иначе, как пройдя через труднейший, мучительнейший период без всякой армии (через этот мучительный период прошла и великая французская революция); иначе, как постепенно вырабатывая, в тяжелой гражданской войне, новую армию, новую дисциплину, новую военную организацию нового класса" [1]).

Героическая Красная армия, проникнутая классовым пролетарским сознанием, воспитывающаяся в подлинно революционной дисциплине, окруженная энтузиазмом героической стройки социализма, зорко смотрит на восток и на запад, туда, где еще царствует власть воинствующих капиталистов, вновь вооружающих в качестве своего авангарда в нападении на СССР продажные белогвардейские банды. Красная армия, спокойно и уверенно стоящая на страже великой социалистической стройки, на страже мирового отечества пролетариата, олицетворяет в себе могущество и волю мирового пролетариата, мобилизующего свои силы на последний и решительный бой с капиталом.

Мировые хищники не однажды уже пытались втянуть СССР в новую кровавую бойню. Но „нам удалось отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристические наскоки поджигателей войны. Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами. Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому". (Сталин).

М. Вольфович.

---

[1]) Ленин, том XV, ст. изд., стр. 495.

ЧАСТЬ 1-Я

ПИСЬМА СОЛДАТ С ФРОНТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

РАЗДЕЛ I-й.

ПЕРВЫЕ ТРИ МЕСЯЦА ВОЙНЫ.

Солдатские письма первых месяцев империалистической войны квалифицировались цензурой, как „высоко патриотические“ и пропускались по адресу. Поэтому подлинных писем этого периода в фонде Казанской военно-цензурной комиссии не сохранилось. Помещаемые письма (14) взяты из отчетов цензоров Казанского округа за 1914 год.

Из писем видно, что в начале войны шовинистический угар, напускавшийся правящими классами России, обволакивал армию. Любимый девиз великорусских националистов и реакционеров—православие, самодержавие, народность—был доведен в виде лозунга—за веру, царя и отечество—до серых солдатских шинелей и на короткое время захватил крестьянско-солдатскую массу. Никакого врожденного, стихийного монархизма и патриотизма русского крестьянина-солдата здесь, разумеется, не было. В патриотических письмах первого периода войны надо видеть, скорее, просто воинственный задор солдата, желавшего показать удаль „маминых сынков“ и разбить „сопливый нос черта немца“. Все остальное (батюшка царь, матушка русь) являлось наносной, внешней формой, было бессознательным повторением вековых, дедовских, прививаемых помещичье-буржуазными верхами, традиций. Несознательной также была вражда солдат русской армии к Германии, злоба „на проклятого немца“. Письма, наполненные животной ненавистью, вроде например письма прапорщика Сац (№ 12), исходили только от представителей „цивилизованной“ России. Солдатский патриотизм был совсем, совсем иным. Впрочем, солдатских патриотических писем даже в этот период было немного. Процент всех патриотических писем с фронта (офицерских и солдатских) колебался от 11 до 63 по различным цензорским пунктам. Большинство солдатской массы восприняло войну как огромное несчастье, как неизбежное бедствие для крестьянства, для всего „рабочего люда“. Такое восприятие начавшейся войны выражалось в том, что свыше 50% писем с „театра“ войны не содержали вовсе упоминаний о войне, а были заполнены заботами о доме, о хозяйстве, о семье.

Открытого возмущения войной в шовинистической атмосфере первых месяцев войны солдат-крестьянин, далекий еще от понимания своих классовых интересов, выразить не мог.

Но уже первые орудийные выстрелы пробудили в нем стремление глубже вникнуть в вопросы общественной жизни. После первых же поражений русской армии, солдат-крестьянин крепко задумался над горькой участью, что „уготована ему начальством и царем Николаем".

„Своего" пути избавления от этой участи, пути освобождения от эксплоатации кулака, помещика, капиталиста у крестьянина не было. Был общий путь революции под руководством пролетариата и его партии. Процесс революционизирования армии начался с конца 1914 года.

№ 1.

ПАВЛУ СЕРГЕЕВИЧУ ПАВЛОВУ
Г. Уральск.

Знаешь Паня здесь, на позиции очень весело. Особенно когда откроется канонада орудий и треск ружей и разговор пулеметов, то тогда и гляди, что все черти запляшут под этот акорд и земля задрожит точно лихорадка трепит.

Может все это переносить только русский солдат которому сам сатана и то не страшен. Русские герои ни перед чем не остановятся и сумеют завоевать славу нашему Царю Батюшке и дорогой родине Матушке. Мы сумеем победить этого проклятого немчуру так что будет помнить целый век. Теперь ослабли все его струны и скоро не слышно будет акордов его звуков. Разобьем его что называется в дребезги, пусть больше не существует эта проклятая немчура

10 сентября 1914 г.

Григорий Вострышев.
14 рота 3-го пехотного полка.

№ 2.

ВАССЕ ПАРХУТ
Д. Старая Лебежайка.

Мы защищаем Царя и Отечество и стремимся во чтобы то ни стало покончить с нашим злоумышленным врагом, который думал завладеть нами, но мы ни в коем случае не думаем покориться ему, а покончить с ним навсегда чтобы он знал, что значит Русский штык четырехгранный.

Яков Пархут.

№ 3.

ИВАНУ ПШЕНИЧНОМУ
Г. Покровск.

Нужно обратиться к выполнению данной нам задачи боевой. Задача эта геометро-боевая, которая гласит: нужно во что бы то нистало решить эту задачу, т. е. разбить сопливый нос черта немца, показать ему, что есть мамины сынки русские-воины.

Купянский.
9 Кавказский стрелковый полк.

№ 4.

ЛАРИОНУ МОТАВКИНУ
С. Рыбное.

Бьем мы немца как сукина сына и до тех пор будем его колотить пока в прах не разобьем, что бы он больше не дрался, а уж тогда вернемся домой.

Иван Мотавкин.

№ 5.

ПЕТРУ ИГНАТЬЕВУ

Живу не тужу Царю белому служу верою правдою и готов умереть за веру, за царя и отечество и за единоверных братьев своих и сподоби Господи мне совершить подвиг сей святой. Жизнь моя в твоей власти да будет воля твоя Господи Аминь.

И. Игнатьев.

20 сентября.

№ 6.

Находясь в рядах действующей армии на защиту Царя и Св. Руси стремлюсь как каждый воин о скорейшей победе над свирепым врагом нашей родины и только тогда возвратимся когда победим, со славою будет наше возвращение к родным и нашей мирной жизни и чтобы слава могучих богатырей Св. Руси разнеслась бы по всему свету, а юноши находящиеся около матерей потерявшие своих отцов и дедов на веки бы гордились этой славой. Тем же воинам положившим свой живот вечная память.

Б. Коровин.

29 сентября 1914 г.

№ 7.

КАЗАЧКЕ—КЛАВДИИ АНИСИМОВНЕ АБОИМОВОЙ
Атаманский поселок.

Коли злой враг в нашей России и сквернит нашу матушку Россию, мы должны ево стереть с лица своей родной земли и прийти

на свою родину со славою и честью, чтобы не стыдно было нашим героям—войти в свой край родной и будем биться до конца и готовы положить свои кости на поле битвы за свою родину и своих милых детушек.

А. Ф.

8 Уральский Казачий полк.

№ 8.

ЕВДОКИИ ЕФИМОВНЕ МАРКОВОЙ.

Грязь у нас здесь по пояс, но это вздор перед нашей задачей. Дать врагу каждый мне отпор и удар сохраняя свою веру горячую веру в свои силы и честь и победу грядущую, и свой славный штандарт невредимо донести и не погибнуть в этом бушующем море. Не погибнуть в этой кровавой борьбе. Послужить сколько в силах россии. Ну а если и придется погибнуть в бою жаль конечно, но что же делать, воля Божья в этом. Но конечно жизнь свою продадим мы подороже.

Петр Марков.

3 октября 1914 г.

№ 9.

Д. Ф. ИВАНОВУ.

Село Федоровка.

Видно так угодно Господу Богу, чтобы я стал в ряды войск, призванных защищать Царя Батюшку и родную Русь Матушку, со врагом я сражаюсь храбро и тем сильнее моя вера в Господа Бога, что уж близок час расплаты со врагом, дерзко напавшим на нашу святую Русь.

Иванов А. Д.

20 октября 1914 г.

№ 10.

КОРНЕЮ ЗАВОРИНУ

Ново-Никольское.

Вы не тужите обо мне. Я надеюсь вернуться, но если и погибну то со славой сражаясь за Русь за дорогую отчизну. Это лучше, чем дома на печи. Я горю желанием сразиться с врагом.

Дм. Заворин.

22 октября 1914 г.

№ 11.

Еще что я вам пропишу я теперь стал пулеметчик. Буду стрелять из пулемета выпускать 400 пуль в минуту, всех Австрийцев побью. Тогда приду опять к вам на свиданье и снова заживем а си-

час помолитесь богу за меня, чтобы Господь дал силу и крепость и расторопность победить врага злого и непокорного и выгнать его из нашей земли. Да оно так и будет мы ему зададим, немцу колбасе проклятому. Сичас он уже отступает и мы заняли несколько ихних окопов

25 октября. Ваш сын Коля.

№ 12.

ТАРАСУ САЦ
С. Павловка.

Мы сидим в окопах и щелкаем зубами от злости на проклятых немцев. Как Бог дозволит мне померяться с ними силой, то думаю потешиться и отомстить за все и за всех, пощады не дам. Без рук и без ног буду, зубами буду грызть и жду той минуты с нетерпеньем, чтобы отомстить им за все зло.

Андрей Сац.
прапорщик 53 Стрелкового полка.

№ 13.

АЛЕКСЕЮ ЕРТУЛОВУ
С. Улыбовка.

Сколько бы эта война не продлилась и сколько бы ни стоила нам жертв, а все равно, без победы над врагом не будет заключен мир. Поэтому и решили отомстить врагу, чтобы было ему на память, до чего могущественна и сильна матушка Русь.

А. Суханов.

2 ноября 1914 г.

№ 14.

Пишу письмо под грохот орудий и разрывов снарядов, которые рвутся в непосредственной близости от нашего помещения, но они на нас уже действуют мало, нервы наши в настоящее время крепче немецкого снаряда и они больше не в состоянии уже поколебать дух русского солдата.

Милая я соскучился по тебе радость моя но долг моей службы и честь милой родины заставляют пока на время все забывать. Но скоро сломим коварного супостата и кто останется из нас живым, тот опять войдет в жизнь семейную, а кто погибнет, тому царство небесное помолитесь и вы по павшим геройскою гибелью за нашу милую Россию. Будем мужественны и верны в победе над врагом.

Павел Бушков.

15 ноября 1914 года.

НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ.
ЗАТЯЖКА ВОЙНЫ.
РОСТ В СОЛДАТСКИХ МАССАХ ОЗЛОБЛЕНИЯ ПРОТИВ ВОЙНЫ.

(К разделам II-му, III-му и IV-му).

Воинственный пыл русской армии был охлажден уже к концу 1914 года. Оказалось, что разбить „сопливый нос черта немца" не так то просто, что военно-технической мощи Германии не страшен „русский штык четырехгранный".

Война затягивалась и вместе с ней затягивалось на шее солдата мучительное ярмо военной службы „за веру, царя и отечество".

Неудачная зимняя кампания, все увеличивающийся перебой в снабжении армии, приводивший к прямой голодовке, бессмысленная муштра, палочная дисциплина, сделавшиеся особенно невыносимыми в боевой обстановке, самое оголтелое издевательство над защитником родины, мордобитие, порка и т. д. и т. п. без следа уничтожили патриотизм русского солдата. „Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть черт бы ее взял с ее защитой" (письмо № 3). Бессмысленная муштра и издевательство доводят солдат—с одной стороны до массового самоубийства, с другой до дезертирства и до отказа от выполнения приказаний. Об офицерах солдаты начинают говорить с ненавистью („Начальство у нас такое, всех бы их перестрелять" п. 31—IV р.).

Один ротный командир свидетельствует в письме (дело № 17 за 1916 год стр. 318): „У меня убежало 56 человек и вот за это мне наверное влетит. Кроме того остальные 200 человек отказались итти и их пришлось силой заставлять. Двоих я убил, потом посадил многих, а что касается розог, то влетело всем"...

К 1916 году „армия расползлась по всем швам и теперь ее собирают розгами. Розга—воодушевление армии". (Из письма В. Костычеву на Царицынский пушечный завод).

Плохое было это воодушевление. Официальная Россия победными реляциями, через продажную печать безуспешно старалась поддер-

жать бодрость в тылу и на фронте. Солдаты отлично разбирались в лживых и вздорных патриотических газетных сообщениях.

„Газеты пишут про военное действие, ни одного слова не слушайте, потому что они врут,—разяснял родным рядовой Усанин—они свои карманы набивают. Мы все терпим, нас бьют только морды щелкают, а этапный и корпусный коменданты розгами порют“... „Есть один отдел в газетах—читаем в другом письме от 17 декабря 1914 года (дело № 14)—который меня до глубины души возмущает, это „письма из действующей армии.“ Не верь ни одному слову, все написанное там наглая ложь. Тесное единение с начальством, забота о нас „серой, святой скотине“.

Красочные строки об этой заботе мы находим в III и IV разделах сборника, рисующих быт армии.

В письмах солдаты начинают крепко выражаться по адресу верхов России, по адресу „мародеров тыла“. Вначале 1915 года солдаты не шли дальше возмущения изменой русских генералов и неумелостью офицеров, сравнивая военную технику Германии с русской („Русские воюют с богом, а немцы с дальнобойными орудиями“). Но постепенно они начинают осмысливать действительный характер войны. Солдаты не хотят быть простым пушечным мясом[1], протестуют против своего бесправия, они не хотят проливать кровь за „неблагодарную родину“. Это уже ступень к осознанию классовых интересов.

Самоопределению крестьян-солдат много помогала пропаганда рабочих, в большом числе взятых на фронт по мобилизации 1915 года и посланных в окопы за революционные выступления. Ирония истории: Правительство вначале войны боялось брать рабочих в солдаты, но увеличивающееся техническое насыщение армии заставило. Рабочие были самым „неспокойным“ элементом в армии, революционным бродилом. В письме (июнь 1915 года, дело № 12) некоего обывателя в солдатской шинели (были и такие) И. И. Рять читаем: „Живу я довольно хорошо. Но моя обязанность учителя очень трудная. Много нужно иметь терпения и ума, чтобы со всеми ладить. Можете судить сами, так как сюда пригнали разного люда из Московской губернии, затем фабричных, которые являются прямо бунтовщиками или социалистами, или же демократами. Они не желают повиноваться офицерам, возражают им и никого не слуша-

---

[1]) Каррикатура, изображающая Николая II, сующего солдат в мясорубку, которую вертит Вильгельм II, обошла все фронты.

ются. Они не боятся даже нашего генерала и, хотя он человек очень строгий, ровно ничего не выходит. Все места заключения переполнены ими, под ружьем стоят ежедневно от 20—30 человек. Но на военной службе повиновение необходимо, иначе рассуждать нельзя. Я это понимаю, и потому офицеры и высшее начальство меня любят. Я несколько раз пользовался уже отпуском. Я здесь много гуляю, но всякий раз с разрешения ротного командира или фельдфебеля".

Все чаще и чаще, хотя и приглушенно, раздается: „долой войну". Солдаты жаждут мира, они буквально стонут о мире („Мир или бы убило меня поскорей", п. № 4), но как его добиться еще не знают. Постепенно начинают додумываться и до этого. Начинают поговаривать о самовольном окончании войны. „Которы говорят, что надо ружья побросать, которы говорят надо начальство разбить". (Письмо № 22).

РАЗДЕЛ II-й.

1915 год.

№ 1.

НИНЕ ПРОСВЕТОВОЙ.
Казань.

Солдаты вообще очень правильно смотрят на войну, как на огромное несчастье не отдельных лиц, а целой страны, несчастие, как экономическое, так и моральное, а на немецких солдат, как на своих товарищей по несчастью; офицера же, на которых собственно не лежит тяжесть войны, говорят про войну с пафосом, с гордо поднятой головой, что мы мол должны позабыть о доме и семье и помнить только, что мы должны победить врага, (так говорил нам полуротный). Он и забыл, что и родина дорога нам только домом и близкими людьми, а не учебником истории Иловайского или Острогорского. Ну опять если в этом письме будет что зачеркнуто или вырезано, то я даже не знаю, что писать; придется последовать совету полковника: „Пишите:—жив, здоров, живем весело, стремлюсь всей душой быть честным сыном своей справедливой родины—это самое приятное письмо на родине".

Фамилии нет.
30/пехотный полк.

№ 2.

ВАЛЕНТИНУ ИВАНОВИЧУ КОЛОЯРЦЕВУ.
г. Саратов.

Гонят нас уже пять месяцев и никакого результата. Бугульминский полк забастовал, не хочет воевать и много уходит в плен. У нас из роты 7 человек ушло.

Анатолий Колоярцев.

17 декабря 1914 г.

№ 3.

Отпишу Вам свое критическое положение. С 28-го января нас немец вытурил из своей земли, гнал нас 5 суток день и ночь, догнал до города Гродно да и здесь никакого нет спокоя. До сего времени не раздевался из шинели и не снимал амуниции. 5 суток лежали в лесу на снегу при морозе 20°. Сначала был аппетит защищать родину, но теперь хоть чорт бы ее взял с ее защитой;

замучил нас проклятый немец, в боях нет счету; как есть Господь спас. Немец не такой, как Турок; у него на каждую роту по 2 пулемета и состав артиллерии по 12 пушек в батарее, а у нас только 6. Покуда отступали нами было потеряно 25 тысяч войска, были потеряны пулеметы и пушки.

Б. Куртасин.

10 февраля 1915 года.

№ 4.

ЯКОВУ ИВАНОВИЧУ КУЛАКОВУ.
Д. Зеленовка.

Мы все отступаем и отступаем, дела наши не завидные. В начальстве никакой правды нет, продают все на свете, снарядов не хватает, их вероятно, совсем нет. Из несчастной пехоты не поспевают полки формировать, крепости все без боя отдали. Это не война, а только людей переводят. Везде все продали. Надоело до самой смерти. Скорее бы что нибудь: мир или бы убило меня поскорей. Все измучились, как черти, не знаем день и ночь; живем как в аду.

Вас. Кулаков.

№ 5.

ЕКАТЕРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ ТАРАСКИНОЙ.
Село Усть-Щербедино.

У нас в настоящее время адский орудийный бой. Мы наступаем на немца, но он не поддается. Много пропало нашей братии, убитых валят как дрова по 200 человек в яму... Вообразите себе ряды тяжелых артиллерийских орудий и у последних истомленные истекающие кровью пыльные лица солдат... Пушки дымят и гремят, люди суетятся, заряжают и палят любуются следом своего снаряда, а под ними и над ними шипят, свистят, чивкают и лопаются на сотни кусков и с ужастным треском производят убийство и поранения, у кого руки, у кого ноги, а кто весь плавает в крови; каждый воин стонет: „О боже, жизнь сохрани“. Проходят дни недели и месяцы, и скоро будет год, и все тоже и тоже. Конца нету этому делу, и к нам уже закрадывается в душу тоска. Нам она смертельно надоела эта оглушительная музыка, эти суровые лица вокруг нас, еженощная работа... Эти сцены и страдания сначала потрясали нас, а потом они чуть трогают нас, а наконец чувства наши притупляются до того, что мы делаемся совершенно деревом, никакого веселья, никакого участия не видим мы. Нами владеет одно отчаяние... Ах война, война, что ты делаешь из нас бедных солдат.

П. Г.

13 апреля 1915 г.

№ 6.

Много поклали нашего брата, да еще наверно покладут, только поспевают собирать да подвозить, но скоро придет конец и собирать будет некого, потому что очистили все села и города; на пушки мяса не наготовишь. Наши только надеются на силу но чорт силен. а воли нет, так и нашим сшибают рога, а у немцев такой убыли наверно нет, потому что делает все умно; например взяли Либаву, наверно сотни человек не потеряли, потому что не было ни слуху ни духу и вдруг Либава занята немцами... Как получили известие о взятии Либавы, солдаты начинают волноваться потому что нашего брата зря губят благодаря все господам офицерам, которые смотрят на дело как сквозь пальцев, а наш брат темный народ и ведут нас как с завязанными глазами и толкают в яму.

Петр Осипов.

3 мая 1915 года.

№ 7.

ПЕТРУ ЯКОВЛЕВИЧУ АРЧАКОВУ.

Сейчас начался большой бой, но толку совсем мало. Это от солдат зависит, но и от офицеров; не то что солдаты идут в плен, но даже и офицеры, потому что очень надоело, а укреплены очень. Какая сторона наступает, ни один не вернется, так что, как видит, что близко, бросает винтонку и руки вверх. А почему наши так начали сдаваться, потому что нас бьют дураков кругом: на позиции немцы, а в тылу, за все мало важные проступки наказывают телесным наказанием—бьют розгами. Тот, как розгами отлупят, то он смотришь, говорят ушел в плен; там расскажет, а немцу то того и надо. Но еще в особенности у нас артиллерия ничего не стоит. На наш каждый снаряд немец пускает сотню. Потому что у нас (слово нельзя разобрать) очень и плохо; солдаты одни молодые да ополченцы; мы как видим где артиллериста, то смеемся, что они не стреляют. Они говорят, что снарядов нет. Так что толков очень, очень мало. Если не будут наступать, то выиграют, но если будут наступать, то проиграют. А если выиграют то чего нам дадут за это. Один костыль, а то два костыля, а то совсем уйдешь в город могилев, прямо скать, в могилу. Если разобьем немца ничего нам не дадут, только скажут молодцы ребята, а у этих молодцев ни ноги ни руки нет. Наше все начальство прямо настоящие жулики, только нас хвалят, а мы будто дети не понимаем.

Штамп полевой почтовой конторы № 131.

8 мая 1915 года.

БОИ В ГАЛИЦИИ

После обстрела тяжелой артиллерии участок 145-го Новочеркасского полка.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны т. Бессонова.

После штыковой атаки

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны т. Бессонова.

№ 8.

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ СОЛОВЬЕВУ.

Теперь идем в глубь России, да собственно не идем а бежим. Герман двигается за нами по пятам. Где остановимся не известно. Кажется до Москвы будем утекать или до Урала. Эта война хуже и японской. Ту пропили а эту продали. Есть слух будто германцы отпуская перевязанных раненых говорили „зачем вы сопротивляетесь отступайте без боя ведь еще в 1912 году весь польский край до Ковны продан нам сопротивление безполезно". Значит зря губят людей, показывая, что ведут войну. Весь гарнизон Бреста вооружили японским оружием, есть пушки тяжелые стоят уже на позиции, а стрелять не дают, патронов не подвозят. Отступая увозят без единого выстрела. Эх много есть похожего на измену прямо в глазах.

Твой брат Владимир.

121 Харьковская пешая дружина.

№ 9.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ ПЕТРОВУ.

Саратов.

Наши солдаты герои. Но все остальное слабо. Мы поставлены в такое положение, что немцы нас расстреливают из своих дальнобойных орудий, а мы принуждены молчать. Наши пушки не могут взять желательной дистанции, а их легкая артиллерия берет под прикрытием тяжелых пушек. О таких потерях, которые мы несем никто никогда не думал. Восточная Пруссия мне представляется сплошной крепостью и ввиду этого вряд ли мы что нибудь вообще сделаем с немцами. Разве только выгоним из своей территории, где мы только и можем с ними воевать. Наши солдаты лежат в окопах уже $1^1/_2$ месяца. Не могут переменить белья. Сколько сходит с ума. С пустыми руками и герой-солдат далеко не уйдет, когда его на каждом шагу осыпают градом снарядов. Нас утешают, что скоро и мы не будем нуждаться в снарядах. Но это „скоро" только остается словом, а нас продолжают гнать и бить. Справедливо говорят немцы: русские воюют с Богом, а мы с дальнобойными орудиями.

Друг Сергей.

№ 10.

АРИНЕ ИВАНОВНЕ КУЗНЕЦОВОЙ.

Село Календраф.

Очень тяжело нашему русскому солдату воевать с германцем. Есть такие солдаты, которые пишут письма из действующей армии, что все идет хорошо но вы не верьте, они в тылу армии наживают деньги, а тут сидишь в окопах грязный как черт, уже не думаешь как победить врага, думаешь только одно скоро ли мир, да остаться живым.

Начальство наше не унывает, как неприятель в наступление пойдет то наши доблестные начальники из окопов убегут и благодаря лесу в нем убежище себе найдут, а тут солдаты охают, бегают друг дружку спрашивают—наверно наш ротный убит, а глядь он на утро из лесу валит и кричит—что мошенники плохо стреляли к себе в окопы немцев допустили, а солдаты с смущением отвечают: нам за вами не угнаться.

Трофим Коновалов.
15 рота 332 пех. Обоянского полка.

№ 12.

АНАСТАСИИ ЕЛИСТРАТОВОЙ ШАМОВОЙ.

С. Бол. Патневка.

Наша берет, а рыло в крови. Никак не одолеем его, много на нашей стороне продают начальство нас, никак не победим его, даже и не надеемся, чтобы наша взяла. Теперь всех забрали и все понапрасну, страдаем и кладем свою жизнь ни за что, только смеются над нами, что мы ходим как баранье большое стадо и хотят разбить врага, тогда и мир будет, так нам прислали приказ от самого Государя. Но что будет если нам прислали добавок в полк 700 человек и все без винтовок, сидят в окопах, дожидаются пока товарища убьют, тогда он берет винтовку и начинает стрелять. Вот какая война у нас теперь стала, из орудий даже нет ни одного выстрела всю зиму, а неприятель по нас лупит почем попало; 12-ти дюймовыми снарядами встречал наш праздник, так что всех жителей выгнал из деревни, хаты разбил на щепки и много жертв наделал.

3 мая 1915 года.

№ 12.

ФЕДОРУ КОЗМИЧУ СМОЛЕВУ.

Челябинск, Дешевая слободка.

Война положим очень плохая, больше все слышно измена в нашем начальстве. Не знаю что Господь даст нам из этой войны. Я так расчитываю Федор Кузьмич одно нам разоренье, а больше ничего. Начальство старается только набить как можно туже карман, а если придет туго от неприятеля то старается убежать бросив нас нижних чинов, лишь бы самим спастить. А потому бегут, что у них много денег и им не хочется умирать растаться с деньгами а нам вообче всем нижним чинам стоит умереть потому что мы жалованье получаем 75 коп. в месяц, значит нет расчету жить на свете. Начто наш прапорщик герой на язык, а на деле плох. Нам пришлось задержать неприятеля каких то два часа и он убежал из окопов сослался на то, что пойду за патронами, ево ли дело ходить за патронами, это явная трусость. Где то у вас господин Иванов пропишите, что он поделывает. Заслуженный им кавалер не за храбрость хватил, а воровал курец—гусей и угощал наше начальство, вот его и храбрость... Знайте про себя что я написал, как бы не стали спрашивать. Остаюсь уважающий Вас зять.

Штемпель: „Полевая почт. контора № 18".

14 июня 1915 года.

№ 13.

ВАСИЛИЮ ДМИТРИЕВИЧУ.

До такой степени надоело воевать, что и сказать невозможно; не знаю, когда и конец будет или совсем не будет; не знаю, что будем делать. Командиры рот больше прапорщики, старые командиры все подались по командировкам, и воюют одни молодые, которые по военному действию, можно сказать ничего не знают.

2 Октября.

Василий Орлов
2-я рота Лейб-Гвардии 4-го Стрелкового
Императорской фамилии полка.

№ 14.

УСТИНЬЕ МАРКОВНЕ СОЛОМЕННИКОВОЙ.

Сарапуль.

Эх много ляжет в сырую землю наших друзей и братьев, хотя мы и служим и все время веселы, но на сердце лежит камень, который много влияет человеку в его жизни. В России много осталось

сирот и разорилась вся наша Россия и нужно поправиться не один год, а целых 50 лет, что бы стать на старое место. Сколько потеряла казна наша денег, это ужас. В Ревели совсем наших солдат замучили.

У нас учат священному писанию, священники благословляют на бой, а сами не идут. Забыли шестую заповедь Христа „Не убий". Бедная Россия ни одной войны не пройдет, чтобы она не участвовала; а почему, потому что у нас в России народ не ученый, у нас одно мошенничество—более ничего хорошего не увидишь.

5 октября 1915 года.

Павел Соломенников
2-й баталион Осовецкой артиллерии.

№ 15.

АННЕ МИХАЙЛОВНЕ ЗАБЕЛИНОЙ.
Село Давыдовка.

Конца не предвидится этой пагубной войны, жизнь наша неценная, а все таки еще пожить бы охота, и время уже быть концу, ведь люди помирают с голоду, а виновница этому война, ходят босы, голы, все разбито, не только селы, но даже и города превращены в прах, всюду развалины, не осталось камня на камне и никто не сжалится над этими несчастными как будто их никто не видит, как будто их какая то сотня человек, а их миллионы таких страдальцев, проклинающих свою жизнь.

Петр Забелин.

№ 16.

НАДЕЖДЕ ПЕТРОВНЕ ДМИТРИЕВОЙ.
Казань.

Ведь сколько пролито слез и крови и сколько расстались с преждевременной жизней и сколько калек, что если собрать все во едино и только от этого ну кажется обомрешь и не перенесешь. Да что же это творится и что делается и скоро ли будет конец уничтожения и казнества. Ой сколько сирот и сколько калек это уму не постижимо, а все берут и везут и ведут, как будто с завязанными глазами, и будто никто не видит и не слышит ничего и что творится незнай. Всем придется пострадать благодаря нашим вельмож и управителей русским народом. Черт с ней с этой войной уж очень она надоела.

Твой брат Ваня.

№ 17.

ПРАСКОВЬЕ ЗАХАРОВНЕ ЗГАБИНОЙ.

д. Бамаковская.

Я хотел приехать домой но очень далеко, проезд стоит 20-ть дней на машине, а нам дается 10 суток. Но што бы я на это не посмотрел бы, но патрули на станциях задержат, если бы было 500 в. растояние и то бы приехал, но то не дожидай. Пока Царь нас не сделает уродами то не пустят человека домой. Когда он не может править Россией. Неверьте, что газеты пишут что наша берет, день ото дня наши отступают лишь смотри и Киев здадут и все увозят и у нас сейчас с такими болезнями гонят на позицу, что смотреть нанево сослезами, потому что силы мало пополнять войска нечем, снарядов нет. Только одна пехота дерется. Деньги нам не выдают, все золото отправили. Мы знаем куда оно ушло. Вот какое у нас правительство, себе карман наживают.

Ефим Згабин.

№ 18.

АЛЕКСЕЮ ЕГОРОВИЧУ НОВИКОВУ.

Саратовской губ.

15 декабря был смотр, смотрел Государь Николай Александрович, поблагодарил нас, просил постараться, сказал в скором времени победим врага, но только надоело уже нам побеждать.

Сергей.

15 декабря 1915 года. Лейб-Гвардии Измайловский полк.

№ 19.

ИВАНУ ЧУГУНОВУ.

Мир не заставит себя долго ждать. В настоящее время одни беженцы заставят заключить мир скорее чем мы предполагаем. Англия—вот виновница продолжительной войны. Она не может признать себя побежденной, ее города не разрушаются, она менее всех страдает, только расходует капитал, а про нас говорить нечего. В настоящее время на нас напирает немец... Приезжал Царь, сказал нам, что надо выбить неприятеля с своей земли, мы сказали постараемся, ну а себе мы думаем на уме, должно быть, мало отдали, надо отдать Москву, Петроград, тогда будет мир.

И. Морозов.

6-я рота 3-й взвод 335 пех. полк.

№ 20.

ПЕТРУ ИВАНОВУ МУЗУРОВУ.

Д. Першовка.

Наша Россия никогда не победит врага по случаю нашего контрольного производства немецких путеводителей театра войны. Посмотрите вот что будет весной, не то что согнать немца с своей Галиции, берегись Киев, так и знай придет в гости германец; он летом душит наших, это не Наполеон, а вы ничего не знаете, что творится на передних линиях.

Вам все пишут незначительные потери наших. Эх начальнички наши... Никогда наши не выиграют и думать нечего, теперь весь народ понял в чем дело. Воюем второй год и защищаем интересы отечества, и до сего времени нет ни одного манифеста для крестьян—защитников русской земли.

Знаете дорогой братя я думаю будет-ли когда конец этому убийству и спрашиваю себя—к чему это, Богу чтоли все это надо, но для чего он тогда дал заповедь—„не убий".

Иван Музуров.
6-я батарея 82-й артбригады.

26 декабря 1915 года.

№ 21.

И. МИРОНОВУ.

Сарапуль.

В настоящее время мы живем в поле в землянках, как дураки. Рождество провели спокойно без боев, немцы приходили к нам поздравлять нас с праздником и говорят, бросайте, довольно воевать, зачем нам друг друга бить, ничего за это нам не дадут, они своим начальством тоже недовольны и говорят, что Ваше начальство продает за копейку трех солдат, а города мы у Вас не войной взяли, а купили за деньги. Пожалуйста газетам прошу не верить, они только подкрашивают, также не жертвуйте на армию, потому что Вы не на армию жертвуете, а генералам на коньяк. Солдатские посылки также превращаются все в деньги, на которые приобретают товар для солдатской лавочки, а солдат за последние свои гроши из этой лавочки покупает пачку папирос. Был у нас баталионный праздник и на этот праздник офицерам отпустили 15 тысяч рублей а солдаты в обозах ходят без рукавиц и многие обморозили руки. Так, вот как тиранят людей, за что сами не знают. Страшно было смотреть когда был бой под г. Любачевым, это не

война а кровавая похлебка, сколько погибло невинных людей, а о солдатах и говорить нечего, это мясо человеческих тел, которое назвали „немецкой колбасой". Немцы теперь с аэропланов бросают записки и велят убираться до Москвы, а то говорят, что опять будет тоже, что было под Любачевым. Это не Вильгельм, а 2-й Наполеон. Наши когда забирали города, то не думали их укреплять и подвозить снаряды, а сначала устраивали театры. В этот театр конечно разрешалось входить только офицерам, да сестрам милосердия, а вы жертвуете на солдат, на солдат сотая копейки не попадет.

28 декабря 1915 г.

№ 22.

НИКОЛАЮ МАРТЫНОВИЧУ ПОНОМАРЕВУ.

Д. Воробьевская.

Теперь все солдатики возмущены, помоги нет начальство города, продает и лезут на какие нибудь сопки, теряют тысячи народу, теперь прошла речь по всему фронту что хотят побросать ружья или станут наше начальство пороцить тогда будет общий бунт повсему фронту но только скоро несобразятся. Которы говорят, что надо ружья побросать которы говорят надо нацальство разбить. Ети переговоры пошли еще только пятый день то изнайте ежели скоро небудет мира это и выйдет рас пошли переговоры по всему фронту какая это война 38 дней бес смены наш полк на позиции безо сна. Хотя и приходится поспать днем немного но не каждый день. Теперь и наша рота все затомившись скоро-ли ето концится топерь мы сидим в окопах 38 дней уже нам кажется что мы просидели 38 лет, топерь придется ешо бежать верст 60 тогда всю польшу сдадим немцю.

В. Пономарев.
14 рота 171 Кобринского полка.

№ 23.

ИВАНУ ИЛЬИЧУ ХОМЯКОВУ.

г. Алатырь.

Новости здешния до того надоели, так что не веришь живешь или нет, прошлое забыто, настоящее надоело, а в будущем как в тумане, скучно становится и как ни скоро бы кончилась но все не верится будто все было вечно, как будто никогда и не был нигде, а вот все на военной службе, да жалко лучшее время прошло здесь

среди чужих людей и неправды, не видно ни веселых лиц ни ласковых а все серьезные, хитрые и злые надоевшие—друг другу и надежда на мир как на воскресение мертвых.

№ 24.

АЛЕКСАНДРУ ТИМОФЕЕВИЧУ НЕСТЕРОВЫХ.

Д. Медноведово.

Дорогой и многоуважаемый мой товарищ сообщаю я вам как вы человек вообще понятный повсему. Домой проэто нечево не посылал, что у нас в России делается какие порядки, на счет войны совсем очень плохия идут. Пожалуй надо сказать—воткнуть штыки в землю всем и бросать воевать с нашим порядком в России и нашим хорошим Начальством. Война прошла уже больше году ничего хорошего не видать только видно что у нас войска все прибиты. Остались одни ратники. После Японской войны прошло 10 лет у нас в России ничего не могли приготовить как в прочих к войне на год. У нас в России нечего не хватало, оружия припасов и снарядов да потому что у нас начальство нарочно так и подводили. Они знали что России воевать придется а теперь водят нас за уши. Везде у нас наше начальство делают измену да продажею войска ложат сразу по нескольку тысяч враз. Наш брат не счадит своей жизни кровь проливают свою, а начальство наше тысячи и миллиарды наживают себе в карманы. В газетах пишут что Россия везде много всего берет городов и в плен германцев и австрийцев, орудий и пулеметов забирает. Что было с начала войны как у нас в России всего хватало оружия и снарядов наша везде тогда здорово брала, а настоящее время стало наше начельство везде делать измену да продажу, пропало у нас в России все дело—Карпаты мы и Перемышль брали шли войной более полгода, пошла у нас измена германец нас от тудова за 4 дня выгнал, всех перебил и позабирал в плен. Так Россия наша станет делать с нашим хорошим начальством и Москву у нас возмет германец. Россия провоевала 11 губерний. Теперь правители с нашими хорошим начальством все провоюют. Не верьте дорогой товарищ что в газетах пишут что Россия много всего берет и всего в России много есть и это пишут все напрасно, наш народ веселят. Россия так берет что у России рыло в крови бывает, ничего у нас нет как в прочих державах. Благодаря тому немного еще что Японец научил воевать и теперь Япония помогает оружием и сна-

рядами. Невидать в эту войну опять хорошего. Россия если тем останется счастлива что не отдаст Москву да Петроград.

Евтихий Зорин.

№ 25.

ПЕЛАГЕЕ СТЕПАНОВНЕ МАКАНИНОЙ.
Г. Пенза.

Гул войны нас сбудил, он пронесся над нами, как гром, после которого запахло в воздухе электричеством. А как этот гром силен: он поднял самые глухие кутки России, он на всех одел стальную броню, т. е. он вырвал семейства с корнем, он отнял лучшие жизни у наших братьев, но все лучшие материалы для войны дала больше никто, как деревня, или же город, но те силы города, которые ни на что не способны. Вот теперь только дали дорогу тем, которых презренное общество презирало,—пожалуйте, мол, в окопы; всегда вы были последними, но за то теперь вы первые на позиции, а мы спрячемся у вас за спиной и будем ждать, пока победите вы. Но легко ли сказать победить. Для того, чтобы победить, нужен дух, так сказать мощь, поддержку из тыла, а там кроме вздорных слухов ничего кажется нет. Ну, бросим об этом. Я думаю, что ты меня поймешь то, что я не досказал.

Твой Гриша Маканин.

№ 26.

ДАРЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ВАСИНОЙ.
Тамала.

Отвык мысли на бумаге излагать. Удивительного, конечно, ничего нет: нужно ведь прожить $6^1/_2$ мес. среди этого ада. Ведь это сплошная грубость, сплошное издевательство над человеком. Вначале я думал, что иначе нельзя, что в силу необходимости все так делается, ну а как ближе познакомился, увидел, что дело тут совсем не в силе необходимости, а в чем то другом, гадком. В начале ведь помнишь какие лозунги были провозглашены войной: право, справедливость, борьба за цивилизацию и т. д. Все это несколько мирило с войной и со всем ужасом положения; ну а потом, когда всем стало ясно, что лозунги—плащ, прикрывающий скверную правду, шире открылись глаза, глубже стали вдумываться и увы, пришлось придти к грустному заключению, что люди сломя голову идут назад, пятятся в какую то пропасть. Как оглянешься вокруг себя, жутко становится, слава Богу, что подобные минуты просвет-

ления редки, а большей частью обыденщина давит. А какая вакханалия открылась по Руси-матушке. Там где то далеко, в грязи, в крови умирают, страдают, но сюда в глубокий тыл эти стоны не долетают, не мешают есть, спать и предаваться удовольствиям. Ну и развернулись силы новые во всю свою мощь богатырскую. Пьянство, разврат и какое то безумное воровство направо и налево, ни с чем не считаясь. Миллионы, десятки миллионов народных денег расхватываются, вырываются куски из рта раненых солдат. Творится чтото невероятное. А женщины... Города—это какие то громадные публичные дома, и впечатление какое то сумбурное. Начинаешь чувствовать ненависть к женщине. Крест, красный крест, бывший прежде символом милосердия, любви к ближнему, самопожертвования, теперь ярко грубо кричит: продается с публичного торга. О, с какой ненавистью смотрят на них раненые солдаты. Впрочем все это для тебя не ново, и я повторяю только то, что ты уже не один раз читала и слышала. Вот видя, чувствуя все это, приходится ехать на фронт. Конечно, кроме гадливого чувства к оставшимся ничего с собой не уносишь, и на душе тяжело, что пролитая кровь поведет нас к какой то светлой иной жизни. Не ехать бы хотелось, а скрыться куда нибудь подальше от людей.

Сашка.

30 декабря 1915 года.

№ 27.

ЕЛЕНЕ ИГНАТЬЕВНЕ ТАРАСОВОЙ-РОДИОНОВОЙ.

Казань.

К войне или собственно к приплетенной к ней идеи, как освободительной, отношусь отрицательно. Меня не захлестнула волна общественного под'ема и патриотического шума, подогретая правительственной агентурой. Не разделяю я и точку зрения так называемой ответственной оппозиции, растерявшейся перед стихийной грозой, струсившей и теперь подыскивающей оправдание своему позорному падению.

Твой Саша.

РАЗДЕЛ III-й.

Снабжение армии. Материально-бытовые условия солдатской жизни.

1915—1916 г.

№ 1.

УЛЬЯНЕ ИСАЕВНЕ АНТИПОВОЙ.

Уральск.

Ни подумайте Вы что моя досада на вас, нет дорогая моя Уличка ни на вас а просто на все эти несчастные обстоятельства так что будит ли когда конец нашим страданиям, перестанут ли когда пить из нас кровь... мы в настоящее время голодуем что лучше бы умереть такую стали пищу давать которую и собаки не станут есть. Варят нам один день только сухую воблу один день варят селедку... Какая может быть пища вареная селедка. И не моют и не чистят, бросят немного пшена или капусты и то только один раз в день. И при том одежи никакой не выдают, ходим оборваны. Вшей миллионы, сапог тоже нет я сейчас хожу почти что босиком на одних портянках. А газеты мы читаем и видим что должна быть опять скоро мобилизация всех старых и малых. Милочка и что же тогда будет в нашей дурной россии так что мы на войне пропадаем а вы должно быть пропадаете там.

Петр. Антипов.
Пулеметная команда
9 го Кавк. стр. полка.

№ 2

П. И. САННИКОВОЙ.

Дер. Атабаево.

Эта проклятая 2-х годовая служба измучила нас всех солдат все так измучены не похожи на человека, а скорее на какого то дикаря, все оборванные, грязные, посмотреть на нас самая жалкая картина жизни, которую мы все переживаем здесь. А наверно после всей этой истории, кто останется еще как нибудь живым но все равно горе будет, так как известно как на мужике ездят верхом.

К. Санников.

№ 3.

МОКИНОЙ

Пермь.

Я живой мертвец, на подобие животного в грязи в песке и вош грызет: всего на свете лишен... Зачем ты мать моя родная, зачем на свет произвела, судьбой несчастной наградила шинелью серой облекла. Шинель меня переродила, Шинель свободу отняла, шинель все члены мне сковала, врагом отчизны назвала.

Мокин.

123 пех. Козловский полк.

№ 4.

П. Ф. ШУШИНУ.

Село Пычас.

Мы находимся в открытом поле, спим в окопах обувшись и одевшись сырые и грязные, но какой тут сон, то и гляди что оторвет голову снарядом. Направо и налево, кругом от тебя тысячи убитых и раненых. Жизнь стала очень плохая, кормят плохо. Сварят щи хоть портянки полощи, крупинка за крупинкой бегает с дубинкой, сварят мясо на 100 человек 20 фун., да еще картошек гнилых $1^1/_2$ пуда, которые и свиньи не станут есть, да еще к этому добавят кислой капусты вот и выйдет славный суп, а работаешь до упаду. Наша пехота бедная ходит в лаптях и портянки из самого плохого холста, а все еще хочут воевать, когда ничего нет.

Ваш сын.

№ 5.

Здесь очень трудно жить, здесь не житье а каторга, сидим в темноте в грязи, хуже чем арестанты. Дисциплину спрашивают строго, так что иногда и поплачешь и спомянешь свой дом родной и опять останешься в окопах. Немцы обстреливают из орудий тяжелыми снарядами, весом 2 с половиной пуда, так что земля трясется. Я их тоже начал косить, но они не пошли в наступление. Живем плохо, едим только один казенный хлеб, да известный солдатский суп, с которых нам все кишки извертело. Вы жертвуете на войну солдатам, а они ничего не видят, это только людей обманывают, собирают копейки, не жертвуйте воинам. Карманы широкие их не наполнить, но надо думать, что все эти мошенники уничтожились и чтобы была одна только правда. Живут наши солдаты так как может одно только животное.

Прошу не жертвовать для наших воинов, потому что нам это пожертвование не попадает, а попадает начальству в карман и передайте всем знакомым.

Ив. Крупинин.
225 полк.

№ 6.

ПАВЛЕ ТИМОФЕЕВНЕ ХРЯЩИКОВОЙ.

Саратов.

Наша казарма хотя и большая но тесно: в виду того, что в ней помещается очень много народу. Наши постели—нары в два яруса; на них послана солома, закрытая полотном; в головах у кого кулак, а у кого и так; сверху же прикрывается вместо одеяла—шинелью. Если спишь на нижних нарах, то на тебя сыпется с верхних нар мякина и сор от соломы; наверху же страшно душно. Теснота, духота, грязь страшная. Вшей, блох, клопов, и всевозможных насекомых такая масса, что не успеваешь обираться. И это все переносит солдат, у которого помещение хуже, чем у хорошего хозяина в хлевушке для свиней. Едим из общего, огромного жестянного таза, какие имеются в бане для мытья. Вчера в субботу из этих тазов мыли потолки и полы в казармах; после их вымыли горячей водой, а вечером стали из них ужинать. Липа ты не думай, что я все преувеличиваю, наоборот я тебе пишу одну десятую часть того, что у нас творится.

Михаил.
137 пех. зап. бат. 8 р.

15 Декабря 1915 г.

№ 7.

Какой ужас... Думаю, что не перенесу всей угнетенности и унижения, какия приходится видеть и переживать. Содержат и обращаются, как со скотиной, а пожалуй и хуже. Услышать человеческую речь, встретить человеческое обращение совершенно не возможно. Загнали нас в темныя, сырыя, грязныя конюшни с отравленным воздухом. Через всю конюшню тянутся два ряда сквозных нар, покрытых на палец грязью, на них то мы и помещаемся—спим, обедаем, пьем чай и пишем письма. В пять часов будят приказывают пить чай, а затем собираться гулять... После прогулки на одну минуту загоняют опять в скотник. Не успеешь обогреть носа, а о ногах, руках и говорить нечего, как гонят на учение. Учение

продолжается до половины двенадцатого. Но что такое солдатская словесность и вообще все учение, описывать не стоит. Чувствую себя весьма скверно. Всего больше угнетает мысль о порабощении.

Ветряков.

23 декабря 1915 г.

№ 8.

АЛЕКСАНДРУ АВГУСТОВИЧУ ГРИБОВУ

г. Царицын.

Местность в которой находится наша позиция идет от города Карса на турецкий г. Кареклис. Еще на 50 верст и находится позиция. От Карса до самой позиции будет верст 200; помещения отводят или разбитые турецкие сакли, где нет ни дверей ни крыш и где приходится не спать, а мерзнуть, а если случайно попадется теплое помещение, то там нет никакой возможности спать. Послучаю тесноты, люди лежат буквально один на другом. Что помешало русскому правительству построить помещения, не как для свиней, а как для людей. Много я вынес нравственных и физических мук, нравственных от сознания той преступности, которую сознательно делает народу правительство, а физических от непосильного труда, который везет на себе, как кляча, серый человек, сколько проклятий произнесли уста. Трудно представить себе какой гигантский труд несет русский солдат.

Павел Грибов.

7-й Кавказский Стр. полк II рота.

№ 9.

ЕГОРУ ДМИТРИЕВУ КОШКАРЕВУ.

Челябинск.

Уведомляю тебя дорогой Егор Димитриевич что я в настоящее время лежу в дивизионном лазарете и помещением нам служит полуразбитая хатенка, в грязи на голых нарках придется встречать светлый христов праздник грязному как хорошей свинье, но на судьбу плакаться не приходится, у нас помещение еще довольно сносно сравнительно с другими. Я сам был недавно свидетелем одной картины которую до смерти не забыть. Представьте громадный сарай полный набитый ранеными воинами русской земли. Как никому не нужный старый хлам они бедняги свалены в сарай и лишены не только медицинского, но даже и человеческого ухода и эти бедные защитники заживо гниют. Там гниль, вонь, грязь, стоны, зубовный скрежет от сильной боли встретили меня как я пересту-

пил порог этого сарая. Не помню как я выскочил оттуда, а я считал себя привыкшим ко всему, но такой картины я не видел и не дай Господь больше и видеть.

Подписи нет.
Полев. Почт. к-ра № 13.

№ 10.

ПАВЛУ МАЛАЧЕВУ.
Уфа запасный полк 15 рота.

Жизнь наша тяжелая, не желаю даже такой жизни первому своему врагу, стоим в грязных землянках, копоть, дым в душу заходит, прямо вырывает сердце наружу. Одежда холодная, насекомых не перечесть. Не военная служба, а каторжная. Сообщил бы Вам еще уветы моей позиционной жизни, но не возможно. Пища плохая. Посмотрел бы во что мы одеты, посмеялся бы, многих обувают в лапти, целые полки... Довоевались, верно уж не хватит ничего. Писали что у Германии того и другого не хватает, а у самих скорее выдохлось... Когда же это кончится стоят на одном месте с осени, ни назад, ни вперед... А Государь ездит и говорит, что до тех пор мира не будет, покуда не прогоним германца со своей земли. Я думаю что это не правда, мы уже кажется завоевали по 162 р. на каждую живую душу. Ох да не стоит писать, я знаю, что письмо не получишь.

Подпись не разборчива.
332 Обоянский полк
2-я рота 2-й взвод.

№ 11.

ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ КУЗЬМИНУ.
2-я Дьячевка.

В окопах тесно и грязно, спим хуже свиней на голом полу, одежда на нас вся грязная, белье как у угольщиков, тело грязное как у свиньи, в бане мы были месяц тому назад, настроение у солдат не нормальное, наверно скоро вспыхнет. Слухи есть, что 30 корпусов отказались итти в наступление и продолжать войну.

Кузьмин.

№ 12.

ФЕДОРУ КУРОПТЕВУ.
Казань.

Стояли мы на передней позиции, теперь сменились на 1 месяц отдохнуть, но не дают отдыха, работаем дороги мосты. Из пищи

было плохо: давали 1/4 фунта хлеба, а то кормились кукурузой, собирали на полях колосья ячменя и варили кашу, не было ни соли ни хлеба многие подохли с голоду. Стали у нас сильные заболевания, солдаты гибнут с голода, как мухи от холода... У нас не позволяют писать правду, как солдаты с голоду дохнут... Если не убьют то с голода уморят, а живого не выпустят. Каша пошла большей частью из фасоли и чечевицы, а то была из мамалыги т. е. из кукурузной крупы, после которой даже появились на столбцах афиши с надписью: „Если будет пшенная и гречневая каша, то и местечко Корлибаба будет наше, а если кукуруза и чечевица, то отдадим и Черновицы". Ну я кажется далеко заехал, не знаю пройдет или нет.

Куроптев А.

№ 13.

ПОРФИРИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЕЖОВУ.

С. Турки.

Бьют нас тут как мух и считают нас тут за мух... у него потеря очень мала, у нас много: стоим в землянках все грязные, холодные, голодные и разутые... так нам с ним трудно возиться; мы его не собьем и с своей территории не выгоним—не верь газетам, что там вам красют, чтобы меньше было разговору... Кормят нас чечевицей; хлеб рубим топором, народ гниет живьем и болезни не признают. Так наверно пропали навсегда.

Подписи нет.

№ 14.

ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ БЕЛКИНОЙ.

Уфа.

Праздники для нас одна тоска. Все что пишут в газетах о произведенных на фронте праздниках и их разнообразиях, как я лично убедился на месте, сплошная ложь. Были вот и у нас две елки. Но какое удовольствие получили солдаты, будучи также на елках. Они только и были свидетелями, как обжирались, и как свиньи напивались наше начальство. Одна елка была в отряде красного креста и где особенно был безшабашный разгул, сколько было выпито водки... И думается где же трезвость... А все это собиралось грошами у нищего, обобранного народа. А как ведет себя персонал этих разных отрядов. Это безконтрольные банды... Гони в шею всех шляющихся с разными цветками... все это ложь и ложь.

Белкин.

12 ж. д. батальон 4-я рота.

№ 15.

ПЕТРОВУ.

Село Пичкасы.

Опишу тебе нашу солдатскую мученическую жизнь. Во первых дисциплина страшно надоела не только мне, но и всем. Я ненавижу весь наш строй жизни, а также эту страшную убийственную войну. Во вторых голод, холод и грязь. От всего этого становится так грустно, так тяжело, что иной раз хочется пустить себе в грудь кинжал.

Подписи нет.

№ 16.

ИВАНУ ГОРНЕВУ.

Вот война, но не для всех Вот посмотрели бы сейчас, что тут делается; у офицеров пир горой, два оркестра играют на смену, офицеры все пьяные, а с ними и сестры, но не милосердия, а без милосердия. Там же в окопах сидят. Теперь приходится всякой сволочи тыкать в рыло деньгами, а то съедят разные унтер-офицеры, а у меня не только им дать, но и на табак нет.

Подписи нет.

№ 17.

АЛЕКСЕЮ АЛЕСЕЕВИЧУ ОБРАЗЦОВУ.

Неприятно поразило меня в Житомире следующее: многие из офицеров нашей дивизии прислали своим женам массу серебра из Галиции и вообще всевозможных ценностей. Жена командира катается по городу на чудных австрийских лошадях в роскошных венских экипажах.

Вот приезжала труппа артистов Императорского театра, но не для нижних чинов, а все для г. офицеров. Как все это пошло и постыло. Люди одной расы, одной нации, по одной земле ходят, но одни почему то отделяются от других и у них взгляд на нижних как на забитых животных, которых бьют и считают обязанными, а в конце концов убивают, но разве это не человек.

Ваш П.

№ 18.

П. Ф. КУЛИКОВУ:

Салтыковская.

У нас недавно поймали патрули попа с сестрой милосердией и увели к коменданту. Сейчас есть разрешение, кто поймает сестру

милосердию, тому 5 тысяч награды и 3 месяца отпуска. Очень много беременных сестер милосердия.

А. П. Куликов.

№ 19 [1]).

С 1 Декабря нахожусь в наилучшем настроении. Пью на пропалую; почти каждый день пьян, что называется в дрезину, целый день шатаюсь, а к вечеру качаюсь. Варим кислушку, такая славная вещь. Выпьешь котелка два, ну и готов; домой прихожу часа в два, а надо бы хотя раз притти раньше, да в нормальном состоянии. Думал, что на днях придется побывать в России, но дело не выгорело по некоторым причинам, хотя может скоро приеду. Жалко только покидать сего святого места. Очень здесь хорошо устроились: офицерское собрание, музыка и пляска и выпивка, ну и остальное.

Котка Виноградов.
190 пехотный Очаковский полк.

№ 20.

ИОСИФУ ТОКАРЖЕВИЧУ.
Уфа.

Начальник хозяйственной части Корепанов (он из Царицына штабс-капитан) злодей, прямо злодей, велит делать экономию продуктов путем неполной выдачи их. Исполняя это повеление, я против своей совести, совести солдатской не додавал благодаря чему иногда обед получался прямо бурда, свиньи не едят, солдаты мыли свои грязные ложки. Меня даже солдаты собирались побить за это; но я спасался от этого: выдам продукты да и скроюсь куда нибудь как крот, а потом как стемнеет, я снова показываюсь на свет Божий. А с другой стороны, если делать по совести, т. е. выдавать продукты полностью, то начальник хоз. части узнает, изобьет, что и было с одним артельщиком, моим предшественником.

Александр С.
4 рота 243 пех. зап. баталион.

№ 21.

В хозяйственном отношении везде такие подлости, что право стыдно рассказывать: воруют все начиная с кашевара и кончая наверное, завед. интендантством. Это же черт их знает, через сколько

---

[1]) Письмо офицера, характеризующее разгульную жизнь офицеров.

ОФИЦЕРЫ НА ФРОНТЕ.

Пасхальное обжорство.

После обильной выпивки.

м
м

л
ц
Н
б
ч
н
к
ц

И
У

ш
ду
ти
ин
св
но
ка
жи
пр
и

ст
ве

1)

рук пройдет все полагающееся нам. И к каждым рукам все пристает и доходит до нас уже совершенно скудное и плохое. Приходится все терпеть, потому что мы безсильны против этого зла, слишком его много.

Петров.

№ 22.

... Взяли ручные бомбы и пошли. Пришли к тому дому, где помещен штаб полка, глядят, офицеры все пьяные. Разведчики окружили дом и бросили 15 бомб; многих убили и поранили. Нам сказали, что в дом попал тяжелый снаряд. Так вот какое у нас начальство, вот и воюй, побеждай врага с такими руководителями, жди скорого мира и надейся на победу.

Подписи нет.

№ 23.

КИРИЛЛУ ЕФИМОВИЧУ ШВЕЦОВУ.

С. Иловатка.

У нас на позиции солдаты голые и босые, прямо страшно смотреть, сапоги порванные и новых нет, а старые починяют да дают солдатам и также все остальное. Другой бедный солдат тряпками ноги обматывает и ходит прямо таки не дай Бог, что делается. Чем не дальше все хуже, а пища очень плохая, один суп паршивый. А одна дивизия нисхотела заступать в окопы, сказала оденьте и обуйте моих стрелков все до новой ниточки, тогда пойду, говорит на позицию.

25/X—1916 г.

Подписи нет.

РАЗДЕЛ IV-й

ПАЛОЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА, МОРДОБИТИЕ, ПОРКА В АРМИИ. (1915—1916 год).

№ 1.

МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЕ БУДДЕ.
Казань.

Все окружающее так гадко и подло, что смотреть не хочется. Солдатам живется плохо, все время впроголодь. Хлеба дают вместо обычных 3 ф.—1—1½ ф. на человека. Мясо варят только два дня в неделю, и то лишь на обед, остальные дни постный суп с грибами и червями, при всем этом ужасная грязь. Половина солдат без сапог или ходят в рваных, а иные сидят дома совершенно без сапог. Винтовок нет; солдаты обучаются старыми берданками и деревянными ружьями. Как посмотришь на все это, только слезы навертываются на глаза. До чего обесценен человек. Начальство каждый день пишет и читает газеты, гласящие жестокие кары за самовольные отлучки домой и уверения о скорой конечной победе. Скажу Вам по секрету, в эту победу я не верю, т. к. уверен, что все это время затишья, когда мы сидим без сапог или управляемся деревянными ружьями, немцы более продуктивно проведут его для себя. За каждый солдатский проступок здесь теперь виновного порят розгами. Да, как это ни горько, а это так. Видно вспомнили пословицу „за битого дают двух небитых". Какая несовместимость: непобедимый христолюбивый воин поротый солдат. Горше всего то, что все это делается не на основании закона, а по чистой инициативе. Ну какие после того, как выпорют 35 летнего мужика розгами, не воспылать ему патриотизмом. Как же не сложить ему свою глупую голову, защищая родину с ее милыми заветами. Как же нам не победить глупого врага.

Иван Х.
265 запасный баталион.

13 марта 1915 г.

№ 2.

АЛЕКСАНДРУ КУЗЬМИНУ ЗЫКИНУ.
Саратов.

Солдатская учеба идет своим чередом, церемонятся с нами очень мало, при чем система преподавания военного искусства ведется

в таком направлении, словно нас готовят на парад, а не на бой с противником, гадко до безобразия. Для обучения нет винтовок, при команде стреляй (цепью) заставляют бить в ладоши. Смешно. Впрочем несколько сот винтовок есть на тысячи обучающихся и эти винтовки в течение дня по нескольку раз переходят из рук в руки для обучения ружейным приемам. Вообще вся эта учеба имеет страшно угнетающее моральное значение. На учениях приходится порядочно мерзнуть. Здесь снег и холод до 10—15 градусов. Не дают греться. Вообще все условия крайне тяжелые. Мечта каждого хоть как нибудь уцелеть здесь. Здоровье подвергается страшному риску, мер же к ограждению его не принимается никаких. Можешь заболеть и умереть до этого никому никакого дела нет. При таком холоде людей еле-еле отдетых и тех гонят в поле... Вообще, Саша, какую сторону военной службы не возьми, везде безобразие и тупое скотское отношение к человеку. Лично за себя я совершенно не могу поручиться, что вынесу эту каторгу.

Твой Саша.

11-й Сибирский зап. баталион.

№ 3.

ГРИГОРИЮ НИКИТИЧУ КУЗОВЛЕВУ.

Саратов.

У нас был какой то начальник генерал-маиор. Производил смотр кажется вместо Корпусного Командира, когда он распрашивал солдат учебной команды, одному солдату задает такой вопрос: „Ты знаешь молитву господню. Ну прочитай". Это не анекдот. Теперь война и думаю подобные вопросы вовсе не уместны. Спрашивают молитву Господню, молитву за Царя, и ни слова о деле; понимаю если бы он экзаменовал на псаломщика.

М. Кузовлев.

10 Гренадерский Сибирский полк.

№ 12.

НИНЕ ПРИГОВОРОВОЙ.

Казань.

Чувствуешь себя как узник: ни минутки своей, каждой минутой твоей распоряжается кто то, ни шагу без спроса ни слова без разрешения. Бывают минуты, когда малейшая неприятность и пойдешь удавиться. Все глупо у нас, бесцельно бессодержательно и всему придается большое значение, из за неверно одетой шапки, не так подпоясанного ремня, могут бить человека по лицу, ругать его са-

мыми оскорбительными словами, а он должен стоять, вытянувшись в струнку и молчать не один и не два, а молчат миллионы людей. Выйдут ли на занятия тошно делается „раз, два, раз, два". И так целый день, а шагнул кто не той ногой (подумай какое преступление): „Бегом" Представь себе картину: бегут в ногу с винтовками на плечах, бьющими эти плечи, бегут не дети, не молодежь, хотя есть и такие, бегут мужчины с бородами, раза по два раненные, страдавшие полтора года за благодарную родину, бегут спотыкаются чуть ли не падают, задыхаются за то что один из них шел не в ногу; пойдут ли на работу, еще тошнее. Работают у нас так же как вятские в народном анекдоте „выросла у них на бане травка, что с ней делать, не пропадать же травке, так они коровы на баню потащили, ну и мы так". Порубили кольев для проволочного заграждения и вместо того чтобы свезти их на лошади, пригоняют две роты солдат, а эти таскают по колу версты за три, а лес под боком, принесет солдат в день коле четыре и довольно.

№ 5.

Все делается по команде, всюду приходится принимать искуственные позы. За малейшее уклонение от сего следует „мордобитие" и стойка под ружьем. Вчера только ротный Командир в чине капитана посетил нашу конюшню, ознаменовав свое посещение тем, что избил на глазах всей команды молодого солдата за то только, что тот пошевелил рукой при его входе. Вот какова здесь короткая расправа. А о господах обучающих (так именуются ун-офиц., обучающие молодых солдат) уж нечего и говорить. У них руки и язык работают во всю, что касается характера обучения, то оно так утомительно, что каждый день случается несколько случаев падения от полного изнеможения. А начальство все еще подгоняет, все еще силится заставить работать как можно больше. Особенно трудны занятия с винтовкой и так называемые прогулки, где нас гоняют, как стадо баранов, отнюдь не считаясь с нашими силами. Вот одна из таких прогулок была сегодня. По колено в грязи (здесь наступила оттепель), с тяжелыми винтовками на руках Г. фельдфебель гонял нас битых четыре часа за то только, что у нас невыходила песня. Можно тебе сказать, что ведь мы веселимся каждый вечер. После занятия нас всех заставляют петь песни, кто не поет, того ставят под ружье. „Пишет, пишет царь"... и т. д. воет казарма; плакать хочется, а тебя заставляют кричать, заставляют петь, даже плясать; это усталых то, измученных людей. Тяжела брат шапка

Мономаха, ой как тяжела. С простудой истощением обратиться к врачу нельзя. Он принимает лишь с наружными язвами, а всех остальных признает здоровыми и делает отметку, чтобы их ставили под ружье.

Ну чорт возьми жизнь так жизнь: четвертый раз берусь за это письмо—все отрывают. То песни петь, то проверка, то еще какая нибудь ерунда.

Петр.

№ 6.

М. ВИЛЬЧИНСКОЙ.

Самара.

Любимая жена, я выехал из Самары в 8 час. и прибыл на место на вторую ночь в 11 час., таскали нас 2 часа по грязи до колен так что сапоги с ног стаскивались или подошвы обрывались, я уж стар, но такой грязи еще не видел как здесь и такой муки как мучат. Лучше желал бы быть у немцев в тюрьме чем здесь служить, ибо там все дадут, а здесь ничего не выдают, только на обед пищу, ни сахару, ни чаю и никакой одежи и на голых досках спать, а мучат нас с 5 часов утра до 10 час. вечера, нельзя нам даже в уборную идти без заявления. Не имеем никакой одежи и сапог, поэтому нас очередно обувают в сапоги, но не в казенные, а только кто имел хорошие с собою, одолжают тем которые не имеют выйти в чем в отхожее место. Жизнь человеку неприятна, нет времени даже написать несчастного письма... а что касается того чтобы я освободился нечего и думать, здесь лежат такие, что им кишки выходят и не пускают ни до лазарету, ни домой, такая здесь мука людей до тех пор пока не научат и не угонят на позицию, тогда думаю что буду более свободчым, а здесь хуже каторги.

Ф. Вильчинский.
148 пехотный полк.

№ 7.

САВИНУ.

Алатырь.

Артиллерию и аммуницию и на позиции чистют да моют да еще шины смазуют, чтобы блеск был и также кольцы чтоб горели. Этим буржуазии дурачкам нечего делать и шалаются, хоть здохни, а чтобы горело... Это ловушка, как маленьким детям купят игрушку и они рады веселиться, также и это какой то крест и за ним гоня-

ются все и хотят иметь каждый, а настояще разобраться—он не нужен. Они выдумали эти игрушки и ловят нашего брата на удочку, а наш брат мужик думает и Бог знает что, и лезет за крестами куда попало, и наконец получает деревянный.

Куприян Дорошенко.

№ 8.

ФЕДОРУ ПЕТРОВУ.

Казань.

Не дай Бог служить в это военное время: очень строго; то и гляди пропадешь низачто. И за что только это начальство мучает нас; как только мы чего провинимся или неладно гимнастику делаем сейчас и по харе. Ох тяжела и безжалостна ета проклятая дисциплина черт ее издавал а не человек. Ежели бы вы дядя Федор пожили одну неделю на службе то сказали бы что не следует и жить на свете обезглавленному человеку. Ну прямо как скотину ежели куда пошлют чего нибудь принести то не скажи что я только что пришел а иди да сделай. Прикажут в народ стрелять и пошла писать. Очень мне здесь тяжело, а другим так будто и надо служить царю.

Логин Арефьев.
1-й Кавалерийский полк.

№ 9.

ПЕТРУ МИХАЙЛОВИЧУ ШАРАПОВУ.

Уфа.

Как тяжело когда в работе не видишь цели, но еще тяжелее, когда все занятия сопровождаются отборной руганью взводного, неограниченного самодержца взвода. Он всегда прав, куда же пойдешь искать правду, никто не смеет жаловаться на него. Все молчат с какой то затаенною злобой и тупым взором на лице. Что то жуткое чувствуется при переживании всего этого кромешного матершинства, глумления над человеком. Из за самой малейшей пустяковины душат тисками и душу и сердце, убивают дух. Где же тут взятся воодушевлению так необходимому в такое время среди воюющей армии, где взятся стойкости и храбрости духа, когда люди не имеют понятия об его уважении. Нет тут доброго ждать нельзя, ежели наша рота—тип всей русской армии. Я вот уже с начала войны в 3 роте по счсту и везде все одно и тоже. Да и рассказы товарищей это целиком подтверждают. Стоим мы пока на Двине

на правом берегу верстах в 25 от Двинска в 60—70 от Риги, близ станции Ремерсгоф. Есть слухи, что скоро нас двинут к Риге.

14 декабря 1915 года. М.

20 Сибирский стрелк. полк 5 рота 1 взвод.

№ 10.

П. МУРАШКИНЦЕВУ.
Алатырь.

Мне здесь надоела солдатская жизнь, не хватает ничего, вы бы посмотрели чем нас кормят у вас наверно свиней лучше кормят как нас. Крестный, придет время когда были барские крестьяне опять будут пороть плетями всех кого ни попало. К этому время клонит, здесь занимаются этими штуками, как били помещики крестьян, а здесь солдат бьют.

Александр Семенов Мурашкинцев.

№ 11.

ВАЛЕ ОРЛОВОЙ.

Если бы ты знала, как надоело тянуть солдатскую лямку, а серая шинель отвратительна, так плечи и тянет. К концу службы пожалуй вытянет и не похож будешь на себя. Совершенно изменишься. За что так страдать. Живешь как раб, даже хуже. Секут розгами немилосердно. Становится обидно и досадно, когда невинного и предают таким страданиям и истязаниям за всякий пустяк. Порют розгами и не знаю за что бьют по лицу. Опять пошла старинная привычка и власть. Что хотят, то и делают. Ни кому нельзя слова сказать. Если пожаловался, то придираются, а потому приходится молчать. Идешь, душой дрожишь, вот и защита родины; об остальном сама поймешь.

20 декабря 1915 года. Кривопалов.

27 Кукарский полк.

№ 12.

Н. А. ПРАВДИНОЙ.
Казань.

Я здесь влачу жалкое существование в этой кровавой атмосфере, нет это не страдание, а страдаешь, что видишь издевательство и гнустное насилие над нами. Вот например, розги были отменены, а теперь опять порку пустили в ход. Да еще хуже. Наш ротный наверно до призыва на службу был в аду сатаной, а фельдфебель его помощником... Ведь как бьют, таскают за бороду людей, которым 40 и больше лет—это слишком ужастно.

М. Руденко.

№ 13.

АЛЕКСАНДРЕ ЕРМОЛАЕВНЕ СЕЛЕЗНЕВОЙ.

д. Куршаковская.

Но правды на войне нет, там одна ложь. Офицеры только пьянствуют, а за порядком не смотрят, солдат почитают плохо, если солдат в чем провинился то его порют розгами, за маловажное дело порют двадцать пять розок. Наказывают нас телесным наказанием, а за пищей не смотрят какая сварится такая и ладно. Когда такую сварят пищу собака и то не ест суп, вот какая жизнь нещастная, а вы пишите что идете верой и правдой а у нас здесь правды нет, а так одна кривда и нельзя по правде жить потому что у нас офицера изменяют, а мы не за что кровь проливаем и гибнем как мухи.

П. Е. Селезнев.

№ 14.

ЕЛИЗАВЕТЕ АФАНАСЬЕВНЕ КОРЖЕВОЙ.

Самара.

Эта проклятая служба доводит до чертиков и все приходится терпеть, куда пойдешь, кому скажешь, абсолютно никому, еще у нас командир плохой вот уж он бесит окончательно, идиот-буржуа и больше ничего. Мне хотя от него не доставалось но за других досадно, ни за что сажает в карцер, ставит под винтовку и даже применяет розги, вот не так давно одному всыпали 25 штук и вот за что: был в отлучке один день. Вот и пойди, не интересно получать такой порции. С отдыха мы уезжали на позицию. Довольно мы мучились и мучили нас эти варвары-унтер-офицеры, ефрейторы и ротные командиры, эти кровопийцы не дают нам минуты отдыха. Какая это война, они убивают нас нравственно, не говоря уже о фактическом убийстве. Нет это не война, а просто убавление людей.

15 июня 1916 г. Дмитрий Раковский.

№ 15.

А. Д. УРУСОВОЙ.

Пенза.

Здесь вот мне пришлось раз быть у коменданта и видеть довольно печальную картину. Не помню, но я о ней писал домой. Нашим молодцам, с которой командой я следовал, попало от 10 до 60 розог. Это такое истязание, которое еще в жизни мне пришлось видеть один раз и больше такой картины не хотел бы смотреть. Сами

ПОРКА В ЦАРСКОЙ АРМИИ.

Перед поркой.

После порки.

бедные солдаты подходят к той самой лавке, раздеваются, и здесь два палача из солдат, прикомандированных к коменданту, начинают пороть розгами. Сами, конечно, плачут, но не исполнить приказание не могут, потому что им самим всыпят не меньше, сколько бы полагалось ударов своему товарищу. Вот наша жизнь. Кому, конечно война, а кому и шутка... Некоторые деньги наживают, а большинство безусловно из нашей среды проживают готовое, а если его нет, то из сил последние жилы свои тянут, но хотят сделать, лишь бы было хорошо.

В. Тихонов.

6 августа 1916 года.

№ 16.

ПАВЛУ НИКОЛАЕВИЧУ ЗЕМЦОВУ.

С. Заболотина.

А война идет совсем плохо. Все скоро немцу отдадут да продадут а нашего брата пехоту немец бьет да плохо, так начальство бьет. Если потеряешь патроны то расстреляют. В Анапском полку своих расстреляли за картошку. Командир баталиона одново солдата убил до смерти. Да вот какая наша жизнь. Со всех сторон бьют солдата, на позиции немец бьет, а в резерве свое начальство, кругом война.

Егор Земцов.

336 пехотный полк 5 рота 1 взвод.

№ 17.

ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ.

Г. Царицын.

Вот у нас был такой случай в полку, один солдатик отстал в походе и когда пришел, на другой день ему приказали дать 50 розог и конечно ему дали 25, потому что он не мог больше вынести, а когда он кричал, еще по голове плеткой стукнули и приказали остальные 25 розог дать на другой день. Когда хотели дать остальные розги ему, но он оказался мертвым и значит он так и остался в долгу у нашего начальства, а сегодня полковник нашего полка заявился в околодке и давай там больных солдат гонять, кому морду набил, вместо лекарства, кому чего—словом и больным пощады нет.

Подписи нет.

№ 18.

ЛЮБОВИ ПЕРЬФИЛЬЕВНЕ МИКЛИНОВОЙ.

Д. Федотово.

Я Вам стал писать плохие письма, за эти письма у нас двое пошли под суд, написали два слова и стала проверять полковая цензура, их пороли шомполом, 75 шомполов дали, построили весь полк заставили их хлестать и один умер за это самое. И извините за то письмо может быть его не я писал, может кто нибудь написал другой а не я, а то письмо пришлите мне это я писал, я буду благодарить за это письмо, когда получу и тогда я может быть узнаю кто писал.

Михаил Миклинов.

№ 19.

СТЕПАНУ БОЧКАРЕВУ.

Что касается окопов, то возьми пример с немецкой казармы и русской избы, так и окопы наши и немецкие; вообще на каждое дело нам надо рости лет 50 до немцев. Я думаю, если весны дождемся, то придется нам пятки салом мазать. Нет, братец, мы никогда не выиграем, потому что за малейший проступок и розгами 25 штук, да горячих и еще такого рода—за какое нибудь недоразумение и сейчас: „Я тебя в окопы пошлю". В таком случае выходит мы все в окопах за проступки, так какой же защитник из него, когда запуган розгами, окопами, плеткой, вот они так и защищают: как их кормят, так и они работают руки вверх...

Вчерашний день был сильно расстроен происшедшим здесь случаем, солдата-кондитера, за то что он не успел к назначенному часу сготовить печение и пирожное, высекли 25 раз розгой, это на меня повлияло, что я весь день был чумной. В это время, когда солдат рвется в бой, отдает свою жизнь за благо ихнего-же существования, а они из капризов своего желудка секут розгой, за то что не исполнил, хотя бы и сверх сил, ихнего приказавия. Это ни с чем не совместимо.

№ 20.

М. И. ПАЛКИНУ.

Сарапуль.

У нас принято у г.г. офицеров смотреть на солдат как на какую то бездушную и ничего не чувствующую пешку. Ругань, издевательство, а даже кое что и хуже, в полном ходу, прибавь к этому полную

твою бесправность. На военной службе никто не считается с тем, можешь ты это сделать или нет, а должен сделать и больше ничего. Вот чем тяжела служба. Если ты будешь исполнять должность ротного писаря, то можно наверняка сказать, что тебе нашьют лычки, а это уже повышение. И получивши это не будешь жалеть о том, что не успел дома устроиться на казенную службу. Ведь тоже будешь начальство. Молодые солдаты будут тебе брать под козырек. а ты будешь их пробирать за что нибудь.

Твой В.

№ 21.

К. ВОМУТОВОЙ.

Уфа.

Бьют по морде в кровь и ставят под ружье с ранцем. В ранец кирпичей 72 фунта и так стоим за малую вину 2 часа. Стоишь, стоишь в таком положениии да со всего размаха об пол и грохнешься. Вижу, что нужно быть плохим человеком—злым, который за удар платит кровью—тогда можно жить в этом проклятом мире. Вы думаете, что я с ума сошел, нет. Вы думаете, что мне завтра придется умереть за родину, а теперь его бьют как собаку, нет, меня еще ни разу не ударили, а с винтовкой и 72 фунтами стоял; если же меня ударят, тогда... До свидания.

Вомутов.

Школа военных мотоциклистов.

№ 22.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ПОПОВУ.

Здесь порют розгами это факт и очень здорово подтягивают за честь. Даже бьют, чему я был очевидцем. Чтобы тянуть и даже бить за неотдание чести—это возмутительно и главное тянут мелкая сошка прапорщики. Их за это здесь не любят.

Отошла лафа нашей батареи, командир наш уезжает на позицию, тогда здесь командир будет другой и сердитый, как собака, всех солдат бьет, даже и офицеров, если за день человек двадцать не побьет, то не он будет, тогда в силу необходимости придется удрать, что будет, то будет.

Штемпель „Полевая почта № 5."

14 мая 1916 г.

№ 23.

ВИКТОРУ БОГОЯВЛЕНСКОМУ.
Казань.

Все время приходится злиться на милые порядки военного ведомства. Ты представить себе не можешь насколько безнаказанны здесь офицеры. Например наш ротный Штабс-Капитан Мещерский лупит солдат направо и налево. Вот недавно перебил одному солдату барабанную перепонку. Когда пришел солдат из госпиталя, он же грозит, что отдаст его под суд. И других солдат бьет по прежнему.

Михаил.
Сибирский Стрелковый генерала.
ад'ютанта Муравьева Амурского полк.

№ 24.

ИВАНУ МИХАЙЛОВИЧУ ПЛОВИЧЕВУ.

Теперь напишу тебе новость или вернее возмутительное происшествие у нас в Чирской. Командир 4-й зап. сотни Авилов в ночь под св. Хр. Воскр. напился пьяный и велел позвать к себе молодого казака 20 л. его сотни. В передней комнате вахмистр велел снять с этого казака шапку и велел итти в комнату к Авилову. Когда казак вошел, Авилов, командир сотни, стал стрелять из револьвера в казака. Но перед этим деньщик Авилова вынул патроны из револьвера, так-что напрасно он в него стрелял. Но этим дело не кончилось, рукояткой револьвера Авилов пробил казаку голову и когда кровь потекла по шинели, он велел снять шинель, кровь потекла по рубашке защитного цвета, велел и ее снять, потекла по сорочке, велел и ее снять. Казак снял сорочку и упал без чувств. Авилов не унялся, безчувственного казака он стал до крови кусать обнаженное тело казака и в заключение изувечил шпорами все тело казака, так он теперь лежит в больнице при смерти. Но Авилов этим не успокоился, в ту же ночь он избил еще одного казака тоже до полусмерти. Этот случай поднял ропот среди старых казаков и однажды ночью они чуть не убили Авилова и еще одного прапорщика, но полиция отбила. Таких истязаний над казаками Авилов производил несколько раз. Но что еще более возмущает, окружной Атаман в том случае молчит,—тоже не лучше Авилова. Знаешь что меня удивляет, то что казаки, звери в отношении к солдатам, до сих пор не убили Авилова. Раз для Авилова все это происходит безнаказанно, со стороны начальства, то каждый казак должен бояться за свою жизнь.

Николай.

№ 25.

РЕДАКТОРУ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЛИСТКА.
Уфа.

На станцию Кропчево С. З. Ж. Д. прибыл воинский поезд № 59 номер эшелона 22072 прапорщик этого эшелона наказывал солдата кнутом, вывел его и раздел до рубахи и положил на снег между рельсами и начал наказывать палкой. После позвал 25 солдат и велел бить им прутом по голому телу, кто бил тихо этого он ударял по лицу. Так били все солдаты, а после того прапорщик пинал его в грудь ногами. Солдата понесли в вагон два солдата. Прапорщик обратился к солдатам и сказал: „Вот теперь видите какую я власть имею над Вами". Отпечатайте это в газете.

Петр Нилов Гащаев.
17 декабря 1916 года. Крестьянин Уфимской г. Уфим. у.
Ералской вол. с. Ерала.

№ 26.

АЛЕВТИНЕ НИКОЛАЕВНЕ МОТОВОЙ.
Ижевский завод.

Ярышкин устроил здесь хорошее дело: он во время похода, когда шел 3-й баталион, убил одного солдата ударом кулака по виску за то, что солдат улыбнулся, когда Ярышкин сказал, что итти надо в порядке. От удара по виску у солдата сделался паралич сердца. Он упал без чувств и теперь не знаю жив ли. Доктора говорят, что удар смертельный. После этого, как солдат упал, солдаты всего баталиона бросились на Ярышкина и хотели поднять его на штыки. Только другим офицерам удалось удержать солдат и не дать солдатам заколоть его. Ярышкин был за баталионного командира.

Мотов.

№ 27.

СТАРШЕМУ ШВЕЙЦАРУ Г. А. Х.
Пенза.

Сижу я и дежурю, как в роте я свой, а ротный кричит: телефонист, батальонного скорей. А я, как сами знаете, дежурный телефонист, берусь за трубку, звоню в баталион, но ответа нет. „Наверно ветвь порвали, Ваше Высокоблагородие" и на счастье ураган ружейный, пулеметный и бомбометный огонь. А ротный мне кричит: исправь живей скотина. А я тянусь, держа под козырек сказал, что там сильная стрельба, ваше благородие, а ему не по нраву это, что я назвал его ваше благородие, и встает, идет мне

рыло бить, кричит: ах ты, скотина, ударил раз, ударил два, и я разинул рот, стою, держа под козырек, а он мне еще дал весу. Тогда и я ему в ответ занес как надо и раз и два, и три на счастье. Зараза, кричит, застрелю, и я бежать оттуда, и вот так дело было. И вот, значит пришлось страдать через него. Теперь значит кругом война, а ведь я на фронте 2 года и два раза был ранен, но не пришлось сложить мне головы за Русь святую, но, как видится, пришло время класть голову за внутреннего врага, за ротного командира. И так вот не верьте, хотя газета пишет, что погиб за это и за то награжден он этим, но это наоборот. У нас так воюют не с немцами, а со своими и за это им награды и чины. Прошу не задержать и распустить если можно.

Младший унтер-офицер Гусев И.
27 Сибирский Стрелковый полк.

№ 28.

Ты интересуешься моей службой. Живется очень здесь гадко. Притесняют и не кормят. Было что то ужасное до Пасхи. Солдаты некоторые, не могли выносить всего этого, так что под Пасху 96 человек покончило самоубийством, кинулись под поезд, перерезали горло бритвою, вешались, травились и стали убегать. Все повторялось по одиночному порядку, а теперь начинают группами по 60 человек 27 ночью, и еще 42 человека, так что значит жизнь хорошая. Кушать совершенно нечего. Хлеб ужасно плохой, борщ с тухлой рыбой обращение также ужасное.

Александр Бирюков.

№ 29.

Мы шли с Ахалцыха 8 суток замучились... Ротный дорогой и офицеры били, даже не нас, а стариков с бородами. Когда мы приехали в Ардаган на другой день у нас убежало 5 человек два старших унтер-офицера и 3 младших унтер-офицера. На утро приходит ротный и ему отдали рапорт что убежали, он спросил, что из за чего убежали. Мы ему все говорим, ежели будешь так обращаться все убежим. Он нам начал говорить, что этого не будет. Мы хочем все бежать и припасли сумки. Посмотрим какое будет житье, а то все разбежимся.

Федоров.

№ 30.

ВАСЕНЕ БОГАЧЕВОЙ.

С. Квасниковка.

Если у нас уже убежало с полка 200 человек, неужели они все дураки. Они самыс умные люди и смельчаки... при обучении с нас шкуру дерут, заставляют шкуру драть в двойне. Нас заставляют людей розгами драть, этот прием употребляется каждый день и это все заставляет бежать нас с позиции.

Богачев.

7-я воздухоплавательная рота.

№ 31.

АВДОТЬЕ МЕНЬШЕНИНОЙ.

Поселок Копытовский.

Ждем куда нас потребуют, наверно на другой фронт. Начальство у нас такое, что всех бы их перестрелять. Старый командир у нас сменился, который ушел со сборного места, поступил сотник Смирных, командир полка тоже не человек, а дьявол только рогов нет. Только бы где не остановились на день на два сейчас начинают производить уборку три раза в день и занятия, а зуботычкам и счету нет. Лучше бы все время быть на позиции, только бы этого не терпеть. С таким начальством плохо заслужить себе чего нибудь доброго, да ничего бы и не нужно только скорее мир.

Подписи нет.

ОСОЗНАНИЕ СОЛДАТАМИ ЧУЖДЫХ ИМ ЦЕЛЕЙ ВОЙНЫ (к разделам V, VI. VII)

Начавшийся в 1915 году процесс осознания солдатскими массами истинного смысла и чуждых трудящимся целей войны завершился в 1916 году твердой уверенностью, что солдат „зря проливает кровь", что „война начата богатыми, чтоб народ выбить, а над остальными легче командовать", что после войны придется снова „гнуть спину перед толстопузыми". Солдаты уже понимают, что, раз „мы бараны бестолковые", правительство будет продолжать войну до тех пор, пока не „догонят до той нормы сколько им надо истребить людей". Они убеждены, что лишь буржуазии нужна война и выгодна победа, а простому народу необходим мир". В то же время в солдатских массах нарастает уверенность в том, что сначала надо внутри России „сбросить кровопийцев со спины" и тогда только можно кончить войну.

Вражды к немцам не осталось и следа. „Мы равные люди, что и они—пишет солдат 5 батареи 82-й артбригады.—У нас враги те, которые на десятикопеечной марке новой, также в Австрии и Германии". (п. № 1 разд. VI). В 1916 году начинается братание на фронте [1]). Противники приветливо сходятся, угощают друг друга, вместе фотографируются и т. д. Братание—особенно в формах, развернувшихся после февральской революции,—быстро приводило к классовой солидарности солдат воюющих армий.

Поняв захватнический, империалистический характер войны, солдаты русской армии не только упорно твердят „долой войну", но и подкрепляют свои слова делом. Начинаются отказы от наступлений, бунты и восстания в армии. Армия „разлагается". Разложение армии в зимнюю кампанию 1916 года приняло грандиозные масштабы. Никакие репрессии, битье, порка, расстрелы не могли сделать армию послушной царской дворянско-буржуазной камарилье. Николай раз'езжал по войскам, „воодушевлял" армию, обещал скорую победу, но даже лейб-гвардейцев не мог воодушевить император. („Государь... сказал—в скором времени победим врага, но только надоело уже нам побеждать"—иронически писал солдат Измайловского полка еще в декабре 15 года).

---

[1]) Отдельные визиты немецких солдат к русским и наоборот наблюдались и раньше (в 1915 г.).

РАЗДЕЛ V-й

1916 г.

№ 1.

ВАСИЛИЮ СЕМЕНОВУ.

гор. Казань.

Побывал на позиции хотя всего только 4 месяца, но я могу сказать, что от уверенности осталось очень немного. И это не потому, что я разочеровался в русском солдате. Нет, солдат остался тот-же.

Он по прежнему, как принято говорить, беззаветно исполняет свой долг. Но мне думается, это исполнение ни в коем случае не может быть об'яснение из чувства патриотизма или других подобных. Ведь все солдаты и их очень много, с которыми мне приходится встречаться, не видят в этой войае для себя никакой пользы, считают ее навязанной нам князьями, министрами. Их мнение о войне можно формулировать так:

Война эта безполезна и единственная цель ее,—покласть как можно больше народа, чтобы с остальными князьям и министрам было легче расправляться. И вот, несмотря на такие мысли, этот солдат по приказанию офицера, которого он считает барином, идет в атаку, в штыки и кладет свою жизнь за тех князей, министров, которых он искренне ненавидит.

Человек, показывающий другому фигу в кармане, - на деле безпрекословно исполняет приказания этого другого. Быть может, он настолько забит, что уже не может пересилить. Как бы то ни было, но такой солдат не может считаться сознательным защитником родины. Правда, встречаются и среди них личности, не мирящиеся с таким положением, но с ними расправа короткая: полевой суд и смертная казнь через расстреливание.

Так в Царевском полку был расстрелян старший унтер-офицер (имевший 4, 3 и 2 степени Георгия) за то, что, не стерпев побоев, которым подверг его батальонный командир, дал последнему сдачи. Надеюсь, что более яркой иллюстрации ты не потребуешь. Надо думать, что если от кулака барина не спасают ни чин, ни ордена, то каково солдату, не имеющему ни того ни другого. С ним то уж и вовсе не церемонятся. Я тебе еще не писал происхождение на-

шего полковника, подвизающегося не только на ратном поле (от которого он во время боя находится верстах в 10), но и в обозе. Сей человек после похода является в обоз и заставляет подносить лошадям воду. Если они пьют, он бьет конюхов за то, что напоили; в другой раз делает обратное, т. е. бьет за то, что не напоили. Таким образом несчастные обозные никак не могут угодить на своего командира.

От этих расправ не спасают ни возраст, ни служебное положение.

Сергей Т.

Январь 1916 года. 41 Запасный Батальон 12 рота.

№ 2.

МАРИИ ПАВЛОВНЕ ПЕРЕВЕРЗЕВОЙ.

гор. Казань.

Получаю из дома письмо и такое неприятное,—невозможной становится жизнь. Заставляют работать на казенной работе без пальто. Тех, у которых еще остались рабочие руки, а за неимением рабочих, с одинокой женщины, если она имеет землю, то берут земельного налогу. Крестьянину жизнь и так тягостна, хоть бросай, а тут какие то непредвиденные работы. Крестьянин уже все отдал—детей, скотину, хлеб, корм. А ему, бедному ничего, кроме того, что сзади кажут нагайку,—вот тебе награда, получай за то, что отдал все, что у тебя было, и еще вдобавок запугивают тюрьмой, если не будешь работать на казенные нужды и платить свой оброк за какой-то несчастный кусок земли, на котором куске он чуть не помирает с голоду. Хоть бы за два года ему дали маленькую награду за то, что у него на войне страдают два сына, которые пришли бы, если бы остались живы, те приступили бы к работе и начали вести свою прежнюю жизнь. Конечно крестьянину нужно земли, за которую в 1906 г. было пролито крови. А если он придет и здоровый, да у него не будет входа в свою семью, не будут здоровы жена, мать, дети; пришел, слава богу, защитник родины, доблестный воин, чудо-богатырь. Как где ни взглянешь в газетке, на какой нибудь осмушке табаку, на афишке,—везде читаешь, чудо-богатыри, доблестные воины, сражаются, защищают родину, убьют на поле брани—получишь царствие небесное, как все равно заповедь, будет хорошо, а когда и где—не знай. А вернулся домой—давай подать пока ты защищал родину, за это время жена копила податей, не могла работать без тебя с пятью ребятами. Пока был на войне, он был голодный, холодный, переносил всю тяжесть и

лишения, а пришел домой—там еще хуже: что было обвалилось разрушилось и потерялось.

Что хочешь, то и давай. Ну скажите пожалуйста, от кого идут эти источники, распоряжения? Конечно, я человек, недалеко ушедший в жизнь ученых людей, даже малограмотный. Скажу вам, до войны сын одного мещанина пришел к нам на службу, учился со мной в учебной команде, а был такой насчет военного дела, всюду ходил сомной, ни на шаг не отступал, спрашивал каждую малость, за которую мне самому было смешно, что такую пустяковину не знаешь,—значит быть без головы. Пришла война, сделали из него офицера и вот он чувствует себя свободнее, и вот он начинает за прежние твои добродетели давать тебе наказания, а именно за что? Да за то, что папенька его богатый и знатный, и сын дурак за чин и звание и отцовские деньги получил офицера. Если бы дать мне немного образования, или не то, что образования, хотя бы побыть в кругу хороших людей, да повнимательнее их послушать. И то я хорошо чувствую за каких нибудь два года буду чувствовать над ним превосходство умственных способностей. Вот почему Германия побеждает в боях, потому, что у них каждый может встать за офицера во всякую минуту, в случае убыли начальника. У них так и не обижают солдат, знают хорошо, что почти каждый сознает себя наравне с другими. Вот что значит—культурная страна, страна ни от кого не зависимая. Пока солдат в строю считает офицера за начальника, а как лишь кончил занятия, то идет с офицерами, может поговорить, погулять. А в России солдат признают за паршивую собаку, в паршивый и грязный трактир не пустят. А в мирное время, проходя мимо вас солдат в серой шинели и вы видя его, будете себя осматривать не замарал ли вас солдат, и отряхнете свою верхнюю одежду, и это вот наше отношение к защитнику и Чудо-богатырю. Хотя вы мне и писали, что на моих условиях нельзя заключить мира, а если таких истории получится еще больше, то выйдет еще хуже, чем те прежние.

Штемпель „Полевая почта № 5."

Январь 1916 года.

№ 3.

ПАВЛУ СЕМЕНОВИЧУ МАЛАФЕЕВУ.

Гор. Казань.

У тебя, брат, много патриотизму, который я нахожу излишним Должно быть, ты мало знаешь всю суть дела. Слышал конечно

что погибли 2 русских корпуса под Кенигсбергом, безвозвратно погибли и глупо. А почему? Потому, что нами командуют немцы, полно их везде. На что у нас теперь назначен начальником учебной команды немец. Наши солдаты видят, что правительство смотрит на это, как на ерунду и пустяк... Они же нас направляют на пули и штыки своих соотечественников, но с таким расчетом, чтобы мы потерпели аварию. Да, и за что мы воюем после этого... Губим только себя. Воюют будто и наши союзники, а в конце то концов вся тягость падет на нас, по халатности нашей... А на внутренность государства поглядишь: здесь стоят две партии, на верху которых—буржуазия, дворянство и немцы, а навторой—мещане и крестьяне.

А. Гл.

10 января 1916 года. Егерский полк №.

№ 4.

ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВОЙ.

Гор. Казань.

Странствование по деревням многих губерний дала мне ясную картину, на какой низкой ступени общего развития стоит еще Россия. Какая дикость, запущенность и безалаберщина. Сколько детей умирает, не достигая 7—8 летнего возраста. Ни малейшего понятия о начальной гигиене. Дети никогда не умываются, а лишь вытираются грязными подолами матерей. В избах часто холодно, сыро, т. к. топить нечем; избы скверные—повалившиеся; а рядом стоят обширные казенные леса, но за каждый срубленный пень или дерево,—протокол, штраф и наказание. Выходит, что народ одно, а казна—другое. Никакой помощи, безплатного отпуска леса действующему населению нет, а наоборот—с него подати и набор.

Понимаю, что бери, если надо, но что можешь, то давай.

В хорошей, чистой, просторной избе и гигиена поднимается сама собою. Когда немцы занимают территорию нашу, то они позволяют крестьянам брать казенного леса сколько угодно и на поправку избы и на топливо. И этим невольно приобретают симпатии со стороны населения, т. к. то, что составляло их насущную нужду, подобно воздуху, было под страшным запретом, вдруг делается свободным и доступным.

А какая кругом беднота. Ни чая, ни щей, ни каши нет. Помню, Фельдшер осматривал больную бабу и поставил диагноз написал доктору между прочим, что „аппетит есть, но нечего есть". Все

ребята бледны, с ясно выраженным рахитизмом, а ведь это будущее поколение России, будущие ее сыны, воины.

Сколько умирает такой детворы и чахнет, это Минская губерния, Гродненская, Витебская и др. И я считаю, что немцы вправе смотреть на нас, как на дикарей. Они ведь видят эти ужасы; сначала поражались ими и не верили, а теперь кажется перестали удивляться. Когда дойдет сюда культура в наши деревни, когда будут оказывать помощь и лесом, и землей казенными—не знаю.

М. Петров.

1 парк 20 Мартирн. парк Арт. Дивиз.

31 января 1916 года.

№ 5.

АННЕ ПРОЧВАРОВОЙ.

Как скучно. Хоть бы забыться на минуту от сосущего сознания своей зловредности. Вся жизнь наша, все наше назначение для как можно большего истребления людей, чем больше орудие и снаряд может убить людей,—тем удобнее, тем полезнее считаются они, и вот хочешь осмыслить свой труд, свое назначение, мало того, что осмысли, оправдай его идеализируй. Нам советуют даже забыть про дом, про прошлое только думать, как разбить врага, принести ему больший вред, будто бы для пользы отечества. Я и теперь понять не могу, какая польза от этой войны России,—победить немцев? Но разве мешали немцы России заниматься своим делом; двинуться вперед?—но разве немцы не пускали учиться русских; ту же пользу приносит война и немцам—полнейшее разорение и уменьшение народа. Как затевается отдельным кружком, который, конечно, в самой войне не принимает активного участия, как и полезен только этому кружку, и всех нас заставили защищать интересы купцов, помещиков и всех состоятельнейших людей страны, самых закоренелых врагов наших. Мое прежнее мнение,—как говорили все—мальчишеское мнение, все больше и больше утверждается у меня при более близком знакомстве с военными; мнение мое об офицерах не только не улучшилось, но даже ухудшилось, тогда это было только чутье, суждение по наружному виду, теперь это вполне обоснованные примером мысли... Это мысли, доводящие меня до отупения, от которых я не нахожу себе места.

Александр.

301 Пех. Бобруйского полка.

№ 6.

ЛЕОНТИЮ АФАНАСЬЕВИЧУ ФРОЛОВУ.

Гор. Уфа.

Война затянулась и конца ее не видно, много еще, как видно попьют народной крови те, кто затеял эту бойню и много еще наживут кровопийцы-богачи, которые на несчастьи других, в тяжелую годину своей родины, строят свое подлое счастье... Знаешь, у меня полное разочарование во всем и не верится уже в благоприятный исход. Настоящие враги, как видно, не германцы, а у нас, в доме, внутри страны они, это те патентованные ультра-патриоты, сидящие на теплых местах в разных организациях Государственной обороны и думающие только, как побольше награбить... Ты подумай, разве не правда, что каждый поставщик, фабрикант, заводчик только и думает, как бы больше сорвать с казны, разве он думает что нибудь о родине, о нищем народе, который все отдал в жертву и свою жизнь и благосостояние и счастье семьи и за все это получил несчастные 2 рубля пайка на месяц, при такой дороговизне грабительской.

Здесь на фронте тоже не все благополучно, ведь письма каждый получает, и все то нездоровое, скверное, гнойное, чем полон наш глубокий тыл, все это передается сюда, и у каждого падает дух и является невольно сомнение в том, что не нарочно ли затеяли богачи войну, чтобы побольше нажиться на счет народа. Да и офицерский состав много еще помогает солдату в этом направлении своим поведением: пьянствуют, некоторые даже пользуются нищенским солдатским довольствием.

И. Белкин.

12 Жел./Дор. Батальон 4 рота.

№ 7.

О. С. СЫРОМЯТОВОЙ.

Гор. Златоуст.

Будет ли в этом году конец этим, кажется уж безконечным страданиям? А воевать у нас силы хватит, хлеба тоже, а до народа какое нам дело. Прикажут—мы и станем по народу стрелять. Братья, сестры, отцы, матери,—все нам непочем.

Немцев только бить мы не умеем, снарядов нехватает, а для своих—сколько хочешь. На каждого по 100 штук. Ведь мы живем в России И вот эти самые юнцы и будут бить своих родителей. Потому что взрослых уже побили немцы. Вот теперь только и остались юнцы, да еще один род войск, которых мы называем Мама-

евым войском. Это крестоносцы. Которые теперь играют роль шпионов внутри империи, ловят солдат и попадись такому-то, ничем не отмелишься... Ты права, у солдата не должно быть нервов. И их наверное и нет, потому, что если бы были, давно бы лопнули. И война кончилась бы давно. А то солдат еще и такую вещь терпит. Приезжает, допустим, солдат в Москву. Он не имеет права зайти в столовую, чайную или в харчевню, не должен ходить по тротуару А зашел в лавку, купил колбасы, хлеба, иди по середине улицы и ешь.

Вот, милая, до чего довоевался Русский борец за родину. Вот ему честь. И это в Москве, в сердце России.

16 января 1916 года. Эвакуационный пункт № 11.

№ 8.

Сейчас полк наш занимает позицию, но боя нет, да и, признаться, солдаты озлобились на все это и не хотят итти в бой.

Начальство передает только приказания, а сами назад,—вот и воюй, а чуть где на отдыхе, где бы дать солдатику отдохнуть, а они всячески мучат усиленными занятиями и даже бьют по морде.

Пища плохая, мяса совсем нет, сахара тоже. Врачи обходятся с больными скверно, грубо и тоже не верят больным и иногда употребляют кулаки. Священник проповедь говорил от себя и выразился так: „Как вам не стыдно, если вас не убьют и явитесь живыми домой". А в заключение: „Вы господа офицеры берегите себя, а этого навоза у нас хватит". Как не обидно бедному солдату на которого возложена вся война, платят ему в месяц 75 коп. а сами грабят 500—600. Им хоть еще 5 лет пусть война длится, для них это хорошо.

Январь 1916 г. Волков.

№ 9.

ИВАНУ СОРОКИНУ.

78 зап. батальон 2 рота.

Является (священник) часов в 11, выстроили нас, похристославил и уехал. Ах ты, туда твою мать, черт патлатый, черти тебя принесли,—не дал спокою: мерз над ним, а потом на часы.

Так вот сколько у них правды, как они тут напереди, они только напереду тогда, когда по хатам ходят, побираются, обирают деньги с баб да с дурных мужиков. Не верьте им.

Ив. Танцев.

3 февраля 1916 года. 46 Сиб. Стрелк. полк, 9 рота, 1 взвод.

№ 10.

А. И. ЧЕСНОКОВОЙ.

Кусинский завод.

Если подумаешь, какая теперь у нас жизнь, сколько страдает и гибнет людей от такой жизни. Я недоволен своей судьбой, я завидую мертвым,—их никто не тревожит; мы мучеемся голодом и холодом. Я не рад своей жизни, скука одолела и какая-то злость берет. Приходится мириться с судьбой. Степан Трофимович говорил вам, что к ним ходят в узеньких юбках и в беленьких кофтах, да это все может быть. Да разве они воюют, они барствуют, живут по городам в каменных домах, вот к нам не придут, потому, что мы живем, как черви в земле и как свиньи в грязи, да как бараны в крови, а они с жиру бесятся, да деньги наживают, нашу кровь выпивают. Не дай бог лежать в военном госпитале—с голоду заморят, а все через разных нашивочников, раненые голодают, а жирные—деньги наживают.

Александр Чесноков.

16 февраля 1916 г. 20-я батарея 14 Сиб. Стр. артил. бригады.

№ 11.

Ф. С. КАРАУШЕВУ.

На нашем фронте теперь возобновились сильные бои, ждем мира, а его наверное не будет до тех пор, пока нас всех выбьют, немцы сдаются в плен лишь тогда, когда ему наставишь штык в грудь, и то он стреляет. Как надоело здесь слушать адский гул тяжелых орудий. Сколь перенесли горя и нужды.

Сколько пролито крови нашей за толстые карманы богачей.

Брат Николай.

17 июля 1916 года.

№ 12.

Е. Н. БЕЛКИНОЙ.

Гор. Уфа.

Живу ничего себе, только вот содержание не очень важное, с голоду морить вздумали нас. Как, Катюша, возмущает меня неправда и вопиющая несправедливость, царящая у нас на Руси везде и везде. Я думаю, что нет в мире такой страны, как наша Россия, чтобы где мог быть такой произвол и беззакония, и такие мерзавцы офицеры, каких мне приходилось наблюдать и сталкиваться с ними. Как я теперь смеюсь и плюю на те статьи газет, где настоящая война рисуется войной за свободу и попранные права,—все это ложь и ложь, красивые, но лживые слова... Наш настоящий

враг в России, среди нас—русского народа, он живет и я его знаю, я знаю подлого, продажного, гнусного, оградившего себя, свою подлую жизнь миллионами штыков.

Белкин.

12 Жел./Дорожн. батальон.

21 февраля 1916 года.

№ 13.

ПРОКОФИЮ НИКОЛАЕВИЧУ СТАРОСТИНУ.

Березовка.

Человека забирают под этот страшный гнет и первым делом ему внушают, что ты будешь защищать Царя, Отечество и Родину, а что такое родина человек не знает, хотя он и знает, но не имеет никакой теплоты в душе для защиты. Родину мы считаем ту, где мы бываем удовлетворены; у меня тоже на действительной родине где-то есть 60—80 саж. земли, которую я не засеваю и с которой бы мне на год хватило прокормиться, и отчего где-то жил далеко и зарабатывал на чужой работе себе кусок хлеба, а если не наша работа собственная, тогда в таком случае хотя бы она была и немецкая, нам за свой труд на чужом деле вознаграждение получать с кого угодно... Зачем нам наступление и атаки, когда на нас враг сам идет, благодаря дурному расчету немец забрал весь западный край.

Михаил Беляев.

Прожекторная рота 7-го Саперн. бат-на.

27 февраля 1916 года.

№ 14.

ЕГОРУ МИХАЙЛОВИЧУ ХРАМОВУ.

Гор. Уфа.

Старые солдаты сдавали Варшаву и другие города, а нам придется сдать Ригу, потому что у нас здесь не война а только проливание крови. Мы проливаем здесь кровь свою, а другие наживаются из за нас, потому что все продано. Правду говорят татары что это не война, а только убивство одно.

Были мы на позиции двое суток всего 18 верст от Риги.

Подписи нет.

№ 15.

КАПИТОНУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЕФИМОВУ.

Мы стоим в резерве на берегу Балтийского моря, близко Балтийский порт. У нас в полку те и разговоры, что о мире. Война порядком надоела. Если и наш и их народ воевать не захотят, то уже начальству поневоле придется мириться.

Александр Краснов.

27 февраля 1916 года.

№ 16.

ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ ДУДУКИНУ.

Гор. Пенза.

Все война и война, а про мир и помину нет; нет, видно, Иван Григорьевич, как видно ни жаждай по миру, и сколько ни ожидай,— а повидемому не миновать поплатиться головой. Сколько мы бьемся. а все пишут, что войиа вся впереди, и во что-бы то ни стало, хотя и придется понести большие потери, а нужно биться до конца. Конечно и я, и кто бы то ни было, бился бы чужой шкурой, а за свою каждому приходится дрожать, каждый ведь, Иван Григорьевич, живет для себя, а тогда не интересны будут и результаты войны, у кого башка слетит, хоть Берлин возьми, или Москву, или Петроград отдай,—так тогда безразлично. Ох, когда только все это кончится, прямо беда, все затягивается и затягивается, так, что конца еще не предвидится. Да вот стали писать, что союзники наши взялись за дело: Франция, как пишут, потрепала здорово германофилов, и на Кавказе дела тоже идут, слава богу, если не попрут, как из Галиции прошлый год, так может быть, эти бои склонят которую либо сторону к миру, да уж и время бы бросить это грязное дело.

И. Ратников.

12 марта 1916 года.

№ 17.

АНТОНИНЕ ГВОЗДЕВОЙ.

Гор. Пенза.

На другой день пошли на позицию, было 47 верст, прошли в день, ночевали, конечно, и прямо в бой. И вот до сих пор атаки, атаки, немец ходит в контр-атаки. Промежуток между нашими и его окопами весь завален трупами, негде ступить: трупы и трупы, убирают по возможности, о раненых уже не пишу. Не только, как в наступ-

ление, т. е. в атаку, так и потянется, как в городе во время гулянья по большой улице вечером, от самой позиции и не знаю докуда идут и идут, пока не утихнет бой, и остальное время тоже идут, но только реже, а в бой идут легко раненые, и несут и везут тяжело раненых. Люди сами не понимают, что творят, как будто так и нужно. Напр. во время боя идут люди и на них летит с визгом, с завыванием, грохотом сталь и свинец—такой-же стеной, как и люди, прямо ужас. И все солдат. В чем виноват? И верно сказал хохол како-то умный, и конечно, тоже солдат, видевший все ужасы войны: „Щоб тий свиту не видел, кто цю вийну пидняв".—Правильно.

В России читают и думают: наша взяла, наши наступают, но не знают, что каждый шаг стоит тысячи солдатских жизней, каждая пять земли пропитана солдатской кровью, на каждом шагу корчатся в предсмертных мучениях солдаты; смотреть и то можно умереть от страха, навалено, как мух на листке, негде ступить, а тут по ним же идешь и еще добавляется. Прямо ужас. Прямо ужас..

27 марта 1916 года. Подписи нет.

№ 18.

МИХАИЛУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ САЖИНУ.

Я должен тебе писать, как мне это ни тяжело, что может быть, нам придется там еще одну зиму остаться, так как в настоящее время не предвидится мир. Весь мир горит и все вооружены. Черногория заключила мир с Австрией, но еще не все покончено, торопятся, но все тянут. Если Англичанин не начал-бы, тогда давно был бы мир, главным виновником является Англия. Если существует бог на небе, тогда этот мелочник не избегнет наказания.

Эти англичане травят только своих союзников дальше и дальше воевать, а сами держатся сзади. Земля парит от крови. Матери молятся и плачут, дети кричат, старики ругаются и все бесполезно. Война только еще входит в свою колею. Первое время мы ожидали, что вот кончится война, освободимся мы из под ига немцев, но вышло как раз наоборот, от немцев мы освободились, а к американцам попали. Союзники наши тоже, по всей вероятности, не с германцем воюют, а выуживают от России все выгодные договоры: например Англия—свободу по морям, и в России развивают свою промышленность. Франция на последней конференции тоже проводит, чтобы заводы и фабрики и рабочий люд был бы свой. Япония полностью Сахалин, через Манчжурию и Монголию отданы желез-

ные дороги на свободный проезд в Китай и, в случае надобности, помощь и тут Россия должна помогать. Вместо одного немца, завлядели нами все. Польшу взял немец, т. е. продали, а Сибирь отдали Японии, а внутри России завладеют Франция и Англия. Нам как раз и пришлось быть рабами, ну, ничего, потерпим, что еще будет дальше.

Подписи нет.

6 апреля 1916 года.

№ 19.

П. С. ТУЖИЛКИНУ.

Гор. Уральск.

Мы здесь надеемся, что родина и близкие наши не забудут нас здесь на чужбине, как помощью, так и ласковым словом, но всетаки приходится встречать в газетах таких шелопаев, что лучше бы и не было его, и он, кроме вреда, ничего не приносит, и эти внутренние враги еще у нас оказывается есть в достаточном количестве, другой раз читаешь газету--и вот там начинают описывать некоторых—этот вот что сделал. а этот еще лучше, вот тут уж и берет досада: здесь война, а у какого нибудь купца идет нажива, он на нее не обращает внимания, она чем дальше протянется,—тем ему доходней, и с семьи призванного последнюю копейку дерет. Вот на это, Павел Север. приходится обижаться, но конечно, я это не из за себя говорю, а был в некоторых случаях очевидцем, как плачет бедный народ, и на эти слезы мало кто откликается. Итак, Павел Северьянович, закончу свое письмо.

29 апреля 1916 года.

Алекс. Григ. Миз.
подпись не разборчива.

№ 20.

Россию нашу немножко обманывают Англия, Япония и Франция,—они стараются, чтобы Россия ослабла. Англичане говорят, согласны воевать до последнего русского солдата и Англия еще дает России денег на войну, но разве это даром? Хотя от нас, от солдат утаивают, но наш брат все равно узнал... Англия и Япония и Италия велят, чтобы наши пуще наступали, наше начальство подкупают, а разве нашего брата жалко начальству? В случае разобьют Россию, они место себе найдут с деньгами, а наши семьи им тогда не нужны, им не жалко, что нас как мух бьют...

Трошев.

2-й Лазарет Старообрядческого Общества.

№ 21.

ВАСИЛИЮ ЕФРЕМОВИЧУ КРАСИЛЬНИКОВУ.

гор. Уфа.

Сообщаю новость об нашей матушке России—насколько она темна и глупа, но кулаки, которые управляют нами—умны, все забрали в свои руки, и уже все было забрано, а нам залепляли наши глаза, чтобы не видели. Теперь же собрали нас чуть ли не всех, мы и то не можем ничего сделать, когда могли-бы.

Если разобраться, все в наших руках, но они теперь смеются над нами, как над детьми. Когда было нужно нас не допускали учиться, но, Вася, вздумали здесь в армии и у нас на позиции учат грамоте, накупили тетрадей и карандашей и азбук,—и учат солдат грамоте—как это все кажется довольно странным. Другому чуть не 45 лет, но он сидит и учит буквы и вот, как выучит, и видимо, победим.

Везде небывалая дороговизна и правительство не может сделать это иначе, но все делает в пользу наших кулаков, которые пьют нашу кровь из черного народа.

Александр.
Гор. Рига.

Апрель 1916 года.

№ 22.

ПРАСКОВЬЕ ТРОФИМОВНЕ БУШНЕВОЙ.

с. Водяное.

Мы нашли в газетах, что с Вас хотят взять по десяти рублей в год за то, что мы здесь страдаем, а Вы там с голоду подыхаете, а с земли нельзя, потому, что у помещиков очень много земли, с него много и денег сойдет, а то он только десять рубл. отдаст, так как и ты,—всетаки хорошее нашли, с каждого мужчины от 18 до 65 лет; дым кругом, горит Россия, немец крепко сидит, а со всех сторон нажимают, а бедный крестьянин вглубь России удирает, все у нас отвалилось, не мило ничего на свете, мы кругом все виноваты, все на нас отыгрываются.

Супруг Павел Иванович.

5 мая 1916 года.

№ 23

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ ЗАВИТАЕВУ.

Я знаю, у Вас наверное есть в волостном правлении об'явление—жертвовать на помощь войне,—ну Вы ни одной копейки им не жерт-

вуйте,—если Вы будете жертвовать на помощь войне, то она дальше протянется, она нам и так, как собака, надоела, а если Вы не будете копейки жертвовать, то она скоро кончится...

Подписи нет.

11 мая 1916 года.

№ 24.

МАРИИ ИВАНОВНЕ БОРИСОВОЙ.

село Колобовка.

— Немец укрепил свои позиции и сидит в окопах, как барин, говорит русским—не подходи близко; дела наши некрасивы, даже очень плохи, ужас надоело так страдать и мучиться на свете; живем на земле тоже очень плохо, нет на душу полоски земли, а у помещиков—глазом не окинешь, будто только для них одних Бог сотворил землю, наш брат мужик, крестьянин, солдат обижен. В победу твердо не нужно верить, всем известно, что у нас единения нет и думать не нужно внутри России, что у немца нет ничего, а нам, защитникам родины, варят 3 фунта грибов на 250 человек. Вот так то.

П. Борисов.

15 мая 1916 года.

№ 25.

АКУЛИНЕ ПЕТРОВНЕ ЛУКОШНИКОВОЙ.

гор. Царицын.

Не знаю, народ мы или черти, почему нам больше всех надо, или дома у нас настроены каменные, во второй поступаю полк и что-же: купцов нет в окопах, это не война, а обман. Должны быть купец, мужик и духовенство—все одинаковы, зря я пошел раненый в Россию, не из чего, я бы остался спокоен, а иной, как началась война он не был на войне, а наживает деньги. Нас раз ранят, подлечат-подлечат и опять на позицию. Мы свои деньги прожили, а иной полный карман накладет, а не на войне,—вот и неправильная эта война.

Брат Петр Петрович.

Май 1916 г.

238-й пех. Ветлужский полк 6 рота 3-й завод.

№ 26.

БАЗИЛЕВСКОМУ.

гор. Пермь.

Если строго рассудить, то класть свою голову за то, что другие набивают карманы, за то, что на каждом шагу измена, и в такую войну стремиться на фронт, быть патриотом глупо.

Подписи нет.

№ 27.

А. К. СКОРОБОГАТОВОЙ.

гор. Пермь.

Вот уже два года этой кровопролитной войне, не знающей предела, где люди гибнут, как мухи осенью, как возмущены своей жизнью: тыл кричит—надо до победного конца, но хорошо кричать тем, у кого пить есть что, но каково нашим близким мелким людям живется, невероятная дороговизна кругом, купцами эксплоатация, воевать надо, хорошо, мы здесь будем воевать, но пусть и тыл работает, а не предается оргиям, раз мы не видим ни света ни радости.

И. Н.

Троицко-Сергиевский полк 6-я рота.

24 июня 1916 года.

№ 28.

СТЕПАНУ АФАНАСЬЕВИЧУ ПАЛЬМОВУ.

Юловская маза.

Война надоела всем, но есть люди, которые благодаря такому несчастью получают огромные оклады и ни за что—медали, кресты и проч. награды, а от боев находятся в нескольких десятках верст. У тех одна мечта, как бы дальше продлилась война. А ведь много народу взято и теперь, я думаю, по улицам одни бабы разгуливают, да старики и калеки, а здоровых мужчин нет.

После войны много вдов будет или же вернутся мужья-калеки—тоже приятного мало. Останутся от войны свободны попы да полиция, но им будет и почет такой, на них и теперь стали смотреть, как на сообщников богачей.

Алексей Ермолаевич Дуранин.

9-я армия.

№ 29

КВАНУ ДМИТРИЕВИЧУ ДУНИНУ.

гор. Самара.

Довольно крови. Конечно, богачам хорошо, они на нашем несчастьи строят себе счастье, наживаются, а наш брат солдат знай посиживай своим трудом, а если и увидит конец, то пожалуйте к разбитому корыту.

Из наших Самарцев еле-еле осталось 9%. Все бедняки то сложили голову, то раненые. Новостей бы конечно написать и следовало, да сам, мой друже, знаешь, что находимся в положении арестанта—везде цензура и контроль.

Штемпель „Полевая почтовая контора" № 106.

№ 30.

МИХАИЛУ МАРКЕЛОВИЧУ ЕФРЕМОВУ.

Село Козловка.

Стоим все на старом месте, среди того-же леса, и тех же комаров. Все, к чему мы так усиленно готовились, прошло, не зацепило нас, а выпало на долю войск, стоящих рядом с нами (влево) и вылилось горькою и жалкою участью, где был не ад, а во аде ад, в результате которого были отправлены поезда раненых и груды валяющихся теперь среди позиций, уже протухших и издающих зловонный и противный смрад,—как сама война, огромное количество трупов; все они, своим теперь уже не человеческим, до крайности страшным видом, и невыносимым специфизмом, на самого равнодушного наводят страх и ужас и как бы грозят всему миру таким же „безобразием" превратить все и всех, кто только посягнет на изуродование ихнего образа, отнял их у родных, прекратил жизнь, которая навеки не вернется, оставил несчастных стариков, жен и малюток детей на произвол судьбы—ради ничего.

Виною жалкого случая была подлая измена и безответственность власти..... В память о погибших в газетах написано за 10-е июня от штаба Верховного Главнокомандующего: „На реке Ясельде и Огинском канале было несколько столкновений"..... и больше ничего, а о том, что перед рекой и каналом от трупов пройти нельзя—об этом ни слова... И, не считаясь с такими обидами, тяжестями, муками и страстями, там, где-то сзади в Таврическом дворце кричат гофмейстеры: „Теперь не время с реформами, прежде победа, а потом.... Да это действительно не время, им нужно решить бюджет-

ный вопрос, чтобы скорее ассигновать кому нибудь 75000 руб. на мебель... это время, а реформы не время".

А 11-го июня „Киевлянин" пишет: от „Штаба Главноком., завязался бой на Огинском канале в районе Логишина... ранены доблестные генерал Н. и полковник.., которые вскоре померли"..

Читая это, и зная дело, становится невыносимо.. Почему не написать правильно их доблесть (говорят, они сами застрелились). Не благодаря-ли их доблести и теперь еще усеяно поле грудами разлагающихся трупов, родные которых ждут и будут ждать, но увы их нет... А в Таврическом дворце кричат: „Теперь не время о реформах"... Эх, как же больно после этого. Хочется шуметь, и кричал-бы, если-б имел такой голос, который слышен был-бы на весь мир: „Долой всех гофмейстеров".... Но что-же делать? Пока буду ждать, когда затрубит этот голос, знаю и верю, что он затрубит скоро.

Штемпель „Полевая почтовая контора" № 146.

16 июня 1916 года.

№ 31.

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОВОРОВУ.

Да, Александр Михайлович, мало утешительного пишете о делах да и нельзя требовать лучшего. Два года мировой войны, чуть не ежемесячные мобилизации, ежеминутный убой и калечение людей.

Нужно еще удивляться, как еще люди живут и не пухнут с голода, а по всей вероятности, скоро настанет и этот бич людей, а будущее родины—ведь это сплошной ужас, если к новому году имели 17 миллиардов долга и уж должны были уплатить к новому году более $^1/_2$ миллиарда, что-же будет, если война еще затянется на год? Это, брат, пахнет тем, что и наши дети будут рабами кабалы. Расчитывать на какую бы то ни было компенсацию со стороны противника, при столь колоссальных расходах, не приходится, так как ни одно государство не в состоянии уплатить.

Вы наверное удивляться будете моим взглядам на будущее при столь окружающих меня обстоятельствах,—что-же, друг думать о том, что вот-вот меня убьют, ужасно надоело, с каждым часом все больше апатии к жизни усиливается, окопы, брат, до того опротивели, что все только скорее в наступление и один конец.

Нужно удивляться, как люди терпят. Вот два месяца, как я на позиции и редкий день без дождя, окопы всегда полны воды и

грязи, сапоги почти у всех рваные, ноги у каждого точно в ванне. Я надеюсь, что скоро будет мир. Если-бы у меня не было надежды на мир, то я давно бы покончил с собой... Вчера один из наших солдат сошел с ума... Предполагаю, что это не последний.

Т. Кирьянов.
275 Лебединский пехотный
полк 2-я рота.

24 июля 1916 года.

№ 32.

ВАРВАРЕ СТЕПАНОВНЕ ФЕДОРОВОЙ.

Ожидаем, что скоро немец отступит, как выясняет наша аэропланная разведка, что немец готовится к выступлению. Конечно, каждому желательно остаться после войны в живых, такой войны наверное никто и не помнит. Не то интересно, что останешься лишь живым, а интересно то, что какая будет перемена в России и чем удовлетворится безземельный крестьянин, а также остальные..

Только вот, читаешь газеты и так делается досадно, что кажется переколол бы всех до одного этих русских патриотов, героев тыла, наше купечество, пользующихся бедою ближних, назову только у вас в Самаре, этой житнице России, разные мукомолы, вроде братьев Соколовых и тому подобных, вздули цены в 4 раза, я верить не хочу и не поверю, что у нас нет пшеницы.. Ну, довольно про этих негодяев.

Штемпель „Полевая почтовая контора № 22".

Июль 1916 г.

№ 33.

АННЕ ПЕТРОВНЕ ШИБАЕВОЙ.

Село Алексеевка.

Супруга, молись Богу за нас, несчастных, проклятых солдат, потому, что не живешь 2 года на адских муках и не могут провалиться с этой войной, они могут подавиться нашей кровью, пьют-не напьются, едят-не наедятся, провалися эта война.

Н. Н. Шибаев.
665 Воронцовского полка 1 рота.

№ 34.

ОЛИМПИАДЕ МИХАЙЛОВНЕ СТЕПАНОВОЙ.

г. Саратов.

Мы воюем, страдаем, а за нашей спиной и на нашей шее жиреет всякая дрянь, да за нас решает, конечно в свою пользу, наши собственные дела. Когда читаешь газеты, то ужас, дочего обнаглели все эти Питиримы да Распутины, а мало ли их. Понятно, им, и им подобным выгодно вести войну без конца, а спросили бы народ.

По моему пора и немцев выслушать. Я что-то давно не слышал победы, все отходим, да отходим. Положим, до Волги еще далеко.

Подписи нет.

№ 35.

ФЕДОРУ ВАСИЛЬЕВУ БЕЛИЦКОМУ.

26 Кавказский стрелковый полк.

Теперь выясняется, что только воюют исключительно бедные, а богачи все у нас попрятались кто куда попало, у нас кто из богачей сроду не видал, как покупают пшеницу,—теперь он покупает на армию и освобождается от службы, например Бакарющенко Михаил, он, я думаю, не видал, какая пшеница, может только различать одни опилки да тес, а теперь это ремесло бросил, и покупает пшеницу, а также Пустовойтов, Иванов и много других богачей укрывается, также на железной дороге либо на консервенной. У нас на железной дороге служит один купец, своя мельница паровая,—тоже спасает свою шкуру, в лисьих шубах ходит на работу.

Подписи нет.

№ 36.

АЛЕКСЕЮ ТИМОФЕЕВИЧУ ОБЕРТЫШЕВУ.

село Дурникино.

По получении сего письма пишите, пожалуйста, возможно подробнее о жизни Дурникина и как живут в настоящее время крестьяне и чем кормятся и как. Словом пишите обо всем подробнее. Я был дома и что-же нашел там,—одно разорение и больше ничего, кроме некоторых кулаков, а некоторые министры наши еще смеют утверждать, что наша деревня стала богатеть,—это не только правда-

а зля насмешка, хотя бы министра Хвостова. Велика ты, матушка Россия, а порядку в тебе нет и, кажется, никогда не будет...

Немец забирает землю на фронте, а в тылу забирает у нашего брата землю крестьянский банк поземельный,—этот вопрос нашу шкуру морозом дерет, и все приходится терпеть и переносить.

Подписи нет.

№ 37.

ПРОКОПИЮ ФИЛИПОВИЧУ ГНОРАТСКОМУ.
Село Маловетка.

Нам тут слышно, что миру не будет до тех пор, пока сами солдаты не сделают мир, как сложат ружья на позиции кучей, а сами уйдут, тогда, значит только будет мир.....

Поскорее бы кончилась эта канитель, надоело ужасно, а главное уж слишком глупые и нелепые требования, если всю правду написать, так прямо „Стрекозу" не читай, все оставные полковники, генералы, люди, уже выжившие из ума, они делают, что хотят, провались они в тартарары, опротивели хуже собак старых.

Подписи нет.

№ 38.

М. И. МИЛОВИДОВУ.
пос. Агрыз.

Поневоле осатанеешь и будешь проклинать и Бога и справедливость... все и войну и когда она кончится, не довольно ли крови, слез и горя... Или вам хорошо, а мы военные—пушечное мясо, должны исполнять то, к чему мы призваны, а Ваше дело граждане, остановить зло, которое принимает угрожающие размеры, довольно, кажется, и нам быть под растрелом. Артиллерия немецкая действует, наша—молчит, почему это? Винтовок у нас своих нет, но мы воюем и жертвуем всем, доказательством служит то, что на нашем участке в последнем бою потеряно 10 тысяч, а сделано что? — Ничего. У них проволочные заграждения в несколько рядов с током сильного напряжения, наша артиллерия била по своим, но шли и умирали, а что за это?—Ничего.

Михайловский пишет и ему верят, а мы воюем, старшие сидят в тылу и белых орлов получают и ничего не видят и не знают. Не патриоты Вы, а сказал бы..... Знайте, что мы свой долг исполняем до конца. Что Вы там сделаете, будете сидеть и верить „Русскому Слову", да „Новому Времени".

Твой Кот.

Август 1916 года.

№ 39.

Дорогая Домна, я тебе писал уже в своих письмах, что такое подводная лодка. В твоем воображении, наверное, она хорошо запечатлелась по тем причинам, что твой муж плавает в Черноморском флоте на подводной лодке и каждый месяц бывает 15 суток на позиции возле Босфора. Домна, ты должна понять, что надо только болеть своим нутром за своего мужа, как все жены, которые выпроводили своих мужей на эту гнусную войну, которая может похоронить ежеминутно их мужей наравне с твоим мужем.

Дорогая Домна, ты наверное еще не поняла, что нет тех проклятых немцев, диких зверей турок башибузуков, о которых говорят наши сытые попики, которым вы несете на ненужные молебны последние гроши. Вы еще верите в эти проклятые молебны и думаете, что они вас спасут.

Дорогая Домна, я уже тебе писал раньше в своих письмах, что матросы не верят ни в бога, ни в черта, ни в молебны, ни в молитвы, а только верят в то, что матрос и солдат как русский, немецкий, турецкий одинаково являются пушечном мясом.

Хорошая Домна, ты еще не понимаешь, что зверей немцев, турок нет, они такие люди как и мы и их жены, матери, отцы одинаково страдают, как страдаете и вы. Их как и нас послали толстопузые паны и начальники офицеры. Для них то война нужна, а не для нашего брата.

Милая Домна после каждого похода в море я тебе описывал сколько и где мы топим турецких пароходов. Конечно только из военных больно нам матросам как тонут матросы—турки. После взрыва мины мы чувствовали ихнию мольбу о помощи, о спасении, но помочь не могли. Война не щадит людей ни на море ни на суше. Одиннадцатый поход нашей лодки к Босфору был настолько неудачным, что лодка была на волосок от гибели. Это было Домна 4-го августа. Пробывши семь суток на позиции возле Босфора, нам нужно было сделать зарядку аккомуляторов. Ты правда не знаешь, что такое аккомуляторы, но это я тебе раскажу коли вернуся и коли морские рыбы не слопают. Отошли мы от позиции 15 километров, выплыли. Я пустил на зарядку и пошел к трапу вылезть на верх подышать свежим воздухом. Впереди меня вышел вахтеный сигнальщик и командир лодки Марков второй, а я поднялся за ними на палубу. Стал жадно глотать чистый морской воздух. Командир корабля от боевой рубки направился по настройке к корме. Сигнальщик с биноклем в руках осматривал горизонт. Я взявшись за поручень рукой, наклонившись за борт, стал смотреть на поверхность

моря. Мое внимание приковано было быстро движущейся блестящей лентой, которая двигалась к середине борта. Прошла одна минута, как я заорал во все горло „Торпеда". Командир и сигнальщик повернулись в мою сторону. Мы видим, что нас ничто не спасет. Осталась может секунда и мы все должны взлететь на воздух, чтобы потом навек скрыться в пучинах моря. В лодке никто не знал, что мы сейчас погибнем. Мина глухо ударилась в борт лодки, должен был моментально последовать взрыв. Но взрыва не последовало. Мина от удара остановилась, кувыркнулась и начала тонуть. Командир крикнул в лодку мы с сигнальщиком в один миг влетели в середину лодки, командир влетел прямо моментально нажав тревожный сигнал рукой. Через три минуты мы глубокомеры показали что глубина 60 метров, на таковой глубине никакая сила уже невозможна. Лодка дала течь. Внутри себя мы ликовали, что теперь мы возвратимся в Севастополь ранее срока. Снеслись по радио с Севастополем прося решения возвратиться, но нам не было разрешено, командир решился сам итти в Севастополь. После двух суток мы благополучно добрались до Севастополя, командира сняли, мы без него пошли в сухой док и стали на ремонт.

На этом заканчиваю свое письмо. Досвидания моя милая. Искренние и наилучшие пожелания.

Твой брат Ермаков.

16 августа 1916 года.

№ 40.

МАТРЕНЕ МИХАЙЛОВНЕ БЕЗСОЛИЦИНОЙ.

д. Большая Безсолята.

Придется должно быть пострадать нашей России и мы уже пострадали да и еще этим страданиям конца не видать. Могли бы мы уже с нашими доблестными силами с крепкими сердцами покончить дело с немцем, но дело осталось в следующем: плохия были у нас министры и представители государственной Думы. Они с вечера в театре а утром долго спали вот и все проспали теперь у нас и крыть нечем как теперь у нас спят кулаки богатыя мужики, а надо бы теперь не спать а больше заботиться об действующей армии, а у нас идет вовсе не так у нас все грабят пока можно.

Семен Константинович Безсолицин.

№ 41.

НАТАЛЬЕ СОМОВОЙ.

Белохолуницкий завод.

Дорогая сестрица Наташа мы воюем так, как пойдем на немцев наступать так мы бросаем ружья и идем в плен, а почему, потому что у нас порядок очень скверный и офицеры тоже и еще нижних чинов очень награждают георгиевскими наградами. Убитых представляют к георгиевским крестам а живых не надо потому что они будут получать деньги за это а сейчас за битого понабивают свои карманы и все измена и измена и солдаты глядят-глядят из за этого и сдаются в плен.

Яков Сысолетин.
17 Стр. полк.

№ 42.

ИНОКЕНТИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ТЮШНЯКОВУ.

Казань.

Как относятся к уходу Горемыкина и к замене его Штюрмером. Сволочь кажется, в том же сорте. Его слова, что он верит обществу и общественным организациям, по меньшей мере, странны. С каких это пор министры стали говорить что они верят обществу. Почему они не спросят, верит ли им общество. Нет, в государственной машине не только развинтились винтики, но и потеряны гайки. Куда ни взгляни везде произвол тупое равнодушие к государственным нуждам и потребностям. Тит Титычи работают, делают состояние, грабят обывателя и плюс ко всему еще и смеются над всем. Закон для них не писан.

И. Соколов.

№ 43.

ЕЛЕНЕ ЛЬВОВНЕ КЛЫКОВОЙ.

Самара.

Составить себе сбережение я тоже не мог так как наши русские буржуа совместно с министерством стараются всеми силами держать крестьянство и т. п. элементы в нищете и темноте. Результаты их стараний получились во всех отношениях блестящи: крестьянство ежегодно выпускает на свет миллионы себе подобных рабов, и в России имеется на всякий случай всегда тысячи безработных. В России собралась вся сволочь прохвосты и истребляют народ не для блага родины, а ради прохвостов, но мы отомстим.

Клыков.
4-я стрелк. батарея.

№ 44.

АЛЕКСЕЮ КОНСТАНТИНОВИЧУ СУББОТИНУ.

Саратов.

Настроение среди солдат унылое, все ждут мира, жадно ловят все слухи, касающиеся мира, с удовольствием выслушивают соображения, клонящиеся к заключению мира, и о победе и слушать не хотят, не верят в таковую. Не знаю к чему и поведет продолжение войны—мне думается к разрухе. Вы пишите, что Вас распускают, но это все враки, это вас утешают чтобы Вы не могли забастовать. Скоро попадете на позицию—это правда. Куманек, постарайтесь попасть на какую нибудь вакансию, а то ни за что пропадешь. У нас дорогой куманек, стены то очень хороши, но столбы не в . . . не годятся.

Е. М. К.

№ 45.

УЛЬЯНЕ ИСАЕВНЕ АНТИПОВОЙ.

Уральск.

По разговору в народе будто войне скоро конец, нет моя незабвенная забудьте просто и думать войны конец до тех пор не будет пока у нас в России не будет дураков. Вот Борис храбрый а вот пускай приедет к нам в окопы да послушает германские жаворонки восьми дюймовые . . . . Из письма видно, что у вас опять в Уральске до сих пор берут людей на войну убивать и морить голодом. Борис пишет что его храброго тоже берут он все мне писал что мы Германцу докажем, вот теперь пускай идет и доказывает и говорит что германское войско голодное. А наше войско свежее, вот придет он в армию и тогда узнает каков солдатский хлеб.

Подписи нет.

№ 46.

ПАВЛУ САМСОНОВИЧУ ШАЛИНУ.

Любищенск.

О войне писать нечего, мы ожидаем может будет скоро мир но нет даже нисколько ничуть ни одного словечка о мире. Надоело мотаться по чужой стороне. Мотаемся как собаки а толку нет, это не война, а истребление мира больше ничего. Каждый день гоняют солдат как баран на бойню и там их убивают, потом давай других

Кругом все война, да убийство, грабеж и хорошего ничего нет, кругом нас обижают не хуже вашего, вас грабят, нас убивают это все Богом допущено.

Ефим Тимофеевич Курохтин.

16 Октября 1916 г.

№ 47.

Нет это не с Наполеоном, а с Германией и не то время, у солдат не те взгляды, что были раньше столько времени воюем, видят гибель впереди и не могли то издать ни одного манифеста для русского черного народа. Не могли удовлетворить крестьян. Теперь удовлетворили Германца, а теперь жалеют и берутся за нас, чтобы мы им помогли в нужде их кармана. Бог послал врага на наше неправосудное отечество. 17 год думают о наделе крестьян землей, так и не придумали. Я думаю что германец разобьет нас в дрызг весной и не даст нам высунуться на свет потому что у него приготовлено много удушливых снарядов. И тем более у нас путеводители в военных действиях немцы, поэтому у нас никогда не может быть победы.

Подписи нет.

№ 48.

МАТВЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ ЕВДОНИМОВУ.

Слобода Елань.

Газеты пишут наш Николка сказал, что войну вести будем пока неприятеля не будет на нашей территории, нам очень стало грустно, кому же не досадно, что крепости посдавали без бою, Ковну, Варшаву и все там пооставили, а теперь вести войну до конца. Когда Ковну сдавали, ни одного выстрела не дали, а Вильну поневоле пришлось сдать, потому что она была обойдена. Нет, не пойдут в наступление наши солдаты и так остались старики контуженные да молодежь.

Подписи нет.

№ 49.

ПАВЛУ ГЕРАСИМОВИЧУ РЕПИНУ.

Никольск.

В это время начальство наше еще не напились нашей христеянской крови и говорят что будем вести войну до конца а когда будет всему этому конец никто ничего не знает, оне говорят что еще

народу хватит а это сколько говорят побито после войны через три или говорят четыре года столько же опять будет, оне все высчитали до их нормы сколько надо истребить людей еще мало, когда оне догонят до той нормы сколько им надо истребить людей тогда только будет мир. Вот как нас правительство подтянуло и мы бараны бестолковые.

Подписи нет.

№ 50.

ЕВДОКИИ ФЕДОРОВНЕ ПОПОВОЙ.
д. Кроты.

Много солдатского грабят вообще. Начальство все смотрит как бы в карманы денег. Нет в нашем Начальстве правила, все продают. Так дорогая моя они привыкли в мирное время пить нашу кровь и в военное не бросают. Нет правды на свете и не будет до тех пор пока народ не сбросит их кровопийцев со спины.

Прокофий Никофорович Попов.
16-й Гусарский Иркутский Великого
Князя Николая Николаевича полк, 2-й эскадрон.

РАЗДЕЛ VI-й.

НАЧАЛО БРАТАНИЯ НА ФРОНТЕ[1]).

№ 1.

КУЗЬМЕ ЕВДОКИМОВИЧУ КАЛИНИНУ.

С. Воскресенское.

Ну мне писать про чортову войну настолько противно, даже невозможно, да еще вы мне пишите, что победить злого врага. Ну эти слова не пиши, какой он есть враг, это все глупо думаете. Мы равные люди что и они, у нас враги те, которые на десятикопеечной марке новой, также в Австрии и Германии. Я вам сообщил бы и больше кое что, но нельзя, это потом.

Кузьма Иванов Татаринов.
5-я батарея 82-й арт. бриг.

№ 2.

МАРИИ САПУНКОВОЙ ДЛЯ В. А.

Самара.

Веруся—Я сегодня ходил к германцам в гости..... Ты конечно удивишься не поверишь и скажешь, что это шутка, но это действительность. В 1-й день Пасхи т. е. Воскресения вдруг смолкла стрельба враждующих сторон-из окопов нашей позиции и со стороны противника—стали появляться условные знаки, потом головы людей и наконец группами стали вылезать из окопов наши и Германцы махая руками и крича „Пан пан ходь сюда, стрелять не будем". Сначала несколько смельчаков из наших решились первыми пойдти на приветствие и зов германцев и вот сошлись обе враждующие стороны на поле брани, начались поздравления с праздником, взаимные пожелания и угощения чем Бог послал хлебом-табаком даже вином, которого как говорят у германцев в изрядном количестве имеется; Обменивались газетами, давали адреса друг другу и т. д. и так продолжалось это свидание до вечера, на следующий день условились опять не стрелять. И вот сегодня я тоже отправился навестить Германцев, захватив с собой предварительно 4-х товарищей, по пути к нам присоединилась еще кампания—явились гармоники и

[1]) Братание после февраля отражено в письмах IX раздела.

вот с пением и пляской наша компания добралась до германских окопов. Разумеется вышли и германцы, поздоровались и пошла взаимная беседа через посредство переводчиков, шутки, смех, пляска под гармонику и проч.. Но вся беда в том заключалась, что не понимали друг друга, скажешь кому либо из германцев „Вы по русски понимаете“ он только пожмет плечами и больше ничего. Я подошел к одному молодому германцу-стоявшему отдельно от других— обмерили друг-друга взглядом, он посмотрев на меня-вздохнул и сказал по русски „да скверно“ я его спросил, а что скверно, но больше этого слова ничего не мог добиться от него—бормочет, что то сказать хочется, а ничего не выходит. Как хорошо Веруся как отрадно сделалось на душе от такого неожиданного события-в-самом то деле удивительно как-то. Сошлись люди которыя за несколько часов перед этим старались как бы удобнее выбрать момент поразить друг друга смертоносной пулей, не знаю сколько бы времени продолжалось это свидание враждующих сторон, каждому из нас не хотелось уходить друг от друга, хотелось подольше побыть в этом радостном, мирном настроении но пришли германские офицера и наши скомандовали к местам, мы разошлись и всему конец. Завтра опять засвищут пули, снаряды, будут слышны стоны раненых и умирающих, ну к чему же все это к чему этот ад к чему это убийство, ведь каждый сознает, что делает что то плохое, недостойное человека, а между прочим какая то движущая сила влечет к этому. Да между прочим задавали Германцам вопросы долго ли их Вильгельм будет воевать они сказали, что года 2, один наш офицер велел передать, что наш Николай Николаевич (Команд. Войсками) 3 года будет воевать, что на них неприятно подействовало. Это было видно по унылому выражению их лиц.

23 марта 1915 года.

И. А.

177 Изборский полк.

№ 3.

ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ КАТКОВУ

Уфа.

Наши солдаты и австрийские солдаты напротив нашего полка друг с дружкой сходятся вместе и днем и дают руки и разговаривают, а потом расходятся и нашим солдатам дают понемножку водочки. Они приглашали нашу полковую музыку на их полковой праздник. Это все правда.

3 января 1916 года.

Товарищеская беседа русских солдат с немцем.

Австрийские и русские солдаты за общим обедом.

№ 4.

ПЕЛАГЕЕ АНДРЕЕВНЕ ЗАХАРЬИНОЙ.

Челябинск.

Скоро ли будет мир Пел. Андреевна, а то что то очень страшно при виде всего этого; между солдатами нашими и немецкими отношения стали очень хорошими и нашим солдатам и немецким уже страшно надоела война, и все ждут мира, у всех солдат одно мнение, даже солдаты говорят, что мы на рождество ходили к немцам в гости в окопы, и они их угощали водкой и колбасой и уходили друзьями, в плен теперь немцы идут охотно, а так же и наши к ним, как рассказывают солдаты участники боя.

Подписи нет.

289 Кротовский полк 6 рота.

№ 5.

В первый день Св. Пасхи на передовых позициях наши солдатики и австрийские солдаты выходили к проволочным заграждениям и поздравляли друг друга с праздником причем наши солдаты дарили австрийцам белый и черный хлеб, яйца, куличи и другие с'естные продукты, что принималось австрийцами с большою охотою, но отдарить наших тем же они не могли, а потому в свою очередь дарили преимущественно папиросы, табак и даже водку. Сходились у проволочных заграждений. Обе стороны рассматривали друг друга с любопытством и в заключение снялись на фотографии группами. Австрийцы спрашивают скоро ли будет мир. Австрийцы говорят, что наши пули много наносят им смертельных потерь. По случаю праздника первые три дня стрельбы не было с обеих сторон.

Подписи нет.

20 апреля 1916 года.

№ 6.

АЛЕКСЕЮ ЯКОВЛЕВИЧУ РЕШЕТОВУ.

Г. Балашов

Многие солдаты ходили к немцам, они угощали их коньяком, колбасой и белым хлебом и к нам немцы приходили на пасху мы задержали несколько немцев, а на другой день наших много уже ушли да оттуда не воротились.

Подписи нет.

27 апреля 1916 года.

№ 7.

АНДРЕЮ ОСИПОВИЧУ НИКИТИНУ.

Казань.

Во время декабрьских боев у проволочных австрийских заграждений осталось не мало наших убитых солдат, которых убрать не представлялось возможности и вот вышли австрийские санитары и понесли их к нашим проволочным заграждениям. Земляки благодарили их. Вот эпизод.

20 декабря 1916 года. Сын Николай.

№ 8.

ДАРЬЕ ФИЛИППОВНЕ ИГОШИНОЙ.

С. Надеждино.

Ежедневно грозит опасность смертельная, нахожусь в окопах, но спасибо австрийцы не стреляют, чуть не ежедневно сходимся с австрийцами, друг друга зовем братьями, дают папирос. табаку но наши офицера сходиться не приказывают, а то пошли бы в их окопы сниматься на карточки. Они желают очень мира, но наши не мирятся и желают говорят продолжать кровопролитие.

Игошин.

№ 9.

ИЛЬЕ ЕРМОЛАЕВИЧУ ШИШИКНУ.

Была тишина временная, солдаты вылезли даже из окопов, немцы тоже и начали разговаривать. Немцы у нас просят хлеба, наши дают, а в обмен берут у них папиросы или сигары, прямо совершенно по дружески, немцы говорят, что не хотят воевать. Да, мир и для нас необходим, уж слишком надоело это дело.

6 января 1917 года. Подписи нет.

РАЗДЕЛ VII-й.

БУНТЫ И ВОССТАНИЯ В АРМИИ.

№ 1.

Дела наши не завидные только не с турком, а совсем дело отдельное. Начинаются бунты и все из за того что солдату одним словом ничего не стали давать. Черного хлеба единственный один фунт, а службу требуют. На что, пришли теперь на отдых, гоняют везде на разные работы на занятия, одним словом не дадут солдату даже пообедать и вот через это и взбунтовались одним словом вся наша дивизия. В Кубанском полку и в Дербенском побили офицеров, а в нашем еще нитак, но дело все разыгрывается, так что тоже идет к тому.

25 марта 1916 года. Гаврил Романов.

№ 2.

ХАРИТОНУ ИСАЕВУ СТАРЦЕВУ.

С. Грязнуха.

Новости у нас такие: мы были на первой позиции, нас потребовали в г. Соракамыш для усмирения. Когда мы ехали, мы думали что едем на отдых. 16 марта нас погнали в город усмирять 2 полка Кубанский и Грузинский и когда нас выстроили, приказали стрелять; раньше в семи верстах поставили орудия, как ставили в боях. Когда мы узнали почему они забастовали, никто не выпустил ни одного патрона, тогда нас отставили, пригнали казаков, казаки тоже отказались и оба полка тогда отправили на переднюю позицию, а там приготовили 3 роты „крестиков", они начали стрелять в эти 2 полка, им скомандовали наступление, они заметили, что это не неприятель и без всякой команды открыли свои окопы и убили 500 человек наповал и 300 ранили из этих „крестиков". Когда услышал Николай Николаевич, поехал 21 марта на расправу.

Подписи нет.

12 апреля 1916 года.

№ 3.

ИВАНУ КОНСТАНТИНОВИЧУ ВОЛКОВУ

Пенза.

У нас на фронте идут небольшие восстания: очень нас сильно притесняют, работой мучат день и ночь, так что нашему брату нет

никакого отдыха и т. д. Пища очень плохая, так что часто едим рыбную мурцевку. И так у нас некоторые роты не стали уже принимать рыбный обед, а в 45 полку там уже и кухни немного поломали. Когда на этот шум прибег командир полка, хотел усмирить самоуправством, то его успех был без всяких результатов, и сам только что мог ноги свои убрать, а через эту муру 53 полк 13 дивизии не пошел в наступление. Три раза было приказание итти в наступление, но он не пошел. Вообще вся 13 дивизия бастует, так что всем притесняют, а еду дают плохую.

22 мая 1916 года. Ваш сын В. В.

№ 4.

МАТВЕЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ ЧУМАКОВУ.

Сл. Рудня.

Дорогой мой дядя у нас идут сильные бунты так что у Тифлиса разбили весь город и хотели убить Николая Николаевича но он убежал.

17 июля. Подписи нет.

№ 5.

ПАВЛУ АНДРЕЕВИЧУ НАРЕЖНЕВУ

Ст. Три-Острова.

Затем наши забастовали и не пошли в наступление, а сейчас не можем никак „найтись". Многие части не пошли в наступление, а наши полки тоже не пошли, но их куда то угнали от нас.

28 октября 1916 года. Подписи нет.

№ 6.

АНДРЕЮ ПЕТРОВИЧУ.

Саратов.

Еще я пропишу тебе, что на позиции дело плохо: не хотят наступать. Харчи тоже плохие. Все говорят, что не победим. У нас в роте случился бунт, сменили ротного командира, всех отделенных и взводных. Теперь нам стало еще гораздо хуже.

Павел Шевченко.
121 полк 4 рота.

№ 7.

Напишу Вам известье: В нашей батарее солдаты убили взводного Фейерверкера; он был таким злым и строгим к солдатам, вот они его и успокоили.

Петр.

№ 8.

Л. У. МОШКО.

Казань.

У нас теперь плохо, наш воинский уехал и управление наше передал Холмскому воинскому начальнику, то этот сукин сын нас очень греет, так что даже невозможно, работаем в управлении до 2 часов ночи, и за что нибудь строгим арестом карает, или же под ружье ставит на три часа, навешает 80 фунтов на плечо и стой даже нельзя тронутся с места, а то под суд попадешь. У нас троих офицеров убили солдаты, двоих солдат сейчас расстреляли, а те остальные скрылись куда неизвестно.

Ф. Мошко.

№ 9.

ДМИТРИЮ ИВАНОВИЧУ ИЗГАРЕВУ.

Г. Балашев.

Наверно еще воевать, но уже солдаты много отказываются. Сибирский полк хотели послать в наступление, они отказались, говорят что в наступление не пойдем и никого не пустим.

Изгарев.

28 ноября.

№ 10.

МАТВЕЮ СТЕПАНОВИЧУ ШИШКИНУ-ВЫСОЧКИНУ

С. Александровка.

Ну мой милый товарищ, стало великое возмущение в войсках, так что хотели было сделать наступление но солдаты не пошли. Сменили три дивизии. Сейчас стоит тишина. Очень надоела всем эта война.

Григорий Матвеев.

1 декабря 1916 года.

РАЗДЕЛ VIII-й.

ПЕРЕД ФЕВРАЛЕМ.

(Конец 1916—начало 1917 гг.).

Солдат конца 1916 года и начала 1917 года—это уже достаточно классово определившийся человек. В солдатских письмах ставятся коренные политические вопросы, решать которые „должны одновременно на фронте и в тылу". Вместе с тем колоссально возрастает интерес армии к событиям внутри России. „Интерес к событиям военных действий пропал и вопрос тыла встал на первый план"—пишет рядовой Антипин (письмо № 42). Это же констатирует и сводка военного цензора от 27 ноября 1916 года (д. № 21 стр. 490): „Можно сказать, что в армии интерес к жизни тыла растет с каждым днем. Почти в каждом письме можно встретить вопрос: „Какие у Вас новости". И следует признать, что видимо, армия является прекрасно осведомленной о тех событиях, которые совершаются в тылу. В свою очередь она также делится новостями с близкими людьми. В письмах мелькают сообщения о начинающихся брожениях среди войск, о различного рода эксцессах там, на почве недовольства затянувшейся войной или начальством. Нередко говорится о продовольственном кризисе в стране. В этом случае обвиняются „начальство" (правительство) и мародеры тыла-торговцы. Первое обычно укоряют в неумении и в нежелании бороться со все возрастающей экономической разрухой—вторых в бессовестной эксплоатации труда низших слоев населения" [1]).

Солдаты знают твердо, за что они „страдают и кровь проливают". Они не хотят победы, потому что „никакого добра от нее не будет". „Спрашивается за что же воюешь. За буржуазию, за спекулянтов, за всю эту сволочь, которые едут на спинах наших отцов, наших братьев и дерут последнюю шкуру. Да на черта все это спрашивается. Спрашивается где же будет лучше жить—под

[1]) И тыл охотно сообщает фронту о всех новостях. В одном письме (дело № 40 Канцелярии Каз. губернатора) на фронт говорится: „Знаю, что тебе важно знать, что творится у нас. Успокойся, чему быть, тому не миновать, а история расскажет нам правду. Знаю одно, что совершаются великие события и если суждено, то увидим в'явь то, о чем говорили шопотом"...

игом Германии или под игом кулака нашего сволоча и мерзавца спекулянта" (письмо № 5).

Официальная ложь выводит солдат из терпения. „Хотя в газетах и пишут разную сумасбродицу, что якобы деревни наоборот богатеют, да горе одно. Пожалели бы хотя не наше наболевшее и и без того сердце, а хотя бы пожалели бумаги, которая уж так дорого стоит",—возмущается, рядовой 161 пехотного полка.

Солдаты уже не просят мира. Они требуют его.

Требование „долой войну" подкрепляется требованием внутренних перемен. Солдаты хотят знать какие улучшения трудящимся даст окончание войны. Еще в конце 1915 года солдаты возмущались: „Воюем второй год и защищаем интересы отечества, и до сего времени нет ни одного манифеста для крестьян-защитников русской земли" (п. № 20 за 1915 год). Особенно волнует солдат вопрос о земле. „Не то интересно, что останешься лишь живым, а интересно то, что какая будет перемена в России и чем удовлетворится безземельный крестьянин, а также остальные" (п. № 33 за 1916 год). Даже георгиевские кавалеры при официальном опросе представителями думы „заявили, что они желают чтобы вся земля была отобрана у немцев проживающих в России, а также и у помещиков, раздать которую не имеющим и чтобы учение детей было общедоступное и бесплатное". (письмо № 4).

С этим запросом у Думы получился конфуз. Дума надеялась собрать в армии патриотические сведения о беззаветных стремлениях бороться за веру, царя и отечество, а получила требование помещичьей земли.

Путь к ликвидации войны и к „улучшению внутренней жизни" солдаты видят только в активности их самих и их братьев в тылу. („Тыл должен начать завариху"). Никакого доверия к правящим верхам и никакой надежды на Думу. Думу солдаты считают „способной лишь на болтовню" (д. № 12), называют ее „бардаком земли русской".

Мир будет тогда, когда „встанут наши отцы и не будут давать своих детей под убой" (письмо № 7). „Хорошенько бы забастовали скорее бы мир"—пишет Орлов из 185 Башкирского полка (п. № 10). „Мир может быть тогда ежели сами солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки" (письмо № 36).

Кровавый $2^1/_2$ летний опыт привел солдат к выводу, сформулированному В. И. Лениным еще в самом начале войны, что войну империалистическую надо превратить в гражданскую, в войну с

буржуазией. Солдаты поняли, что настало время завершить дело, начатое в 1905 году. (1905 год был свеж в памяти трудящихся, что видно из писем).

Работа „красных" (т. е. большевиков) активизировалась все больше и больше в предфевральские дни. Влияние ленинской партии росло очень быстро. По письмам предфевральского периода видно, как нарастает и близится революционная гроза.

В начале 1917 года письмо неизвестного автора прямо констатирует:" весь народ волнуется и все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно. (письмо № 48).

ШТАБ
Казанского Военного
Округа
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
местной военно-цензурной комиссии
15 января 1917 года
№ 110
г. Казань.

Секретно.

Председателю Главной Военно-Цензурной Комиссии.

РАПОРТ.

Из ежедневных отчетов г. г. военных цензоров Округа за минувший декабрь месяц я смог почерпнуть следующее:

Корреспонденция с театра войны в процентном отношении раздедялась так,—на первом плане были письма без упоминания о войне (45%), затем шли письма с жалобами и пожеланиями скорейшего мира (35%), писем же с патриотическим под'емом оказалось (за последнюю неделю декабря) только 18%.

Как и прежде, встречались письма ярко патриотические, в которых авторы выражали полную свою готовность умереть за царя и Отечество. Замечено также было, что многими авторами отлично сознается важность переживаемого момента, благоприятного более для нас, чем для истощающегося врага. Однако, в общем такого уныния, как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. Причиной уныния сами авторы считают тыл. И если в патриотах сказывается боязнь за семью, то в нижних, чинах, относящихся к войне безразлично, проскальзывает чувство злобы на тыл, который „с каждым днем становится все паскуднее". Одних „бесит" все возрастающая дороговизна и „неумение" властей обуздать мародеров и распределять правильно имеющиеся в России запасы. Другие же авторы,—„глядя на кризис внутренней политики"—приходят к выво-

ду, что „та великая Русь (девственница в образе женщины с диадемой на голове и мечем в руке) бесследно исчезла. Теперь же на месте ее стоит развращенная германизмом девка с ехидным выражением льстивых глаз. В руках у нее тоже есть меч, но он заржавел от крови безвинных жертв, павших за правду, меч этот изогнулся и обтупился".

„2½ года войны—по словам третьего автора—повидимому произвели свое действие, озлобив всех. Необходимы радикальные меры, чтобы выйти из хозяйственно-экономического тупика. Что же мы видим на деле? Расстерянность и дезорганизацию. Власть мечется из стороны в сторону, но ничего планомерного, ничего положительного. В результате получается впечатление, что далеко не все обстоит благополучно. Сменяются имена у руля правления, но все остается по-старому, — одна бестолковщина. При таком порядке вещей естественным являются те стихийные вспышки, какие произошли уже во многих местах нашей и без того многострадальной земли. Народ ли виноват в этом?. Виновата наша горькая действительность. Народ инстинктивно чувствует неладное и дает выход своему озлоблению в бунте. Если такой порядок продлится далее, то перед нами стоит призрак революции, и мы никогда не увидим себя победителями в этой страшной войне. Ибо там наверху отгораживаются от страны, от народа и вершат какие то темные дела. Нет доверия к власти, нет и веры в себя, а остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы"...

Простых солдат особенно волнуют доходящие до них сведения, что в тылу „всего нехватка", начиная с людей. Поэтому в декабре месяце были довольно часты „думы о будущем": как и кто будет сеять, не придется ли земле остаться из за безлюдия непаханной. При этом необходимо заметить, что за последнее время значительно чаще встречаются письма „сознательных" и „товарищей", которые свои взгляды выражают весьма смело, а советы дают в весьма определенной форме. Примером таких писем может служить хотя бы такое: „Я слышу у вас все берут на военную службу и конца нет и долго еще будут брать дураков мужиков: почему же не брать когда идут сами. Неужели, Лазарь Степанович, и вы пойдете. Я знаю, что вы пойдете и не смеете слова сказать. А кого вы думаете защищать: Польшу или наших помещиков. Они ведь все останутся живы, а нас всех дураков прибьют, да с голоду поморят, а после войны под свое право возьмут. Не слушайте проповедей долгогривых

священников, что миряне должны защищать Россию. Вот какое у нас правительство, оно село нам на шею и ездит..... Правда сгорела, правосудие убежало, закон у сенатора на пуговицах".

В другом письме тоже самое сказано еще сильнее: автор после рассуждений о продолжающихся мобилизациях и реквизициях пишет: „а газеты пишут—воевать до полной победы. Ах, Господи, сколько неправды в нашей правящей буржуазии из собственной своей недальновидности, настроения и неприлежности. Теперь приходится брать то, чего не клали, а там, где не клали, брать будут как свое. Вот поэтому вся тяжесть войны ложится на крестьянина, которому они никогда не способствовали в его жизни. Представьте, какое наше положение: мы два брата остались от отца малыми и кормились за собственный счет; приходилось и голодать, потому что были малы и не могли кормиться своим трудом. Тогда нас правительство не видело. А как только выросли, то нас обоих убрали и, мало того, и наше нажитое не потом, а кровью обмытое, тоже трудовое и то все возьмут и оставят нас на произвол судьбы. Поэтому как можно берегите все и без бою не давайтесь в руки, гоните в шею всех фараонов и пиратов, которые будут брать что-нибудь у вас".....

Впрочем, на темном фоне унылой корреспонденции из окопов встречаются и светлые пятна. Эти пятна—радость, что враг истощается и с каждым днем становится хилее. Даже немцы теперь стали слабы настолько, что наши солдаты „только и ждут, когда их двинут вперед для решительного нанесения врагу удара, после которого не мог бы он снова итти на нас. И не далеко то время, когда всякие хитрости превратятся на „помилуйте", а коварство на „дайте пощады". Раньше на один наш снаряд выпускали несколько, а теперь на наши несколько свой один. Теперь они не прут на нас, а сидят прижавшись и молчат, либо перебегают к нам в окопы, жалуясь на холод и голод". Другой автор пришел к тому же заключению уже на основании других фактов. По его мнению „Германия и ее союзники, действительно, накануне развала. Она предложила нам вести мирные переговоры, наш же союз категорически отклонил вести какие либо переговоры".

Весть о мирных предложениях Германии дошла до позиции двумя путями: через газеты и получение официальных телеграмм на имя штабов отдельных частей наших войск. Отношение к этим предложениям вылилось в форме радости, но радовались на позициях двояко. Так, в одном письме говорится: „пришла срочная официа-

льная телеграмма из штаба армии о том, что нейтральные державы, чтобы склонить воюющих к миру, предложили папе римскому ноту по поводу заключения мира. Получив это известие, мы сначала сами себе не верили, а потом, убедившись, что это действительно верно, готовы были кричать ура. Лица у всех нас сияли от радости, а у некоторых даже навернулись слезы на глазах"..... А вот письмо где радость другого сорта. Автор пишет: „Неужели еще не пора кончить эти страдания людей. Мы все радуемся и ждем, что будет им от этих разговоров. Ох, пора бы обдуматься..... Читал я газеты, пишут, чтобы воевали до полной победы. Ох эти патриоты, которые кричат у себя на печке дома о полной победе. А вот попробовали бы здесь посидеть, не то бы запели"..... По мнению таких авторов потому еще нужно заключить мир, „что все равно мы немца не победим."

Однако, „большинство пишут о мире" (по выражению нескольких цензоров) мира хотят, каким бы он ни был для нас позорным.....

Как и в прошлогоднее затишье, замечались еще письма, где авторы описывают свои хождения в гости к немцам и их ответные „визиты". Оборванные, голодные-вражеские солдаты просят есть, рассказывают нашим, как плохо теперь питаться в австро-германских армиях (об этом, судя по письмам, подтверждают и бежавшие из плена наши нижние чины). Но не только за хлебом идет неприятель в наши окопы, его „визиты" зачастую имеют цель агитировать мир. „Нам нужно миру,—говорят гости,—а то три года, как война—всем надоело это". Некоторые же немцы дают и советы, как нужно поступать, чтобы мир был возможно скорее заключен: для этого не следует стрелять и ходить в наступление. И попутно с этим следует упомянуть о письмах, где пишут: „теперь происходят в войсковых частях сильные бунты и забастовки и так, быть может, этим остановят войну". Или: „Наш полк получил Георгиевское знамя. Командир корпуса генерал сказал: Надо его облить кровью. Ему сейчас же наши солдаты прищпилили сзади на автомобиль записку: „кончайте войну до нового года, если не кончите, то мы идем войну вести еще с Петроградом".....

Встречаются еще описания самых бунтов, говорится о дикой расправе с командирами. Мотивы такой жестокости те же—„довольно воевать". Пишущие обо всем этом либо одобряют бунтовщиков, либо осуждают и скорбят, что не стало порядка, что „теперь все солдаты сами всем распоряжаются, а некоторые офицеры согласны

с солдатами. Беда кум,—заканчивает свое письмо автор—скоро друг друга начнут бить"……

В инородческой корреспонденции с театра войны в декабре наблюдалось, что о войне наши инородцы по прежнему пишут очень мало.

В письмах татар встречались, изредка, строки, полные патриотизма. По этим письмам видно, что среди татар—нижних чинов есть люди, желающие победы над немцами. Но, как донес мне один цензор, татарская интеллегенция от своего простого народа обособилась и совсем уже теперь не рвется в бой и не стремится к победе. Для нее мир сейчас—цель.

В письмах простых солдат из татар встречались жалобы и на холод, и на голод, замечалось даже возмущение, говорилось,—„думали, что скоро настанет светопредставление: народу умерло и ранено конца краю нет". В письмах же интеллигентных мусульман замечались другие мотивы и совсем другое настроение. „Сейчас, пишет один из таких авторов, скинул стоптанные сапоги, истрепанную шинель, сплюснутую фуражку, слава Богу теперь я похож на человека. Не дай Бог, вам попасть сюда. Поскорей бы конец всему, вернуться бы в отечество и служить Исламу. Правда, мне мало дела—читаю книги и газеты и только по пятницам для виду собираю мусульман на моление и поучение" [1]). Говорится еще в подобных письмах, что там, где много мусульман,—„всем хочется слушать родное чтение", но—„как это унизительно: мы, взятые от 25 миллионного народа, не имеем для чтения родной газеты и журналов".

Переходя к корреспонденции не с театра войны, прежде всего надо сказать о письмах из тыловых воинских частей. В этих письмах, по словам одного из цензоров округа,—„как яркое проявление патриотизма, так и сознание важности переживаемого момента отсутствуют. Большая часть сообщений в письмах на родину сводится к описанию строевого обучения, питания и обмундирования, а также скорби по оставленным домашним очагам и семействам, заботам о них и надежде на скорое возвращение на родину"…..

Необходимо упомянуть, что в этого рода корреспонденции встречаются весьма часто жалобы на плохую пищу и обувь.

---

[1]) Письмо муллы. Как правило, муллы наравне с татарской буржуазией поддерживали царизм и гнали трудящихся татар в наступление. Отношение к войне различных классов татарской национальности подробно выяснено во вводной к разделу татарских писем.

Когда же были получены оффициальные сведения о предложениях неприятелем мира, и об ответе на них правительств союзных с нами держав, то один неизвестный автор из тыловой части выразился так: „И чорт их знает, мира не хотят заключить. А о том не хотят подумать, сколько народа страдает от бесполезной войны. Что же они отняли у некоторых все и думают, что удовлетворили всех кашей и щами, да кроме того забросили самолюбие каждого и лишили возможности сказать свое я. Да что же я за гражданин России, когда не могу самостоятельно за свою шкуру слова сказать. Ну ничего, скоро придет день расплаты и они будут знать, раз взяли роль ответственную, то умей ею руководить и не забывай про тех сограждан, которые лишились всего, благодаря ихнему капризу".

Несмотря на праздники, во внутренней корреспонденции, помимо поздравительных, прошло много писем, где довольно подробно обсуждались вопросы, тесно связанные с войной. „Мир был уж так близок, говорилось в одном из них, и опять ничего. Повидимому, война опять затягивается. Я устала ждать и надеяться. Мне кажется, что прежде чем наступит мир, будет что то другое, страшное, а именно надвигающийся голод. Я видела сегодня как в булочной расхватывали хлеб. Они готовы были заплатить, сколько угодно, лишь бы получить маленькую булочку. В конце концов будут платить бешенные деньги за кусочек хлеба, но выживут только сильные, бедняки же погибнут. Это ужасно—ведь бедняков такая масса. Да жить страшно. Каждый занят только собой, своей наживой". „Спрашивается, возможен ли в хорошей семье разгул и пьянство в то время, когда самый дорогой член ея лежит больным, переживая кризис..... А ведь наша родина переживает сейчас великий кризис. Мы голодуем. Но не потому, что в наших житницах нет хлеба, а потому, что проклятый зарвавшийся буржуазный мир хочет грабить и обогащаться". „Читая ежедневные газеты, удивляешься, какая совершается разруха у нас в России. Эти речи депутатов Думы просто разрывают душу и ни сколько не искренни речи представителей верхов. Иногда даже думаешь: Право издеваются там над нами. Каждый месяц торжество темных сил и лишь добавление ко все прогрессирующей разрухе"..... Наконец один автор писал, что он такого мнения, что лучше бы согласиться на предложение немцев о мире и начать переговоры, потому что немцы так укреплены, что сдвинуть их нет никакой возможности. „А так как у них больше тяжелых орудий, бомбометов, предметов и прочих смертоносных приспособлений, то достигнуть полной победы невоз-

можно и потому лучше бы приступить к переговорам и добиться мира для всех почетного и не гибнуть миллионам людей. А Дума то наша да прочие союзные правительства, как они воспротивились Хорошо им в удобных креслах и за болтовню получать громадные деньги, так что и дороговизна для них нипочем и могут они желать войны до полной победы".....

По прежнему местная русская пресса по поводу войны высказывала единодушное мнение:—она должна быть доведенной до победы и только тогда возможно будет говорить о мире. Поэтому выступление Германии и Соединенных Штатов с нотами о мире получили дружный отпор прессы, которая с восхищением приветствовала слова Государя Императора, соизволившего категорически указать на условия, при которых возможен прочный мир, а также солидарность нашего правительства со всеми союзниками. Она высказала большую радость, когда союзники подтвердили, что будущий мир возможен лишь после того, как русский стяг будет развертываться над Дарданеллами, а турецкий Константинополь станет русским Царьградом. Все эти взгляды на будущее газеты развивали постоянно, настойчиво и, зачастую, в ярких статьях.

Очередных же обзоров текущих событий на фронтах на страницах газет бывало сравнительно мало. О румынских событиях они упоминали, как бы вскользь, и весьма радостно прозвучали статьи о нашем последнем наступлении под Ригой. По этому поводу газеты на слова не поскупились; они старались схватить всякую деталь и мелочь и рисовали величественную картину доблести войск генерала Рузского; они подчеркнули трудность выполнения задания и значительность результатов короткого удара, подобных которому „давно уже не было".

Гораздо более внимания пресса уделяла делам внутренней политики, при чем по прежнему ее страницы были наполнены резкой критикой правительства. От этой критики воздерживались только крайне правые газеты, впрочем тоже подчеркивавшие „создавшуюся разруху".

Прогрессивные газеты много писали о том, что теперь снова стала крепнуть реакция, представителем которой является новый премьер-министр, князь Голицин, благодушно признавшийся председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, что он не знает „будут ли еще какие перемены в его кабинете".... И так происходит потому, что „торжествует не народ, а союз русского народа и его чайные".

Благодаря творимому кем то распаду власти,—писал Самарский „Волжский День“ — перед нами точно в каком то гигантском калейдоскопе проходят представители власти, сменяя один другого. Нет министерства, нет органа власти, которого бы не коснулись эти перемены, странные, непонятные. Люди приходили один на место другого с кинематографической быстротой. Иногда мы не успевали забыть программу одного, как перед нами—уже развертывалась программа другого, где выразительно говорилось и о желании работать вместе с общественностью и даже..... страшно сказать—о грядущих реформах. Но..... министры уходили, программы забывались, а реформы оставались нетронутыми на том же месте, где их забыл девятьсот пятый год“..... А виною этому „темные силы“. Должно отметить, что в таком тоне можно было найти статьи в газетах, начиная с октябристского „Голоса Самары“ до социалистической „Степи“ (в гор. Троицке) включительно.

Подлинный подписал полковник Прогнаевский.

Ш Т А Б
Казанского Военного Округа
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
местной военно-цензурной комиссии
10 февраля 1917 г.
№ 343.
г. Казань.

Секретно.

Председателю Главной Военно-цензурной комиссии

РАПОРТ

Из ежедневных отчетов г. г. военных цензоров Округа за минувший январь месяц видно, что в русской корреспонденции с театра войны преобладали письма без всякого упоминания о войне (52%). иисьма же о мире, их было очень много, процент достигал цифры 31; остальные же 17% заключали в себе письма со всякого рода жалобами и сообщениями недозволенных сведений.

Повышение настроения армии вызвано, главным образом, высочайшим приказом по армии и флоту, явившимся ответом на германские предложения начать мирные переговоры.

Воодушевленные словами августейшего верховного вождя, наши войска теперь готовы помериться силами с врагом. Но на ряду с бодрыми, полными лучших боевых надежд, сообщениями, сплошь и рядом приходится читать такие строки: „Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови, на трупах павших героев купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье. Вот что огорчает нас. Мы это знаем,

знаем смех их над нами, их искариотскую улыбочку в кулак, их предательские слова: „Пусть воюют, а мы наживемся, если нужно будет, то и в тылу сумеем устроиться“. Для них лозунг-нажива и укрывательство; для нас же—торжество правды над злом. И всех нас единит этот лозунг. А где есть единение—там и сила; а где сила—там победа. Мы добьемся торжества правды над злом и тогда будет другая, новая жизнь, будет счастье для многих“.

Есть в армии такие солдаты, которых один из офицеров характеризует следующим образом: „Теперешний солдат, которого покрутят в запасном полку два месяца, приезжает на позицию мужик-мужиком и совершенно не понимает необходимости победы России над проклятым немцем, говорит и думает одно: надо скорее кончить войну. А того совершенно не знает, что если немец нас победит, тогда не живи на свете“... Этот разряд нижних чинов очень болтлив в письмах и зачастую посылает родным самые антипатриотичные советы, подчеркивает в сообщениях о войне одни теневые стороны ее, наши неудачи и недостатки. Такие авторы прежде всего обращают на себя внимание своими сообщениями о бунтах и забастовках на фронте. И всякий раз подчеркивают, что „ежели так дальше будут себя вести солдаты, глядишь скоро дождемся и мира“. Так пишут более „скромные“, а „передовые“ идут дальше: они призывают оставшихся в тылу родственников и товарищей даже к революции. Конечно, собщения этих „передовых“ чудовищны своим мрачным взглядом на всех и на все. По их словам, „все солдаты озлобились и не хотят итти в бой. Начальство передает только приказания, а сами назад. Вот и воюй. А чуть где на отдыхе, где бы дать солдатику отдохнуть, а они всячески мучают усиленными занятиями и даже бьют по морде. Врачи обходятся с больными скверно, грубо и даже не верят больным и иногда употребляют кулаки“..... Или: „я вижу из Вашего письма, что у вас все отбирают, но вы не давайте,—ведь это ваше собственное, вы хозяева и можете спрятать подальше. Они у бедного отбирают последнее, а богатого и помещика и не видят. Разве это порядок. Нет и не было его у нас. Раз заступил министром немец, то доведут страну до полной гибели. Я думаю, что наша страна погибнет... Мы и так видим, как с голоду морят нас, наших жен и детей. Но мы пока ничего не говорим, а придет час мы скажем им: довольно нас губить, пора и нам взглянуть на свет. Мы требуем от них, что нам нужна свобода и чтобы не министры правили страной, а народ, избранники народные, которые говорят всю правду народу.

Мы будем ждать, что нибудь, наверное, будет. В армии нашей что то появляется, но что покажет весна и что скажете вы там в тылу"...

Жалобы армии остаются прежними, и один из авторов суммирует их в следующих стихах:

„От прогорклых щей
Грустно и тоскливо на душе моей.
А в котле навара нет уже следа,
Знать на кашевара подошла беда.
Хлеба не хватает
Нет уже крупы.
У солдатов морды стали уж тупы.
Всюду нас ругают, старшие бранят,
Без толку гоняют, будто грешных в ад.
Польская картошка в животе поет:
То мяучит кошкой, то козлом поет.
А поляк хозяин все в карман глядит
За пустяк картошки шкуру снять хотит,
Доктор медицины стал такой герой.
Перколол нам спины и поднялся вой.
А душа изныла об семье родной,
Домой не пускают, хоть ты волком вой".....

Солдатам крайне не нравится чечевица, и все, что из нее. Чечевица поперек горла встала, видимо, столь многим, что про нее в армии даже сложилась нехорошая пословица—угроза: „дадите кашу все будет наше; а будете чечевицу—отдадим и Черновицу".....

Из единичных, но интересных сообщений с театра войны можно еще отметить следующее: „Накануне Рождества в одну из наших рот три австрийца принесли убранную елку и приподнесли ее с пакетом командиру полка, в пакет была вложена поздравительная карточка. Командир принял подношение и распорядился отпустить австрийцев обратно".

В другом письме призванный в войска студент—петроградец грустит, что он сейчас связан не с тем „элементом студенчества, который ему люб" и радуется лишь тому, что „ныне действующее в Петрограде студенчество начинает оживать, об этом сюда дошли верные слухи. Даст Бог и на нашу долю останется. Наступают сильные моменты, пропустить которые грех. Сюда товарищи других рот привезли отчеты и резолюции некоторых с'ездов. Есть что послушать и о чем передумать, здесь призванные студенты тоже думают устроить литературные и политические вечера, но вряд ли удасться".....

Наконец один из нижних чинов пишет, что в какой то войсковой части „солдаты болтают, что будто бы мир заключен с Германией и на выгодных условиях для нас. Но дело в том, что Германия не

может обезоружить своих солдат, которые ищут земли и воли, так что в Германии поднялась революция, не могут с ней справиться"....

Наибольшее количество корреспонденции инородцев с театра войны за январь заключало в себе письма о пожелании скорейшего мира. Особенно часто пишут о мире татары. Почти в каждом письме встречаются выражения: „скоро мир", или „слава Богу, заговорили наконец о мире". Не видно было в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узко-национальное будущее. Сознавая, что „писать много нельзя-секут когда узнают, что солдаты правду пишут", автор одного из писем тем не менее сообщает: „терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет. Здесь говорят, что у поляков теперь свой царь. А мулла Эфенди говорит, что мы здесь воюем не без пользы для нашей нации"..... Другой мусульманин сообщает для татарской газеты, что „на праздниках, 25 декабря, дивизионный начальник и офицеры заставляли нас петь свои песни. Мы показали, что мы не пустой народ, мы не хуже других. Просим Вас, в каждом номере пишите, что нас много миллионов и что у нас есть сознание. Мы не должны отставать от финляндцев". К одному из татарских писем была приложена австрийская прокламация.

В прошедшей цензуру корреспонденции из тыловых войсковых частей, по донесению одного из цензоров округа,—„ничего существенного не обнаружено при чем проявления патриотизма весьма редки, сознания же важности переживаемого момента—нет. Несмотря на то, что в тылу, как и на фронте, была увеличена порция продовольствия, а также и предоставлены некоторые развлечения и свобода в первые дни праздника, масса сообщений носит унылый характер и полна горечи, при чем ярко вырисовывается их желание скорого окончания войны и стремление снова быть в кругу семьи. Наибольшая же часть сообщений сводится, как и раньше, к описанию обучения военной службы, питания и обмундирования".

Затем можно еще отметить письмо, автор коего лежит где-то в лазарете. Прочтя старые газеты, он высказывает такие мысли: „по всему видно, что в борьбе общества с правительством стали затушевываться события на фронте. А здесь идет работа, машина, пущенная в ход, работает и работает как будто хорошо. Не слышно ничего ненормального,—звук ровный, ритмически правильный:

без перебоев и скрипа. Но в тылу ошибаются: армия тоже думает и внимательно присматривается и прислушивается к тому, что делается в тылу и хорошо разбирается в событиях на фронте"..... Далее тот же автор пишет, что его „больше всего удручает то, что офицерство находится в заблуждении относительно настроений в армии и это заблуждение более сильно вверху. Громадная отчужденность нижних чинов от офицеров и та практика, которая принята за правило, что „у нас все благополучно", создает сплошной обман, или самообман"....

Содержание внутренней русской корреспонденции довольно разнообразно, но интересного в ней, с точки зрения военной цензуры, было немного. Однако, замечено, что многие авторы тщательно описывают всякие беспорядки, „голодные бунты" и забастовки и примером таких сообщений может служить выписка из следующего письма: „ В Москве очень много нового. 9 Января ходили по театральной площади с красным флагом и кричали „долой войну", а сегодня сидим без хлеба. Каждый день ждем погрома, и вероятно, скоро будет"..... Затем, обратило на себя внимание цензуры письмо на имя одной из царицинских газет. В нем автор весьма пространно разбирает вопрос о нуждах войны и неправильность распределения на население тягот ее....

Во внутренней корреспонденции инородцев замечена прежде всего радость неизвестной немки[1]) (из Москвы), которая пишет: „Юлька, я в великолепном настроении, прямо дурить хочется без конца и знаешь почему такое настроение. У нас сегодня в Москве была забастовка, останавливали трамвай, были плакаты „долой войну". Многих ловили, пересажали в тюрьму, а потом нагнали казаков и они шашками живо разогнали толпу. Градоначальник приезжал. На площади говорили речи, на Тверской даже стрельба была".

. . . . . .

Подлинный подписал полковник Прогнаевский.

---

[1]) Цензор пытается найти виновников начинающейся революции в немецких кознях.

ПИСЬМА ПРЕДФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

№ 1.

Заказное.

Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Второму в г. Могилеве—в ставке—очень нужное, передать скорее.

Самодержавцу, кровопийце народному, царю хулигану, извергу народному, царишке Николаю II-му . . . мать и жену с твоими дочерьми . . . мерзавец ты Николушка паршивый царишка. Знай паршивый ты отверг мир, предложенный Великим победителем мира Вильгельмом Священным . . . . И знай хулиган царишка Николушка, что гибель будет тебе кровопийце виновнику всемирного пожара—войны, губителя (ю) народов, смерть и уничтожение твоему семейству и всем твоим союзникам: и кровавой англичанке бляди и говняку французу и итальянцу музыканту и всем другим твоим бродягам трусам союзникам . . . . . Твое Государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам с твоим иродовым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же страдающим народом. Смерть и гибель тебе царишка Николай второй . . . . Долой тебя царишка, смерть тебе в твоей ставке в г. Могилеве. Вышлю молодцов бомбистов которые взорвут тебя собаку на славу и установление всемирного мира. Гибель тебе Николай второй.

Почтовый штемпель: Самара—17—12—16.

№ 2.

Старые идут на войну, а молодые пьют брагу, так вот и правда, что говорят старые солдаты, что у нас Государь в темных очках, не видит молодую браковку, а нам тоже нет расчетов одним воевать. Плохо жить на белом свете белому Царю-батюшке тому, как Гане слепому, так и ему потому, что надел ему германец черные очки и вставляет ходу в лопнуты шары его, мы тоже все запасные люди скажем, что вору по делу заслуги молодца жалуют. Зато ему плохо потому, что он не бери по выбору и не бракуй хороших да не собирай старых да не делай браковки таких молодцов, а соби-

рал бы бракованных и переосвидетельствовал, чем собирать 2-го разряда, делать больше сирот, а если только не переосвидетельствуют браковку, то посмотрите что мы будем воевать, пойдем на нашего Государя и будем делать бунт за его слепоту, потому что не собирай 2-й разряд стариков.

(К письму приложен был, как видно, портрет Николая II-го с вырезанными глазами).

№ 3.

СВЯЩЕННИКУ Н. ХОХЛОВУ.

Уфа. Редактору журнала „Сеятель".

Возвращаем Вам журнал. Довольно. Лучше бы Вы пожаловали сюда на фронт да не в роли какого нибудь уполномоченного или утешителя одураченных темных масс, отдающих свои жизни или остающихся калеками за родину, которая ничего им не дает, а только оголяет до нага да за разных помещиков, графов, баронов, князей и прочих пиявок, а пожалуйте сюда в роли рядового солдата. . . . . Мы уж как нибудь по окончании войны доберемся до Вас и до подобных Вам кровопивцев и мы пропишем ижицу, будете Вы танцовать под нашу дудку, мы укажем место земным апостолам и всем творящим „добро" и высасывающим нашу кровь.

Ваши военные доброжелатели.

№ 4.

ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ КУЗЬМИНОЙ.

Поселок Ранний.

Вчера у нас выбирали из каждой роты по одному Георгиевскому Кавалеру, которым было предоставлено высказать каждому свое мнение что он желал бы в будущем. Требования которых или иначе говоря желания я и опишу Вам. Многие заявили что они желают чтобы вся земля была отобрана у немцев проживающих в России, а также и у всех помещиков, раздать которую не имеющим и чтобы учение детям было общедоступное и бесплатное, 3-е заявление чтобы пенсия была увеличена воинам потерявшим трудоспособность на войне до полного обеспечения к существованию, 4-е заявление чтоб пенсии получаемые за георгиевские кресты выдавались за каждый крест, т. е. 4-я степ. не погашалась 3-ей степ., а 3-я степ. 2-й и 2-я—1-й, а так чтобы оплатилась за 4-ю—3 руб., за 3-ю—5 р., за 2-ю—8 р. и за 1-ю—10 р. итого за полный бант—

312 руб. в год, большинство заявляли о земле и доступном бесплатном обучении детей. О бесплатном учении представлялось заявлять лишь детям георгиевских кавалеров. Запрос этого мнения был из думы, мнение каждого кавалера заносилось в список который ушлется в Государственную думу.

Гавриил Кузьмин.
175 пехотный Бутыринский полк.

№ 5.

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ТРЕСНИНУ.

Самара.

Спрашивается за что же воюешь За буржуазию, за спекулянтов за всю эту сволочь, которые едут на спинах наших отцов, наших братьев и дерут последнюю шкуру. Да на черта все это спрашивается. Спрашивается где же будет лучше жить—под игом Германии или под игом кулака нашего сволоча и мерзавца спекулянта . . . Да я бы эту сволочь доканал, ее не сажать, не штрафовать, а казнить на площадях, по частям, чтобы чувствовали, как из-за этой сволочи из-за этого мерзавца мучаются бедные серые герои-солдаты. Да, еще много, много зла у нас в России и глубоко это зло пустило корни свои. Война эта уж не так страшна и трудна как ее описывают. Что такое австриец и германец, да простая машина, которую легко можно тем же путем остановить, каким ее пустили в ход, да еще и сломать, а сломили бы мы ее давно еще в 14 году, но прежде чем ее ломать надо было истребить всю эту сволочь, всех этих мерзавцев, потому что Россия и до настоящего времени полна этими „червяками", которые и до сих пор в ней кишат. Нет прежде чем думать о победе надо истребить всех этих „червяков" всю эту сволочь мешающую нашей победе, а уж потом „думать" о победе, а так все едино ни черта не получится. Потому что, что ни день то солдаты все недовольнее всем происходящим. Недовольство начинает даже высказываться в анонимных письмах, а раз уж это „брожение" дошло до армии до „фили" солдата, то дела не из приятных. А кто виноват в этом. Все эта же сволочь, все эти мерзавцы спекулянты. Эх да что тут, если все описать, то у меня и бумаги не хватить. А написать кое-что есть. После того, что я знаю, что творится у нас в России у меня как у русского одно

желание пусть убьют, чтобы не слышать и не видеть всего этого, а если ранят, то держись вся эта сволочь на каждом шагу буду стрелять без пощады. Такую сволочь не жалко, а отвечать не за что, убьют так значит и нужно ведь немца убиваешь и не наказывают, так за что же тут будут наказывать, если спекулянт этот мерзавец равен и подобен, даже еще хуже немца. Немец если и „гадит“ нам, то он для блага родины, а эта сволочь для какого блага, для блага своего кармана своей шкуры. Такой твари нет пощады. Жаль что мне не придется из этой сволочи сделать мишень для стрельбы, чтобы для развлечения попыхивать.

Толя.

15 Литовский полк.

№ 6.

БОРИСУ ЯКОВЛЕВИЧУ РЫТОВУ.

Алатырь.

Уважаемый Борис Яковлевич, давно уж не писал и я Вам, все как то душно кругом, давит окружающая атмосфера и жить становится все страшнее и страшнее. Что то творится кругом, отравляется здесь, хотя и изолируют нас от них от тревожных и жутких слухов, но они проникают и сеют многое, многое. Правда не знаю но все страшнее и страшнее день за днем, все кажется хуже и хуже. А тут в газетах начали мелькать воззвания к рабочим или еще хуже подвиги полицейских—нет как то не совместимо и не отрадно. Что то глухо всколыхнулось не только там, а кажется и здесь. Кажется не хватит терпения до конца, тем более для народа не сделано ничего и не делается ничего лучшего. Ничем не обеспечивается его будущая жизнь, в перспективе все тоже что и было. Да как же это так, что безнаказанно и в каких целях уничтожаются богатства и люди России и кто же и откуда они и кем снова будут восстановляться. Изнемогаем в войне, а за что знает ли народ. Говорят, чтобы разбить Германский милитаризм и засилие, но ведь здесь кажется вскочишь из огня, да в полымя, а чтобы уничтожить Германию—нет мы малы, неспособны к этому, тем более, что не можем быть хозяевами. Страшно думать, о том, что затрачивается на эту безумную бойню, а между тем, добрая половина этого расхищается. Нет пора кончить. Пишите.

Ваш Петр.

2 ноября 1916 г.

№ 7.

НЕЗНАХИНОЙ.

Пермь.

Что это такое, будет ли конец войны или бы конец света . . . долго будут еще нас тиранить поверь не выносимо, кормят, как свиней, всеми отбросами, можно сказать только что мы не ели за нонешнее лето один Бог знает . . . мы терпели и ожидали осень, опять нет мира, да докуда мы будем томиться полуголодными. Скоро ли встанут наши отцы и не будут давать своих детей под убой напрасно, это не война за родину, а истребление . . . Мы идем, как тигры, а нас давно уж поджидают и истребляют, как насекомую тварь, а начальству нашему за это дают награду. Пущай и дурь наша просветлеет тогда, когда мы будем бить во всю и повсюду и не избегнет тот, кто нас сейчас в три погибели гнет и к окончательному раззорению, мы тогда будем действительно сражаться за право и свободу. Всем им будет конец.

Ноябрь 1916 г.

Подписи нет.

№ 8.

И. ПЕТРУХИНУ.

Здесь весело только тем кровопийцам, которые как пауки высасывают у нас кровь—генералам, да толстопузым купцам, они на нас и смотрят, как на скотину, только доблестные студенты, еслибы ни они, нам наверно было бы плохо. Эти несчастные офицеришки и генералишки, только и придираются-то честь не отдаешь, то не так идешь, но видно нужно терпеть до конца, придет время и на нашей улице будет праздник, только бы замирилась война да остаться живому.

Ноябрь 1916 г.

Подписи нет.

№ 9.

А. НИКОЛАЕВУ.

Алатырь.

Война надоела очень даже всем и каждому солдату потому что она без пользы для нас всех крестьян, хотя мы и выиграем—все гни спину за налоги и не выиграем, больше гнись мужичек. Как ни кинь все одно и тоже, а лучше вались к чорту вся эта музыка и танцы, ложись спать, так и это—все мы все льем кровь, а за что и за кого, мы не знаем. Германец тот каждый солдат знает за что он идет. Хотя сказали бы нам одно слово правильно и то хорошо, а то врут обманывают солдата.

Ноябрь 1916 г.

Павел Николаев.

№ 10.

АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВНЕ ОРЛОВОЙ.

Дер. Чауш.

Из твоих писем я узнал, что посылки не принимают. Вероятно это через забастовки. Хорошенько бы забастовали скорее бы мир был, а то в газетах пишут, что Московское купечество не желает мира. Им хорошо не желать мира, они там в театр ходят: представляют им всякую чепуху, а они смеются. Выходит, что мы воюем для Николая Александровича и для Николая Николаевича, которому хочется быть королем Польши. Мы брали Австрию и добрались, что войско положили и пришлось все бросить бежать оттуда. Всю Галицию забрали, сколько крепостей взяли, а потом пришлось бежать без оглядки. Забрались на Карпаты, там нам и задали трезвон. Налетели цепелины и аэропланы, давай огненным огнем сыпать, а снизу из орудий. Наша Россия всегда будет побеждена, потому что у других держав много готовых орудий, а у нас только господа офицеры умеют гулять. Нас только и учат честь отдавать. У Германцев не так: у них у каждого есть план и они знают, куда идут. Они не лезут так на штыки, как мы. Штыки довели нас до ничего. Войско все положили, теперь гонят молодых, которые ничего не знают.

Иван Орлов.
185 пех. Башкирский полк.

№ 11.

И. И. СИНИЦЫНУ.

Самара.

Мерзнем, мокнем и посылаем проклятия тем Иродам, кто начал эту бойню и не дождемся, когда это все кончится и когда закончатся бурлить потоки человеческой крови, мы тоже читаем газеты, но уже не стали читать разные наступления генерала Брусилова и Французское наступление, но читаем наступления буржуазии, как оне наступают на наших голодных жен и отцов, сдирают последнюю шкуру, мол новая обростет.

Федор Синицын.
110 пех. Камский полк.

7 Ноября 1916 г.

№ 12.

СТЕПАНУ ИВАНОВИЧУ МЫСЕННОВУ.

Ст. Лады.

Страдаем ни за что, за графов, да за панов, где ни пойди, чьи леса—все панов, сколько мы его порубили, тут же деньги большие

тысячи казна выплачивает. Тем война в пользу, а у мужиков, которые поразбегались, ломают избы и дворы, это ни за что пропадает, вот обидная война для крестьян.

Подписи нет.

№ 13.

МИХАИЛУ ФЕДОТОВИЧУ КОНАНЫХИНУ.
Балашов.

Их бы каждого взял в ряды войск, разных министров, которые обдумывают, чтобы вести войну и посадить бы их на секрет и одеть бы так, как мы сейчас одеты, что шинель рваная, а гимнастерок нет, он тогда бы и узнал вести войну или нет . . . Эта война одно захотели перевести народ, больше ничего. Запродали, а сейчас хотят обратно взять, нашего брата класть. Немец кричит— пан, вы на нашей земле, у нас куплено по Двину уходите.

Данил Максимович.

13 Декабря 1916 г.

№ 14.

МАРФЕ ПЕТРОВНЕ НЕНАХОВОЙ.
С. Расказань.

Никогда не забуду я мошенников, которые нашего бычка возьмут у нас, они хотят последнюю рубашку стянуть с Вас, они так делают: кто здесь страдает, того и там раззоряют, а кто дома или работники есть, того наверно не трогают . . . Марфуня я еще прошу тебя пожалуйста не давай, колом их со двора гони.

Подписи нет.

№ 15.

ПРАСКОВЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КОНДРАТЬЕВОЙ.
Казань.

Мужья родину защищают, а купцы видят, что в России им никто не страшен с бедняков шкуру дерут и начальство ничего не говорит, а если говорит, то все равно на ветер, а делать ничего не делают, деньга в соблазн купцовская и их берет. Хоть бы живым остаться—охота поглядеть, чем эти издевательства кончатся. А с купцами то расправимся. Мы бы живо им показали, где раки зимуют, а то будто не враги, а в России хуже врагов немцев или австрийцев.

М. Кондратьев.

Декабрь 1916 г.

№ 16.

НИКОЛАЮ ВИНТОРОВИЧУ РЯБОВУ.

С. Кальгино.

Ведь как насытило всех этой войной проклятой, все ее проклинают и не могут дождаться конца, да ведь и хорошего мало в этой войне, хотя бы и был перевес на нашей стороне, но все равно, для нас легче не будет. Хорошо тем кто имеет капитал, они нагребут в карманы, а нас бедных наоборот совсем раззорят до основания, да и начальству нашему живется недурно, получают они двойное жалованье, а наши солдатики, за что страдают, они ведь получают по 75 коп. в месяц жалованья, это ведь не дурно.

Г. Зиновьев.

Лазарет 27 пех. дивизии.

№ 17.

АННЕ КИРЮШКИНОЙ.

д. Сойтино.

Наша жизнь тоже не очень завидная, висит на тоненькой нитке, так что ежеминутно на готове к будущей жизни или сказать позорной смерти, не досадно было бы умереть за родину если были ублаготворены со стороны Правительства. Много, много пролили крови и положили жизнь свою за родину, за царя; шли все охотой все вперед не жалея свою молодую жизнь и оставляя за собой матерей, жен и малолетних детей, покидая их, а теперь, что слышно нам от солдаток и старых матерей и отцов —распродали последних коров по ничтожной цене по недостатку кормового припаса, а также страдают с голоду, а правительство несмотря на слезы бедных солдаток и детей накладывают на разные товары налогу больше и больше и затем не дает льготы на разные платежи или за податей выносят последний самовар, кому война, а кому большая нажива.

26 Декабря 1916 г. Подписи нет.

№ 18.

Ведь не будут же в тылу есть чечевицу, фасоль, гнилую рыбу и треску; это только можно кормить армию защитников родины и водить их разутыми. Когда же конец этой бойни и людскому обману, который теперь вырисовывается во всю свою величину. Да здесь живут, но это не жизнь, а кошмар от которого раньше времени сойдешь в могилу. А главное кошмар, который трудно прогнать.

Я кажется писал, что война эта на иоту не принесет пользы тем, которые гниют в окопах и еще меньше нужно надеяться на победу. Можно с уверенностью сказать, что если бы еще 10 лет провоевали, то потерянного не вернуть и если не вложить меча в ножны сейчас же, потом его трудно вложить, ибо он заржавеет. Все кто кричит о продолжении войны пусть бы сами поехали хоть на неделю сюда и сказали-ли они потом о продолжении. Ну довольно будьте здоровы всех целую и поздравляю с Рождеством. Из нового места напишу, если . . . Целую.

Ваш Никифор.

Декабрь 1916 г.

№ 19.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ТУКМАЧЕВУ.

Дер. Балваны.

Успехов в войне никаких не видно, кроме непросветных глупостей, чем это дело впоследствии выяснится, не знаю, война приняла затяжной характер для всех держав, конца этому садому и гамору кажется не будет до тех пор пока не прибьют весь народ, который способен носить оружие. Эх дружище Коля обидно честное слово обидно такую кару переносить невинным людям. Для чего же эта война скажите пожалуйста и вся роль войны заключается в том, что якобы истребить весь род мужского пола, чтобы мол не чавкали, что Вам нужно земли и свободной жизни. За 1914 г. и 1915 г. наделили некоторых стариков землей в 2 аршина глубины, а в ширину несколько аршин, потому что в этой яме накидано несколько солдат, вот им тут и земля помещицкая и свободная жизнь на веки и помните Коля это все проделывается на помещицкой земле, как в нашей Польше так само и за границей. Все бои продолжаются в Галиции на помещицкой земле, вся кровь крестьянская пролилась ручьем.

Фома Илларионович Егошин.

9 Армейский корпус.

№ 20.

БАБКИНУ.

Пермь.

Судя по содержанию письма если и предыдущие были в этом духе изложены, то становится понятным причина их пропажи. Режим, боязнь, чтобы мы не узнали о царящих на Руси вакханалиях на почве наживы, заставляют их уничтожать документы, чтобы голос, вопль не проник с родины в армию. Мы отгорожены Китай-

ской стеной от действительности российской, только питаемся слухами, которым я мало верил, столько невероятного, почти сказочного совершается там у Вас и рождается вопрос: да за что мы страдаем, за кого, где те свыше. Да и подумав приходишь к выводу, умираем проливаем кровь, чтобы дать жизнь акулам из мира чиновного и коммерческого. Хамства на св. Руси разливное море. Ведь с сим были бы похоронены Ваши желания идеи носимыя об этом с юных лет вами . . . Но это осуществлено быть не могло вследствие разнородных стремлений и характеров наймитов не понимающих Вас и пришлось идею похоронить.

Декабрь 1916 г. Василий П.

№ 21.

А. Г. АЛЕХИНУ.
Балашов.

Война всем наносит неисчислимые убытки, только одни буржуи карманы толстые набивают, а бедным очень трудно. Они черти только и желают войны еще года на 2. В окопы его каждого посадить, тогда бы он другим голосом запел. Эта тварь любит эксплоатировать чужой труд рабочего класса. Им для наживы нет ничего лучше как война. Сюда их мало попало, все большей частью освобождены да и в тылу армии. Придет время и на нашей улице будет праздник.

Зубров.

329 пех. Бузулукский полк.

№ 22.

ГЕННАДИЮ МУРАТОВСКОМУ ДЛЯ П. А. Н.
Самара.

Наши и союзные с нами Правительства в лице их представителей спешать открыть истинную причину этого выступления [1]). В их поспешности, громких фразах, торжественных обещаниях продолжать войну до конца сквозит страх за народное чувство. Они боятся как бы истосковавшийся по правильной жизни народ не встретил известие о мире взрывом удовольствия. Поэтому они там и спешат смещать все в кучу. Но как бы там ни было дело началось хотя и во вражеском лагере. Будем ждать продолжения. Может быть благоразумие подскажет нашим заправилам, что продолжать войну при условиях, в которых сейчас находимся мы рисковано. Сам догадывайся.

Сын Андрей.

31 Декабря 1916 г. Химическая команда.

[1]) Речь идет о мирных предложениях со стороны Германии.

№ 23.

НИНЕ ДМИТРИЕВНЕ ЗЕТАЕВОЙ.

Хоть бы скорее кончилась война. И чорт знает, мир не хотят заключать, а о том, не думают, что сколько страдает народу от этой бесполезной войны. Что они отняли у некоторых все и думают, что удовлетворили всех своей кашей и щами, да кроме всего этого забрали куда то самолюбие каждого и лишили возможности сказать свое я. Да что же я за гражданин Руси, когда не могу самостоятельно за свою шкуру сказать слово. Ну ничего, скоро, скоро придет день расплаты. И они будут знать раз взяли роль ответственную, то умей ей руководить и не забывай про тех сограждан, которые лишились своего благодаря ихнему капризу.

Александр Григорьев.
73 марш. эскадрон 5-го гусарского
Александрийского ее величества полка.

Январь 1917 г.

№ 24.

Много теперь готовят солдат к весне и лету, чтобы сделать новое наступление. Не могу равнодушно слушать о войне. Вот кончится она и тогда узнаешь за что воюем и за что такую массу глупых жизней положили. Кричали, что мы отбиваемся от немца и с немцем воюем, а их полно у власти, они нами управляют. Кое-когда пролетают какие нибудь слухи к нам и некоторые довольно приятные. Слышно было, что Распутина убили, а также Фредерикса, будто-бы скоро должен быть мир, а его нет. „Обязуемся воевать до последнего солдата". А хорошо это говорить, но не быть в окопах, не голодать и не ходить в холоде босыми и раздетыми. Слышишь как заботятся о наших семьях, как вооружают полицию, чтобы они не просили хлеба. Что то тут солдаты поговаривают.

Подписи нет.

2 Января 1917 г.

№ 25.

ФОМЕ ЕФИМОВИЧУ ШМОРОВУ.

Дер. Елань.

Из письма Вашего видно мне вы силою власти лишились 2 сыновей и как видно 1 находится в плену, а другой Божией милостью находится на позиции. Господи Боже мой, сколько молодой жизни

томится в чужой окраине в окопах молодых и голодных и сколько безвинной крови пролили за 2½ года и за что все это кровопролитие льется. Если бы наши наставники шли по стопам Христа этого кровопролития не должно быть. Господь сказал: „Возлюби ближнего своего как самого себя". А у нас в церкви наставники проклинают врага, а кого. И кто наш враг. Вот как мы запуганы священническим законом. Здесь нас как маленьких ребят потешают то перчатки на взвод пожертвуют, то конвертик, коробочку спичек как глупеньким, а в деревне при помощи полиции все хозяйство отбирают. Господи Боже мой ведь как надоело и обидно, ведь третью войну приходится служить, а за что, за родину. Верно за то где я родился вот какое отечество. И сколько нас таких зимогоров. Несчастный крестьянин, он всех дармоедов кормит и его несчастного бьют. Вот наша правда.

Иван Косарев.

№ 26.

МАТВЕЮ ПАНИНУ.
Пенза.

Зачем Вы допустили властвовать над собой богачам, что они с Вас по три шкуры дерут, и дойдет до того, что на них работать не поспеешь, и все сами себя с'едите. Вся тяжесть легла на бедное население; жаль мучеников. Мало, что здесь кровь проливают за них буржуев, а они и там шкуру дерут; это им даром не пройдет: отольются им слезы бедного люда. Знаешь Матвей Васильевич, у солдат все из рук валится и пропадает вся энергия к службе, досадно становится. Разве мы для этого сюда шли, чтобы наши гнезда дома разоряли. Нет, этого никто не предполагал: шли с верой на защиту отечества от врага внешнего и забыли про врага внутреннего, но он далеко не уйдет, а останется на своем месте. Забыли они, вероятно, 1905 г. Мало их жарили на костре и опять хотят этого. Дошкурят они бедный народ и вызовут его на себя, и горе им будет. Зачем так делать, что у нас в России не хватает. Слава Богу всего достаточно. Нет, дают врагу нашему радоваться своими выходками и мучают бедный народ, но долго это продолжаться не будет, подавятся человечьей кровью, и огонь смоет грехи их. Да, Матвей Васильевич, друг мой, пришло время, и жизнь стала туга, и нет никого кто бы помог нам в жизни нашей, в грязь затоптать много найдется и обобрать тоже, но помочь бедняку нет никого. Но нет, мы духом не падаем, и дело свое сделаем здесь и там.

Известный Вам И. Ф.

№ 27.

Теперь в военное время с ними чикаться не надо: раз, два и в дамки. Если бы пришлось возвратиться мне в Россию то я пожалуй не одному—как у нас называют внутреннему врагу-голову скрутил, а то разве им война..... Они только хлеб и всякие продукты портят и занимают места калек и потерявших здоровье за два года войны. Им время давно побывать на кровавом поле. Тогда бы они узнали, как жить на свете и обращаться с людьми хотя и ниже их стоящими по образованию. Доведись мне только вернуться, я с этой воздушной интеллигенцией поздороваюсь.

Сидоров.

Январь 1917 г.

№ 28.

АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ПЛОТНИКОВУ.

Уфа.

Насчет Думы печальное положение, но „терпите" сказал Христос Будет день будет и пища. Про людей решающих судьбу России, у нас мало надо обращать внимания на такую сволочь. Они продали Россию своим союзникам. Их всех как германцев расстреливать надо. Они увидели, что клочек России остался и бьемся до последней капли крови, так нет им нужно остатки отдать германцу. Крошить такую сволочь, а не истинно русские люди. Как кончу войну и сейчас берусь громить до одного, этих зверей надо искоренить, пусть русская земля не носит паразитов. Это сволочь, а не люди. У нас найдутся лучшие чем германская собачья кровь.

Александр.

3-я батарея Сиб. бригады.

№ 29.

Мы в несчастных Карпатах, не желаю Вам сюда попасть мы бы желали, чтобы Вы там нам помогли, выручали бы нас из этого ада. Кормят нас плохо и все мошенство и мошенство, все обещают нам золотые венцы, а кто обещает, ни одного здесь нет, а много дурачки верят этой брехне. Если будут верить этой брехне, то еще долго продлится народное истребление. Я бы не желал Вам сюда итти: тут ничего не поможите, только голову положите. Постарайтесь там пересилить наших шкуроедов.

Подписи нет.

Январь 1917 г.

№ 30.

МИТРИЮ ПРОКОПИЕВИЧУ БОРИСОВУ.

Казань.

А сам с детьми живи, как знаешь, а в газетах пишут чтобы не удерживать из этих денег (пособий) ни копейки, а местные власти, что хотят то и делают. Например какой черт держат полицию, кого они охраняют. Стариков да малых ребят, да солдатских жен, гнали бы их всех сюда, а на их место нашлись бы раненые солдаты, а то другой раз 3-4 ранен и опять в окопах а они получают 40 р. в мес. и караулят своих жен растреп. Хотят забрать всех мальчишек, а стражников, черт бы их забрал, и не думают брать. Около 2-х миллионов самого первого войска и оно дурака валяет, а людей очень много больных и стариков по 43 года. Если их не возьмут, то после войны своими руками будем душить полицию, а скорее всего забастуем и не пойдем на позицию, пока не пришлют на фронт полицейских, а их места заступят раненые.

М. П. Борисов.

Январь 1917 г.

№ 31.

Д. МИХАИЛОВИЧУ ГАВРИЛОВУ.

Дер. Хоприн.

Я не понимаю для чего это все мобилизуют народ, наступления нет, и тыловой армии много. Только и дело, направо да налево; это что то не так, вот чего либо будет вспомни мои слова или же бунт, или войны конец. Ни так что то урядники да стражники и городовые занимаются пулеметами день и ночь, что то чувствуют.

Подписи нет.

№ 32.

ПЕТРУ УЛЬЯНОВИЧУ ШАМИНУ.

С. М.-Шатневка.

Кругом несправедливость стражников и помещиков обучают к пулеметам в городах и мы находимся между гор. и позицией в кольце.

Подписи нет.

Штемпель „Полевая почтовая контора № 5“.

№ 33.

АЛЕКСАНДРУ АНТОНОВУ.

Уфа. 144 зап. пех. полк 13 рота 4 взв.

Я очень беспокоюсь об Вас в том, что Вы пишите, что у Вас свирепствует зараза, какая это болезнь. Про свое здоровье я тоже могу Вам сообщить, что я здоров и живется пока хорошо. Затем Вы пишите что у Вас будет бунт, у нас тоже что то наверное будет, так как у нас в каждую роту подброшены прокламации. Много чего писано и просят, чтобы не стреляли. Из нас никто не жалеет, что забрано германцами, а только каждый желает мира, нам бесполезно, хотя бы и взяли у неприятеля что либо, все равно будет все казенное у помещиков.

Подписи нет.

№ 34.

НАДЕЖДЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ПИХТОНОВОЙ.

Пенза.

Война, война замучила весь народ и тех, кто на войне и тех, кто дома, неужели все это скоро не кончится, когда это стадо баранов очнется и не пойдет добровольно на войну за графские земли и леса, ведь у нас ничего нет, и после войны не дадут, а домашность вся разорится. Надоело и надоело, хуже ничего не может быть.

Подписи нет.

№ 35.

С. С. ХОЛКИНУ.

Камаровка.

Пишите какие разговоры идут дома относительно войны, нет ли бунтов, если есть, то нужно их усиливать, тогда только война кончится. Эта война не для того, чтобы забрать у неприятеля клочек земли, а для того, чтобы уничтожить весь народ и вот после этой войны будут описывать все, а разговор в войсках идет нехороший. Неизвестно что будет дальше продолжаться, то получится большое волнение в войсках, потому что нет никакого терпения.

В. С. Холкин.

Февраль 1917 г.

№ 36.

О мире ничего не слыхать, вот уже 3-й год пошел вобче но миру наверно и не будет, а только может быть мир тогда ежели сами солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки. Тогда будет только мир, а так не дождешься ежели не забастуют, а здесь слыхать поговаривают про это но не знаю что будет дальше, а вы пропишите что у вас слышно в газетах нового и про мир.

Кузнецов.

Февраль 1917 г.

№ 37.

КСЕНИИ ГРИГОРЬЕВНЕ ЕМЕЛИНОЙ.

Казань.

Сколько неправды на сей Руси. Ужасно, писать нельзя, даже секретки проходят цензуру. Был бы я холост (?) уничтожил бы эту чертову Г. . . . . Думу. Это лучший бардак Руси святой и довольно богатая Русь все проиграла. Скорее бы мирились, чем дальше в лес, тем больше дров, если они будут . . . . . Здесь стали часто забастовки против войны. Скоро приходим к вам совсем, скоро будет мир. Солдаты все стали никуда, дай нам мир, никуда не идут. Дают солдатам вина зеленого, ничем не уговорят, ничего не хотят, а одно дай мир нам. Солдаты мир сделают сами, уж много корпусов отказалось от наступления . . . . Но будет еще война внутри России.

Броневая автомоб. рота Команда 49.

14 февраля 1917 г.

№ 38.

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ АГАФОНОВУ.

Дер. Каменевка.

Сейчас на позиции зима хотя не очень холодная, но очень трудно и на что только мать родила простудил ноги и руки сейчас ломит и пухнут что делать и за болезнь не считают. Когда это кончится не дождешься. Наверно придется самим кончить, так и будет, обожди они доведут до этой точки. Все войска жаждут мира если за эту зиму не будет то летом пускай сама буржуазия воюют, а нашему брату надоело, мало того ничего нехватка, босы, хлеба нету, варют воду, больше ничего, холод, вши едят, начальство сердито,

есть не проси а занятия каждый день и в окопах так мучают не дай Бог. Пока офицер не спит и то с палкой проходи, а то укусит, честь не отдал сейчас под ранец и морду набьют. На позиции они лезут на две сажени в землю так что ево немец не найдет и снарядом.

Егор.

Февраль 1917 г. Полевой запасн. госпит.

№ 39.

ЗАХАРОВУ.

Лысвенский завод.

А сколько подлостей сколько измены, прямо не хочется верить рассказам от которых кровь в жилах стынет, а между тем это голые факты, ведь это просто не война, а систематическое избиение солдат. Да еще мечтают о победе . . . а для чего же отправили пулеметы по волостям, вероятно что нибудь предчувствуют. В Харькове забастовали студенты и устроили демонстрацию, требуя чтобы полицию тоже брали на службу, их усмирили залпами . . . но забастовки не прекратились и во многих городах бастуют все заводы и фабрики. Начинаются забастовки и на позициях, многие полки даже дивизии отказываются итти в атаку. Давно пора. Иначе ничего не выйдет.

Н. Захаров.
Госпиталь № 15.

№ 40.

СВЕТЛАКОВОЙ.

Пермь.

Накануне нашего перевода в германские окопы против наших были выставлены плакаты „прощай 7 корпус тебя достойно встретят в Румынии". Обидное для нас предупреждение и горькое, как факт . . . у нас части знают гораздо меньше о себе, своей участи и судьбе чем наши враги. Больно больше становится за тыл, за все непорядки, которые происходят за плечами армии . . . смело поднимает клоака темных сил голову ведет страну к событиям 1905 г. Во главе правительства стоит тот же Трепов, слова которого „патронов не жалеть холостых залпов не давать" еще не забыты . . . Устроитель всяких погромов Курлов, как и в 1905 г.

снова взял в свои руки полицию . . . Правительство мобилизовало полицию назначило опытных в погромах руководителей и стоит ощетинившись против голодной измучившейся массы переутомленных рабочих, бабской деревни с оравой больных оборванных детишек . . . мы должны быть готовыми к борьбе на два фронта.

Светлаков.

7-й Мортирный арт. парк дивизиона.

№ 41.

ПЕТРУ ИЛЬИЧУ КОЧЕРГАНОВУ.

Пенза Штаб 137 п. зап. полка.

Сам я несколько раз уже думал обо всем этом напрасно, только крови себе портим больше ничего. Мы сами тоже бы не сознавали этого, что над нами делают, если бы находились на ступенях высших. И теперь и до сих пор и после нас еще много найдется людей, которые будут отдавать себя в такое рабство, в каком мы теперь находимся. Ведь правда еще и мы не можем представить себе, как мы будем жить без администрации и правительства. А без уничтожения сих указанных не может быть, чтобы мы вышли на полную свободу. Если бы не было повинностей, если бы человек дошел до того, чтобы мог сам без всяких властей жить, тогда бы не было этих ужасов, что теперь мы видим. Пустить теперь всех людей на произвол судьбы и то бы в продолжении тысячилетий не могло бы совершится то, что теперь совершается в один год войны. Ты не считай только то, что творится на позиции, считай и то, сколько теперь погибших людей, совершенных краж, нахальства и насильства, сколько уничтожено плода, испорчено нравов, распространено болезней, ограблено, сколько калек, проституции, и все это благодаря войне. Разве можно сосчитать всего того, что творится во время войны. Бедное население, выжитое из территории войны, ютящиеся вблизи расположения войск. Это чисто мученики, а не страдальцы. Да, друг, этого, говорю вторично за тысячу лет не было бы, если бы были без администрации. Народ пришел бы в состояние высшего самосознания. Он стал человеком в буквальном смысле слова. А правительство всех государств делают человека диким, как ласковая собака, на цепи делается злой. Не увидим мы этих светлых дней, когда не будут спрашивать паспорта. Довольно и об этом думал, мысли только расстраиваются, а потому бросаю.

М. Д.

№ 42.

ВЛАДИМИРУ МИХАЙЛОВИЧУ ВИНОГРАДОВУ.

Казань.

Ну как читаете ли про Думу Государств. Разговоры умные, но суждено ли эти разговоры оправдать цель своего смысла. Теперь интерес к событиям военных действий пропал и вопрос тыла встал на первый план. Как много оказывается нужно реформировать в России, чтобы хотя мало мало наладить государственную ладью, чтобы она могла держаться на уровне войны, а правые так тормозят всему делу. Устраивают ли у Вас общественные лавки. Как сократилась или нет посевная площадь полей. Кто теперь участвует на сходах.—Наверное есть женщины, как они высказываются ведь теперь подходит такое время, что женщина всемирно должна выдвинуться и взять надлежащую позицию. Да все таки и то сделано в школьном деле много деревня увидит, что свет начинает проникать и счастлив тот будет народ, который прозреет и взглянет на всю неправоту и продиктует свои требования. Да война, война много ты жизней взяла, что нам дадут взамен их думаю что хорошего мало.

Виктор Антипин.

№ 43.

ПАНОМАРЕВОЙ ДЛЯ РАИЧКИ.

Казань.

У нас начинаются шевелится как „красные" так и „черные". Третьяго дня удостоили своим посещением 4 мирных жителей, в том числе к местному библиотекарю, к их великому удивлению они ничего не нашли, хотя по нюху чуют, что „красные" тоже не спят.

М. К.

№ 44.

ГЕННАДИЮ МИХАЙЛОВИЧУ МУРАТОВСКОМУ.

Самара.

В Думе, если читаешь ты газеты то должно быть тебе известно, левые против войны, настойчиво проводят идею скорого заключения мира. Даже речи этих депутатов не прошли в цензуре и не напе-

чатаны. А эти люди больше всех внушают доверие и им приходится верить. Какой будет конец войны предположить неудобно, но я думаю не в нашу пользу.

Подписи нет.

№ 45.

ЯКОВУ МАКАРОВИЧУ ВЕСЕЛОВУ.

Казань.

Вот дорогой мой тятенька. Видите какая правда. Вы днем и ночью работаете с малых ваших лет, а тут под старость еще является сукин сын да и тот же мошенник Баженов народный представитель в государственной Думе. Разве он скажет слово в пользу народа и на пользу темного и грязного черного люда. Он небось из своего жалования одной копейки на войну не утратил, а наоборот ввиду дорговизны прибавки жалования требуется. Да им требуется, а тут последнюю шкуру дерут и говорят молчи, а то вот тебе смерть, а тут полиция за горло, отдай разные повинности. Где правда. Где истинная совесть где справедливость на матушке Руси. Ой горе. И печаль, видно придется пострадать.

К. Я. Веселов.

№ 46.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ АРХИПОВУ.

Златоуст.

Вы пишите, что есть слухи, что будет мир, нет этого и ожидать нечего. Вы пишите, что германец просит мир для него нет и повода чтобы ему просить мир он еще нигде не побежден, он не ослабевает, а наоборот мир может только тогда, когда будет продиктовано условие мира народом и рабочим классом и не правителями этой кровопролитной и братоубийственной войны. Вы знаете, как всем защитникам этой войны. все это опротивело. Никто даже и не желает чтобы добиться почетного мира.

Подписи нет.

Штаб 4 Государств. ополчения.

№ 47.

МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ МОЩЕВИТИНУ.

Сарапуль.

Настроение у солдат могу сказать подавленное, но не от того, что мы не победим, а от того, что нас подло обманули, всю эту

войну выставив как священную войну. Теперь солдат не тот, что был в Японскую войну, под маской покорности рабской кроется страшная злоба на всю эту шваль, именующими себя рыцарями и разными т. п. господами; только зажечь маленькую спичку и вся эта масса загорит и тогда уже трудно будет остановить эту народную массу. Она поглотит все на своем пути и тогда трепещет злодей, толкнувший нас на эту войну. Да противно унижаться и думаешь себе с каким бы наслаждением я пропорол бы тебе брюхо, ну да пускай творят пока все это и слепнут в своем славолюбии, придет народ на этот великий мир и возблагодарит их за все. Еще ты дядя пишешь, что не стало в Думе наших, да 6 чел., жалко жалко. Это их за правду.

Ваш племянник.

№ 48.

Напрасно в России народ уничтожается, убивают напрасно, весь народ волнуется, и все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно. Дума и то ведет все к этому. А разве народ, который всю тяжесть войны несет на своих плечах, народ который раньше был слеп, который раньше усыпляли в беспробудном вьянстве, разве народ этот не прозрел, разве он не видит, что царящая кругом измена проникла в верхние слои правительства, которое дискредитировало свою власть. Ну и правительство едва ли добровольно выпустит власть из своих рук. И власть при этом безграничную.

Подписи нет.

№ 49.

СТАРОМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Редакция газеты „Саратовский вестник".

Уважаемый старый журналист. позвольте поделиться впечатлениями от Вашего фельетона „Тридцать лет спустя". Вы, как видно из фельетона, из „пострадавших". Передовица, тоже судя по стилю Ваша, где Вы так легко бросаете грозное слово—Азефы. Больно. Обидно. Я знаю, вы будите говорить что истинные борцы и в Ваших глазах борцы. Но вот постановка всего вопроса, принижение пробуждения самостоятельной борьбы рабочего класса на степень равенства с лайдаками. Ведь Вы вывели героя, не как исключение, а как общее явление. Я знаю понимаю когда воен. судеб. следов. в Петербурге допрашивая меня говорил, что Ваши руководители по-

лучили 2 миллиона рублей. (После уж я слыхал и 17). Читал я „Карауловское“ знаменитое выражение продажности рабочих руководителей. Неужели можно под то настроение народное, которое все признают грозным подвести фундамент Азефовщины. Неужели Вы глубже не можете посмотреть на тот процесс, который происходит в настоящее время среди народа. Если вы народу приписываете, что в начале войны он инстинктивно не понял „оборону“, то почему же Вы отказываете этому народу, когда он не желает „проливов“, когда он понял, что довольно крови и слез. А если это так, то Вы подойдите к рабочему, крестьянину, солдату не как господин, которого бояться, а просто как человек и тогда Вы поймете, что не только воевать, но что мы находимся на вулкане и признаки его на лицо-это петербурские слухи. У г.г. Милюковых не достает присутствия духа посмотреть открыто и они начинают прятать голову, как страус, под азефовщину. Ведь легко и просто сказать, что 1905 г. создан японцами, а движение 1914 г. и последующее на немецкие, да на протопоповские деньги. Да неужели Вы думаете серьезно, что оружие будут раздавать на заводе Леснер темные личности—азефы. Нет этим не шутят. Вы еще знаете мало рабочих. Вы их видели из вагона. Поэтому и судите так, что раз рабочему дано оружие, то он будет исполнять желание давшего это оружие. Нет, „темные личности“ не такие дураки и знают, что оружие имеет разное применение и скорей пойдет на защиту собственных интересов. Неужели по Вашему мнению вся борьба за мир и вся надежда мира просто напросто—азефовщина. Ведь поймите весь ужас, когда читаешь Ваш фельетон-исповедь и вывод „лайдаки“ ловят неопытных мальчишек, которым больше всего и дороже всего красная гвоздика в петлице. Чувствуется, что и до сих пор Вы кроме гвоздики ничего не видали, слона то и не приметили. Да и трудно его приметить. Ведь Вы шли „героем“ с оттенком майнридовщины, а не несли тяжесть господ Марковых или просвещенных Гучковых. О, тогда бы Вы рассуждали не так поверхностно. У меня закрадывается сомнение уж не мистификация ли со стороны г.г. Милюковых. Ведь смешно же все свели к простому желанию г.г. Милюковых устроить революцию. Неужели Вы думаете среди Петербургских рабочих, да еще на Леснере можно выступать ложному Милюкову. Да никогда. Рабочие такого аратора не стали бы слушать в лучшем случае, а в худшем—тачка. Я думаю, что г.г. Милюковы приняли сплетню за действительность и всю вину взвалили на рабочих обвинив—тот кто не с нами, тот предатель—„темные силы“. Разве это не младенче-

ство, если не хуже. Вы пишите: развертываете газету и видите письмо Милюкова и воззвание генерала об одном и том же и удивляетесь—думаете это истина. Да Вы слыхали-голос обвиняемых. В спину легко нанести удар-благо что все зажито и голосом громко не может в печати раздаться: И ты Брут . . . Меня еще удивляет, почему так чувствуется во всей либеральной печати такой испуг, как только разнеслось: рабочие хотят итти к Государственной Думе . . . . Эх защитники боитесь, что придут подзащитные. Хорошо же Вы их защищаете, что боитесь дать отчет. И вместе пугаете рабочих „патронов не пожалею" за то только что хотят проявить гражданственность. Одно только можно сказать, что в гибели России повинна наша буржуазия и ее предшественники либеральная интеллигенция.

Пора господа сбросить повязку с глаз и открыто посмотреть, то что происходит в народе. Вы я думаю удивитесь моему нескладному письму. К чему оно. Бросите в корзину подумав, что пишет какой то фанатик или Вы напуганы так, что подумаете не лайдак ли и это в другом образе. Ведь у страха глаза велики. Написав письмо я встретил в Рус. Вед. передовицу от 10/II по этому же вопросу. Начало за здравие конец за упокой, но чувствуется, что пишущему передовицу совестно находить „простое лайдацкое об'яснение" и он углубляет. Не бойтесь и Вы г. Старый Журналист, что рабочее движение пойдет за предателями, оно пойдет туда куда требует история-вперед и может быть через Людовика . . . . Тем лучше по моему.

Чтобы Вы не подумали, что Вам пишет ананим, то сообщаю, что я рабочий шахтер взят, как „неспокойный" на службу-это ввиде наказания. Был свидетель в 1913 г. расстрела рабочих шахтеров на Юге в Мае месяце. В заключении скажу, что настроение народа и солдат против войны и за мир и все именно ждут спасение—в землетрясении и если Вы еще не ослеплены Дарданелами, то идите с народом.

Вениамин Ермощенко.
11 рота 138 пех. зап. полк.

10/II 1917 г.

„ВНУТРЕННИЕ“ ПИСЬМА ПРЕДФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

№ 1.

Вы пишите что нас скоро опять возьмут служить Царю и отечеству это конечно очень обидно но что делать вероятно мы все должны до гроба служить и защищаться по уставу Сандецкого: бей руками, рук не стало-ешь зубами. Вот пришло времячко-подумаешь аш сердце кровью обливается. Сейчас я не знаю мне думается что жить можно только на военной службе только на позиции а в баталионе при мирной обстановке живу вот уже 18 дней на острове, жить очень хорошо сегодня доел последнюю корочку хлебца а завтра, что бог даст уже и к этому привыкли наши солдатики. Холод такой прямо страсть, а от воды, так знаешь вдвое холоднее. Трудно делается пойдешь в секрет полежишь 2 часа и целую ночь дрожищь как кобель. Сообщу еще одну штуку здесь есть слух как будто в Петрограде и Москве идет большая катавасия. Этому солдаты все радуются авось скорее мир.

К. Л.

Ноябрь 1916 год.

№ 2.

ЛЕОНИДУ ШАЛАВИНУ.

Казань.

Вчера студенты соц. демократы распространяли прокламации революции. Думаю, что это еще рановато покуда, хотя всецело я на их стороне. Правительство творило и творить продолжает такие вещи, которые ему ни за что мы народ не должен простить или спустить даром. Здесь всеобщее недовольство им открыто высказывается. Это на заводе идут крупные забастовки. Стращают рабочих и каторгой и окопами, но ничего не помогает. Первый день еще сегодня стали заводы более или менее хорошо работать. До чего доведет это урезанье рабочих-легко предвидеть.

Студент Степан Х.

№ 3.

КУВШИННИКОВУ.

Покровск.

У нас в городе ждут со дня на день революции, к нам в волостное правление привезли 2 пулемета только не знаю на чью голову, а в городе 4 пулемета, разговоры такого рода идут: едут будто бы к нам несколько студентов в помощь крестьянам, а также разговор ведется, что в Самаре была уже революция поразбивали магазины... то правительство выставило на голодных женщин полк солдат и командовали стрелять, но солдаты не стреляли, потом заставили вооруженную полицию, то полиция много ранила. Мы тоже ожидаем.

Подписи нет.

27 ноября 1916 года.

№ 4.

НАДЕЖДЕ НИКИФОРОВНЕ ИВАНОВОЙ.

с. Дурникино.

Сейчас нас не пускают никого потому что идет бунт, стражников побили много, и целый месяц уже мы в бою. 3 уезда наш Заигизур, а потом Корягинский и Шушинский уезды, бьемся целый месяц просто беда.

Подписи нет.

30 ноября 1916 года.

№ 5.

А. М. ЯКОВЛЕВУ.

Сарапуль.

У нас есть маленькая новость, Самарские бабы устроили маленький бунт, пришли купить мяса, но мясники бедным женщинам мяса не давали, а давали только богатым, бедным стало обидно и они решили напасть на мясные лавки и растащили мясо, а самих мясников побили. На усмирение вызвали роту нашу.

269 пеш. Самарская дружина 3. рота.

№ 6.

ДАНИЛУ САДОВСКОМУ.

У нас идут в городе Самаре забастовки, большие магазины поразбили, а мы ходим на усмирение ночью и днем, что было-беда,

потому очень стало все дорого, да и нам будет страшно нас заставят стрелять стреляй, разгоняй, а мы неслушаем и то и гляди ответим.

Подписи нет.

№ 7.

КУПРИЯНОВУ.

В Петрограде закрыто 5 заводов на неизвестное время. На Выборгской стороне по случаю забастовки 2 завода Лейснера, Феникса, Эрижана и Металический завод. У нас была забастовка. Один день убили одного городового и ранили околодочного, ну и рабочие многие пострадали, в том числе чуть и мне не попало, только тем и спасся, что забежал в парикмахерскую, а то бы тоже как голубчика вздули. Даже женщин нагайками драли. Ужасное было избиение.

Подписи нет.

№ 8.

МИХАИЛУ УЛАНОВСКОМУ.

Сл. Ильмень.

В городе Вольске, или короче сказать в 245 полку, солдаты бунтуют, хлеба нет местами ни куска, так что ходим по ротам где есть лишний хлеб. Кашу варить отменили.

Подписи нет.

15 января 1917 года.

№ 9.

В г. Царицыне в 155 пех. Запасном полку был бунт. Забунтовались солдаты из за хлеба и за все просто, две недели не выходили на занятия. Занятия производятся очень слабо. Как у вас там требуют дисциплину, а здесь совсем слабо.

Коркин.

№ 10.

П. Ф. ШКИТИНУ.

с. Жуковка.

Еще пропишу, что у нас уже все готово и наверно числа 15-го или 20-го мы поедем, но кто говорит на позицию, а кто говорит в Сибирь на усмирение, вот кто его знает куда мы поедем, в городе

Оренбурге идут сильные бунты туда много отправили артиллерии и казаков и оттуда уже привезли несколько человек раненых и ранили одного офицера, а одного уже убили.

Подписи нет.

№ 11.

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ КАРАУЛОВУ.

Синенькое.

Я вот немного пожил в Киеве а видел не раз, как отнимают жизнь у других, так что нам приходится быть свидетелями этой ужасной казни. Очень много людей вешают, а нам приходится охранять, где их вешают, поэтому я немогу терпеть и прошусь на позицию. Там убивает неприятель, а не свои варвары. Может быть придется много горя увидеть, но ничего не поделаешь, не я один а миллионы людей смотрят прямо смерти в глаза. Я там буду за телеграфиста, так что мне не придется 50 верст бежать в день, как наши бегают при отступлении.

Василий Клещев.
Зап. телеграфный баталион.

РАЗДЕЛ IX

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

О настроении армии в послефевральский период достаточно правильно говорит отчет цензора, помещаемый перед письмами IX раздела.

Солдатские письма, вначале войны осторожные, затем более смелые, а после Февраля боевые, кидающие вызов буржуазии, приводили в дрожь и ужас цензоров. Цензора месяц от месяца констатировали „все ухудшающееся настроение на фронте". Не принесла улучшения и Февральская революция. „Свобода не укрепила боевой дух армии"— пессимистически доносит Казанский цензор в мае 1917 года. Работа цензуры и после Февраля была направлена против революции. Теперь особой заботой были окружены большевистские письма и литература. Так, старший военный цензор г. Сарапуля запрашивает 18-го июля В.Ц.К. при Штабе Казанского Округа о высылке инструкции по цензированию „большевистской литературы, призывающей к погромам, неповиновению власти, к свержению временного правительства и т. п." (дело № 13). Ответ на этот запрос был прост. „По приказанию Начальника Штаба Округа сообщаю, что большевистская литература подлежит задержанию и представлению в комиссию для дальнейшего направлени на предмет привлечения к уголовной ответственности"—сообщает председатель комиссии (Там же).

Цензура Временного правительства, как и царская, должна была изолировать большевиков от трудящихся фронта и тыла. Напрасно. Ясные, понятные и близкие трудящимся массам лозунги ленинской партии быстро распространялись и в деревни и в армии. Письма сборника лучшая тому иллюстрация. Хотя в нашем распоряжении оказалось небольшее количество послефевральских писем с фронта, все же они ясно передают, что армия отнюдь не желала воевать до победного конца во славу буржуазии. Упоение революцией продолжалось недолго. Быстро проходил угар „революционного оборончества", охвативший армию в первые дни революции. Восторг и восхищение первых писем после Февраля („Да здравствует свобода, да здравствует Новое Правительство, не поддавайтесь братцы

граждане старому правительству"—солд. п. № 2) сменились ненавистью к Временному правительству, ибо солдаты поняли маневр буржуазии, превращавшей завоеванную трудящимися свободу в свободу только для себя, для своего своекорыстия и наживы. Громкие фразы о свободе и демократии, наполеоновские манеры и театральный пафос Керенского („Александра Македонского") не могли обмануть солдатскую массу, которая требовала не „призрачной свободы для духа", а реальной перемены социального строя России. Мир, хлеб, земля—вот вопросы, немедленного решения которых требовала армия. Но этих требований не хотело и не могло дать буржуазное временное правительство. Оставались не решенными не только коренные вопросы, революции, не сделано было улучшений даже самых элементарных. Армия попрежнему была голодной, раздетой и разутой. „Если бы Вы посмотрели на Русскую армию вы б испугались, раньше нищие и то лучше ходили как мы в настоящее время ходим, во первых босые, во вторых голые"—читаем в письме Полякову Филлипу Тимофеевичу в с. Рыдня, от сына.

Временное правительство отнимало у солдат даже такие завоевания революции, как отмена отдания части, уничтожение телесных наказаний и расстрелов.

Очень скоро после Февраля солдат уже не делал большого различия между новым буржуазным режимом и старым царским. Оба были одинаково ненавистны. Армия перестала доверять временному правительству, „Наша дивизия порешила не ходить в наступление, а то мы потеряем свободу и опять буржуи возьмут нас в свои руки. Не мы войну начинаем, мы не хотим этого, а хотели войны наши цари да богачи, а потому и нужно бить только царей да богачей" (письмо № 28).

Солдаты отказываются воевать, не идут на тактические занятия, говорят, „что наступать все равно мы не пойдем, так и нечего нас обучать наступлению" (офицерское письмо № 3). Другой офицер об этом же самом явлении говорит другими словами: „всякий, кто проявляет зовоевательный инстинкт, желает войны до конца, формально ненавидится". (п. № 4).

„Процент бодрых писем был весьма незначителен. Абсолютное большинство писем угнетенного содержания с лозунгом „долой войну"—доносил Казанский цензор в мае 1917 г.

А социалисты—шовинисты продолжали уверять всех в том, что после свержения Николая солдаты все как один, выступят защищать

свободу (буржуазную) от подлого немца. Как далеки они были от масс, давно уже отрезвевших от всякого угара шовинизма. Даже смертная казнь, введенная Керенским, не спасла положения. Вот что пишет один офицер: „Из армии образовалось стадо баранов без пастыря. Смертная казнь не привела положительно ни к чему хорошему, а обострила отношения между Временным Правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов (темной шайки, как я ее называю)“—(письмо № 10) [1].

Очень рельефно выразил настроение армии рядовой №-го запасного полка из Петрограда: „Временное правительство Гучков и Милюков хотят войну вести до победного конца и разбить Германию и взять Дарданеллу и Константинополь но мы им говорим, если хотите разбить Германию и взять Дарданеллы и другие города, то пожалуйста идите и берите, а мы друг друга избивать не хотим и отбивать тоже и вот если Гучков и Милюков не хотят исполнять ваши приказания, то враз штык в горло“ (письмо № 30).

Классовые противоречия на фронте (также как и в тылу) обострялись. Чем упорнее буржуазия настаивала на войне до победного конца, тем более революционным становился фронт. Быстро проходили иллюзии первых дней „свободы“, быстро спадала волна революционного оборончества. Солдатская масса большевизировалась. Об этом красноречиво говорят офицерские письма. полные злобы на Ленина и ленинцев.

„Всему... виной служит пропаганда Ленина. Ленин здесь вводят беспорядок... Теория Ленина об аграрных вопросах ведет армию из окопов в тыл для дележа земли. Ленин виновник дезертирства. Вообще же большая половина ленинской теории вредна. Ленин еще

---

[1]) Приводимые в этом разделе офицерские письма наглядно показывают, в каком тупике оказалась буржуазная Россия. В Февральской революции офицеры видели средство победоносного завершения войны. От Керенского буржуазные сынки с золотыми погонами были в восторге. „Сегодня весь день ждали нашего дорогого Гостя, Солнце России Военного Министра А. Ф. Керенского.... Эх Миша, ты незнаешь какое настроение, какой дух в армии, как все ждут этого великого гения“ (письмо № 1). Буржуазия надеялась, что Керенский своей обаятельной истерией сумеет увлечь трудящихся в борьбу за Дарданеллы. Но не только обаяние Керенского, но даже обаяние расстрелов не увлекали солдат в бой за интересы буржуазии. И офицеры открыто заявляют, что „как ни плох был Николай Романов, но все же при нем всетаки было больше порядку... Погибла Россия и все из за Керенского“. (Письмо № 10). Керенский погубил Россию „за что ему придется ответить своей головой“. (Там же). И офицерство пытается поставить своего твердого человека (Корнилова), на место размазни Керенского.

вреден потому, что солдаты его учения понимают не так как нужно. Толковать и об'яснять солдатам нельзя. Опять виноват Ленин" (письмо № 7).

Вопреки утверждениям вот таких социалдемократов (автор письма именует себя эсдеком), солдаты прекрасно понимали простую классовую правду большевиков и не злопыхательным пигмеям было остановить бурный разлив Октябрьской революции. Партия ЛЕНИНА, несмотря на целую сеть клеветы, провокаций, гонений Временного правительства, сумела привести армию на великие пути освобождения труда.

Стихия фронта, не желавшая слушать краснобаев буржуазного и соглашательского толка, была организована ленинцами на восстание за Великий ОКТЯБРЬ.

К ужасу угнетателей и филистеров всего мира над великой свободной страной засияла красная звезда Советов рабочих и крестьян.

ОТЧЕТ

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ЦЕНЗОРА П. О. ПОРУБАЛЬСКОГО ЗА ОТЧЕТНУЮ НЕДЕЛЮ ОТ 30 ИЮЛЯ ПО 6 АВГУСТА 1917 ГОДА.

Письма из действующей армии.

Среди писем из действующей армии все больше и больше слышится раздор, даже вражда между офицерами и солдатами. В офицерских письмах жалобы на то, что солдаты не только потеряли всякое уважение к офицерству, но даже с насмешками встречают всякие приказания: „убирайся к чорту", жалуется офицер в письме Ник. Влас. Телячкову в Уфу. „Вы нам не нужны, теперь Вы нам не приказ, у нас есть свой полковой комитет, теперь мы его будем слушаться".

Настроение войск по прежнему, судя по письмам, угнетенное: „зачем воевать, кого защищать. Родину нет не родину защищать, а богачей, буржуев". Вот отрывки из солдатской песни—

„Бедного солдата на кладбище несут,
К его бедной могилке родные не придут
И цветов на могиле слезой не обольют,
Только летней порою да поздней зарей,
Запоет на могилке певец соловей.
Попы и дворяне справляют вечера,

А бедный сын солдатки не жрал с позавчера;
Ты солдат защищай добро богачей,
А они черти гуляют до поздних ночей.
Дворянки там за чаем поднимают к верху нос,
А бедные жены солдат косят пшеницу и овес".

Стихотворение из письма в Уфу Прохору Дмитриевичу Дмитриеву...

Придерживаясь старинных убеждений и вековой ненависти к дворянам-помещикам, наш наивный народ не знает какое ничтожное количество, раззорившихся давно дворян, принадлежит теперь к русской буржуазии, там куда более купцов, а еще больше всяких инородцев, немцев и пр. Вот что пишет солдат с фронта в Уфу Василию Яковлевичу Макарову: „Денег стало много, но что толку, когда купить ничего невозможно, одно дорого, а другого и совсем нет... Видно дело доходит до конца, когда настала свобода мы все обрадовались, как бы воскресли из мертвых, ну теперь будет мир, теперь конец этим мукам, но нет. Нас поворачивают опять к старым целям—защищать „Свободную Россию". Какую там свободу, какую Россию. Защищать нашей кровью наших и чужих союзных капиталистов, им нужна война, до конца, до успешного конца, им бы за нашу кровь купить себе контрибуцию и новых рабов, дающих доход их фабрикам и заводам; а ты солдат русский умирай за то, чтобы английский, французский и русский буржуй—кулак, победив немецких буржуев, заковали в тяжелые цепи весь рабочий мир вселенной на все время. Как это должна быть последняя война, а после нее вечный мир. Нет такой России такой свободы мы защищать не будем и пока еще штык в наших руках, покажем и немцам и русским и англичанам и французам, где настоящая свобода—вовсе не там куда нас обманом ведут".

ОПИСАНИЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА В ПРОВИНЦИИ.

№ 1.

И. П. РОДИОНОВУ.

Уфа.

Переворот произошел у нас очень спокойно, даже никто не предполагал этого. Хотя надо сказать, что пришлось немного струсить. Началось с того, что собравшаяся вооруженная толпа бросилась к тюрьме. Это первым делом. Начальнику тюрьмы удалось во время скрыться, а один из ключников горячо отстаивал арестантов и был разорван штыками. Всех арестантов, как политических, так и каторжных выпустили и зажгли тюрьму. Это вероятно происходило часов в 12 ночи. Но наш полк расположился совершенно за городом, а 141 и 93-й в самом городе. Полковых командиров 141 и 93 полков солдаты хотели убить, но им удалось скрыться, а потом конечно, их немедленно отстранили от командования. С нашим полковым командиром ничего не произошло. Во время манифестации наш полковой командир вел все три полка. По дороге подбежал с револьвером один унтер-офицер и с криком „зачем ты драл розгами" хотел повидимому выстрелить, но солдаты не дали ему это сделать. В общем дня три были маленькие волнения, а потом все затихло. 14 апреля в Царицыне солдаты и офицеры разбили все винные склады. Ожидали, что будут погромы вообще, но ограничились только этим. Все солдаты, когда разбивали бочки с вином и выливали вино на землю кричали: Долой это зелье, надо его уничтожить, чтобы оно не смущало. Разбили около 20-ти складов. И скоро все затихло.

Петр Бровкин.
Прапорщик 155 полка.

ОФИЦЕРСКИЕ ПИСЬМА[1]).

№ 1.

МИХАИЛУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

Уфа.

Сегодня весь день ждали нашего дорогого гостя, солнце России Военного Министра А. Ф. Керенского, но не дождались. Он будет наверное в гостях у нас завтра. Эх Миша, ты не знаешь какое настроение, какой дух в армии, как все ждут этого великого гения. Если удасться сделать снимок с Министра, пришлю тебе.

Петр Никандров.

№ 2.

М. А. КАМЕНЕВУ.

Уфа.

Вот я опять в окопах, снова бессонные ночи; в окопах вода. Погода вообще сырая. Немцы стараются жить с нами, как можно дружнее. Таскают нашим солдатам вина, сигары и изредка белый хлеб. Кричат нам чтобы мы не стреляли, чтобы не переводили напрасно людей, так как скоро будет мир. Бросают прокламации, где они советуют нам гнать французских и английских офицеров и убрать с наших позиций артиллерию. Всеми силами стараются разложить дезорганизировать нашу армию, а потом немцам и легко будет победить ее. Да наступают времена. Трудно нашему брату офицеру. Мы сознаем, что все эти проделки немцев не обойдутся даром. Мы стараемся внушить нашим солдатам вред сношений с врагом. Они же кажется больше верят немцам, чем нам. Вообще питают нам недоверие. Если будет так дальше, то горе нам—погибла Россия. С другой стороны разгораются страсти—беспорядки в Петрограде. Все это вместе взятое страшно волнует армию Крестьяне требуют земли, рабочие 8-ми и 6 часового рабочего дня А теперь прежде всего надо кончить войну а после устраиваться—но все это дело провокаторских рук.

Алеша Туманский.

---

[1]) Нижеприводимые офицерские письма все пропущены по адресу. Цензор с большим удовлетворением приложил копии этих писем к отчету.

№ 3.

ГЕОРГИЮ ИВАНОВИЧУ КАМЕНСКОМУ.

Уфа.

Войны никакой даже не чувствуется. Солдаты отказываются итти в наступление, говорят, что обороняться будем, наступать же нет. На днях как то стали заниматься, вести с ними тактические занятия с целью наступления, они поняли в чем дело и уже на третий день все отказались выходить на занятия говоря, что наступать все равно мы не пойдем, так и нечего нас обучать наступлению. Вот теперь и воюй с ними, а немец не дремлет, он готовит кулак, которым в одно прекрасное время и ударит нашего гражданина. Стоим в резерве и стоять будем чуть ли не до июня месяца.

30 апреля 1917 г.

А. Каменский.

№ 4.

ЯНУ ТОМАШЕВИЧУ БОРКОВСКОМУ.

Уфа.

„Дошли до меня весьма приятные слухи, якобы Уфа является городом громко кричащим „Долой войну". Если это верно, то слава вам всем и честь. Дело в том, что кое-кто, черт знает по какой причине, не может или не хочет понять что 3/4 населения России отрицает войну. Если же к этому присоединить почти полное отсутсвие продовольствия и боевых припасов, а также грандиозную разруху на железных дорогах, то предполагая даже наличие образцовой дисциплины во всех отраслях государственного управления, нужно быть от'явленным чудаком или прямо отчаянным дураком, чтобы убаюкивать себя благополучным течением и удовлетворенными результатами войны. Ни того ни другого быть не может. Старая власть завязала такой узелок, который не только Александр Македонский, а сам черт нечестивый не в состоянии разрубить. Дисциплина воинская привилась у нас при помощи мордобития, оказалась чисто внешной и дала о себе знать в критический момент, да так, что все поползло к чертовой матери на подобие самым преветхим штанам. Положение наше хуже критического: того и гляди, что в один прекрасный день или ночь случится нечто такое, о чем нам и думать то не хочется. Расшатались все оконча-

тельно. Работать не хочется, ибо всякая работа с нашей стороны в данное время ни к черту не годится. Офицерство солдатами третируется, никто ни кого не слушается; всякий, кто проявляет завоевательный инстинкт, желает войны до конца, формально ненавидится. Роты отправляются на фронт в подавленном состоянии видно, что толку от них никакого не будет. Голод принял угрожающие размеры".

Автор вышеупомянутых рассуждений, Слава Богу, тыловой герой, он не желает понимать, чтобы непременно случилось, если бы нас ожидал разгром армии и позорный мир, при котором главное значение будет иметь не голоса „меньшевиков" германской социал-демократии и пожелания да мечты наших горе—ленинистов, а могучий кулак Гиндербурга.

Подписи нет.

3 мая 1917 г.

№ 5.

АЛЕКСАНДРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ АЛЕКСЕЕВУ.

Челябинск.

Взгляд у меня под влиянием текущих событий изменился в худшую сторону. Если только по прежнему все так будет продолжаться как теперь, то Россию ждет развал полный и погибель. На фронте абсолютная тишина. Вместо орудийной канонады, оружейной и пулеметной стрельбы доносятся звуки поцелуев наших „миролюбцев" с немчурой. Какое предательство. Какая явная измена родине, нашим братьям союзникам, проливающим сейчас кровь за общие интересы, за права, честь и достоинства великих свободных наций. Какое заблуждение наших солдат, находящихся под гипнозом гнусной пропаганды Ленинцев и К-о. Мерзавцы, предатели, что они наделали. Направляемые против братания увещевания и уговоры начать наступление мало помогают. Все речи и старания депутатов из корпуса, армии и ставки убедить солдат в их пагубном для дела и себя заблуждении ни к чему не приводят. Стоят на своем: „не желаем воевать и баста". Все старания г.г. офицеров и комитетов о необходимости сейчас наступления разбиваются о грубое упрямство солдат. За исключением казачьих частей, кавалерии (где элемент более сознательный) дисциплина в армии теперь пала. Расшатанность и разнузданность в войсках полная.

Авторитет офицеров сведен к нулю. Доверие к нему со стороны солдат подорвано. Конечно при таком положении служить и воевать трудно. Если только армия и народ не опомнится, то Россию ждет погибель. Откровенно говоря большинство офицеров не служат, а дослуживают. Ибо при таких порядках в дальнейшем, при отсутствии власти у офицеров служить трудно, да и не возможно Отрадного в будущем мало. Алексей Алексеев.

14 мая 1917 года.

№ 6.

ПЕЛАГЕИ ВАСИЛЬЕВНЕ ПУХМАРЕВОЙ.

Уфа.

Как будет жить Россия и какие губернии получат автономию и республики, а немец не дремлет и кует железо пока горячо, пользуясь разрухой армии и тыла великаго Российского государства. Представь, что все последние наши успехи на кровавой ниве под Галичем, Калушем и Львовым достались в руки врага и армия опутанная сетями большевизма кажется окончательно вышла из повиновения и как стадо баранов, без всякаго стыда и смысла цели разбегаются кому и куда нужно, оставляя фронт на произвол судьбы. Немец этим старается пользоваться и беспрепятственно по пятам бессовестно убегающих занимает территорию, которая нам стоила громадных жертв. Но скажи пожалуйста не позор ли это для русской армии. Русский солдат не привык еще к свободному пониманию того, чте стоило громадных жертв, к чему веками стремились ученые люди, для солдата нужен кнут и нагайка, а не разумное толкование, что кажется и сделано гениальным вождем армии г. Керенским и мы очень будем рады если будут приняты в отношении изменников родины самые крутые меры наказания, не исключая казни, только чем и можно закрепить еще молодую Революционную Россию и не дать коварному врагу укоренится и пустить корни на русской земле. Ты сама знаешь, что может случится если нам будет продиктован мир тем кого обожает германия, а солдаты на заключение мира смотрят, как на простую вещь—лишь бы мир и ему больше ничего не треба. Если ему станешь толковать о последствиях мира то он сейчас тебя и по зубам или скажет: Если хочешь хорошего мира, то иди и добывай его, а мне уже не под силу нести военное ярмо и жизнь для меня дороже твоего всякого мира. Вот тут с ним и потолкуй и сделай людей любящих родину. Федор Пухмарев.

23 июня 1917 года.

№ 7.

ИВАНУ ТИХОНОВИЧУ ЖИРОВУ.

Уфа.

То что ты мне писал пригодно и возможно только в мирное время и при другом народе а не при нашем неразвитом. В тылу оно может быть и хорошо, потому что там никаких боевых задач не дается, там солдаты выполняют пустячные поручения и роль их там не так важна, как здесь на фронте. Там, если солдат и не выполнит какое нибудь приказание, то не очень большой грех, но если это здесь, будет что то невозможно. Между прочим, здесь было, бывает и будут масса таких случаев, которые явно ведут армию к окончательному развалу и кроме вреда и гибели родины другого быть не может. Всему же этому виной служит пропаганда Ленина, Ленин здесь вводит беспорядок, Ленин ввел дезорганизацию в войсках. теория Ленина об аграрных вопросах ведет армию из окопов в тыл для дележа земли. Ленин виновник дезертирства. Вообще же большая половина ленинской теории вредна. Ленин еще вреден потому, что солдаты его учения понимают не так как нужно. Толковать и об'яснять солдатам нельзя. Опять виноват Ленин, он внушал солдатам не доверять тем товарищам офицерам, которые всегда подают солдату руку, а в ответ получают подщечину. Иногда на почве недоверия солдат к офицерам, которых они знали еще при старом правительстве, как хороших и честных людей развертываются грустные картины. Приезжают в армию большевики и заставляют армию недоверять товарищам офицерам. Я вижу все из своей военной сознательной практики я не большевик, я с.-д. по убеждению. Я вижу, что без дисциплины армия существовать не может а сознательной дисциплины нет. Палочной не требую. Требую вместе с правами солдата его обязанности.

Подписи нет.

№ 8.

АЛЕКСЕЮ ТИМОФЕЕВИЧУ КУРГУЗОВУ.

Уфа.

Плод тысячелетнего созидания многих поколений Великая Россия гибнет, гибнет добытая кровью лучших людей свобода. На фронте катастрофа, сулящая нам неисправимые последствия. Великая русская армия находится в состоянии смертельного кризиса

духа. Некоторые части поддавшись зловредной агитации темных продажных личностей, забыв о долге солдата и гражданина, бросили позиции и устремились в тыл, неся с собой смятение и беспорядки. В пылу политических споров и мелочной торговли люди забыли о родине, забыли о целях великой русской революции, личные интересы ставят выше всего. Нельзя не крикнуть на всю Россию, что мы уже на рубеже за которым смерть, но есть еще спасение—оно в наших руках. Все кому дорога мать родина, кому дороги завоевания нашей революции, должны предать забвению личные выгоды, напрячь всю свою волю и разум на спасение изнывающей родины, только тогда мы сможем вывести Россию на путь мирного благоденствия и только этот путь приведет нас к закреплению плодов революции.

Ларионов.

298 Мстиславский полк.

19 июля 1917 года.

№ 9.

АННЕ СТАНИСЛАВОВНЕ БЕРЕСНЕВОЙ.

Уфа.

Чувствую себя так скверно, что и описать трудно. Так обидно за русских, так я зол на солдат трусов, грабителей, мерзавцев и подлецов, что без сожаления многих бы расстрелял. В селе Копычинце солдатскую массу расстрелял броневой автомобиль из 2-х пулеметов, рассыпались живо бараны презренные. Одного негодяя расстреляли форменно перед всеми солдатами у церкви и они аплодировали. Я сегодня ненавижу солдат, которые недостойны не только жить в старом режиме, не говоря о свободе, а прямо их заживо в ад на рога чертям посадить. Бежали мерзавцы целых 80 верст и бежали не потому что кто нибудь гнал их, а просто услышали, что в тылу солдаты что хотят то и делают, вот и они двинулись целыми полками и дивизиями, побросали оружие хлеб и все что можно, даже снимали сапоги и бросали, чтобы легче было бежать, так как кто то крикнул „Немецкая кавалерия". На самом деле немцев на всем фронте было $1^1/_2$ человека. В то время (это было в Подгайце) я чуть было не стал стрелять в бегущих, так я их презирал. Бежали и уезжали так, что давили друг друга, ломали повозки, автомобили, калечили друг друга, лошадей и все что попало на пути, ломали, жгли. Одним словом с 8 июля по

14 был сплошной кошмар. Немцы даже и не гнались, потому что некому да и не успевали, так как слишком быстро и позорно бежали. Наше оперативное отделение Штаба корпуса отступало на заде всех бежавших, а за нами уже отступали верные сыны отечества герои, отстреливающиеся от преследовавших десятков немчуры поганой.

За последнее время нервы у меня значительно поразвинтились, стал более жестоким. Теперь не расстаюсь с револьвером и готов каждую минуту пустить его в действие. Теперь введен расстрел что меня очень обрадовало. Наших русских трусов и негодяев только и можно заставить быть немного человеком при помощи нагайки да револьвера. У-у шваль несчастная. Расстрелять, стрелять и больше ничего. Я сам не свой от всего этого позора. Вот разлимоннничались с этой свободой. Надо было умнее дать свободу, а не так, чтобы получилась вот эта история.

Сегодня я чувствую себя гораздо спокойнее [1]). Дежурю, дел много и поэтому некогда ни о чем раздумывать. На границе мы стоим вот уже несколько дней, отсюда выходит, что наше войско еще способно воевать. Я уже думал, что совсем дело наше потеряно бесповоротно, но теперь опять появляется надежда на почетное а не позорное окончание войны.

Иван Береснев.

19—20 июля 1917 года.

№ 10.

КОМАРОВУ.

Уфа.

Хорошо революционное войско доказало свою боевую способность. Из армии образовалась стадо баранов без пастыря. Смертная казнь не привела положительно ни к чему хорошему, а обострила отношения между Временным Правительством и Советом Солдатских и Рабочих Депутатов (темной шайки, как я ее называю). Керенский даже и тот уже отказался от власти, видя что ничего не поделает с этим стадом ослов. Но зачем же он не знавши броду сунулся в воду. Ведь русский народ известно груб и сер до бесконечности и вежливого обращения не понимает, а ему нужна твердая власть нагайка и палка тогда он поймет. Теперь говорят многие, как ни плох был Николай Романов, но все же при нем всетаки было боль-

[1]) Автор продолжает письмо на другой день.

ше порядку и это совершенно верно. Теперь измена общая в виду полного беспорядка дисциплины царит разруха. Погибла Россия и все из за Керенского, который в первые дни революции кричал, что у меня Николай Романов в руках, я что хочу, то с ним сделаю, но что он теперь с ним сделает. Ничего. Что он сделал с Россией—погубил ее. За что ему придется ответить своей головой. Не может быть, чтобы Русский народ не придет в разум и не найдет виновников того, что сделали с Россией.

К. Комаров.

№ 11.

А. НАУМОВУ.

Уфа, лазарет № 24.

Солдаты ежедневно толпами кишат на верху, австрийцы тоже. Ни одного выстрела. О братании ты знаешь из газет, но у нас факт. Бывало что после братания расходились довольно пьяные, очевидно рому австрияки не жалеют. Как это ни печально, но ничего не поделаешь. В настоящее время эти явления уменьшились и есть надежда думать что скоро совсем прекратятся. Сколько прокламаций было со стороны противника и газета „Неделя“ на русском языке еще не закрылась до сих пор. Ни чорта в ней кроме упреков за все на англичан и французов нет. Простаки солдаты и те уже поняли, что противник в газете „Неделя“ врет как сивый мерин.

Н. Г.

СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА ПОСЛЕФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

№ 1.

ЯКОВУ МОХНАЧЕВУ.

г. Златоуст.

Излагается от всех солдат общая радость и ликование по поводу совершившегося переворота и дарованной свободы. В других полках кое-что было из беспорядков без всякого суда арестовали некоторых офицеров и сдирали с них погоны, но у нас в окопах был порядок образцовый и на всем фронте больше порядку было в нашем полку. У нас был один ни по вкусу мы его из своей роты вышвырнули незаметным образом, а теперь приехал из лазарета старый ротный командир который идет с нами рука об руки и ни сколько ни страшно идти с ним даже в бой. Теперь Яков Васильевич надеемся на Вас давайте миллионы снарядов, работайте не покладая рук, не считаясь с 8 час. днем.

В. Тараканов.

15 марта 1917 года.

№ 2.

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЧЕСНОКОВУ.

Да здравствует свобода, да здравствует Новое Правительство; не поддавайтесь братцы граждане старому правительству, восставайте против нх. Вспомните братцы за что наша армия пропадала и почему голодовала, теперь и на фронте стало видно, где правда наша пропадала. Держитесь тыловые братцы мы бы рады поддержали, но нас фронт задерживает—нельзя же нам спокинуть дело, чтобы немцы ездили бы на нас но теперь мы посмотрим кто немецкого врага кормит, а то они кричат „пока в России хлеб е ть то нам не переесть“.

Подписи нет.
128 полк 7 рота.

№ 3.

АЛЕКСЕЮ ОЖОГОВУ.

Старо-Белокатайская волость.

Да здравствует свободная Россия, война до победы, будем мы теперь свободно помирать и знаем за что помрем, теперь нам смерть не страшна.

Ефим Ожегов.

№ 4.

АЛЕКСАНДРУ АКСЕНОВУ.

Д. Рычково.

Мы перешли на сторону нового правительства. сломили внутреннего врага, хотя положили жертвы. Полиции больше нет и не будут вас притеснять и обирать ваши копейки от ваших трудов, но быть может у вас эти проклятые фараоны еще ведутся, то уничтожайте их что-бы они не существовали. Мы в полку арестовали всех офицеров, которые обращались зверски, сорвали погоны, сняли с них оружие и предали суду, как державших сторону старого правительства. Дело было так: 4-го марта в 7 часов утра собрался весь полк, вместе с нами вооружились ружьями офицеры и пошли в город Галич. Один полковник хотел снять флаги но с него сняли погоны, сорвали шашку, дали в шею и предали суду нового Правительства.

Но этого мало, что мы сломили внутреннего врага, надо сломить и внешнего, с которым ведем третий год войну, он кормился нашим хлебом, обувались в наши сапоги, но теперь этого не будет только весь народ должен восстать и помочь кто чем может нашей Великой и Храброй Армии.

Подписи нет.

№ 5.

АЛЕКСАНДРУ БОГОЛЮБОВУ.

Корлыханово.

Наконец Россия сумела освободить себя от изменников, которые продали ее и продавали уже не одну сотню лет, что продали в эту войну Россию Романовы—факт не оспоримый даже австрийцы это признают. Был например такой случай. Какой-то австрияк кричит из своего окопа (окопы во многих местах сходятся шагов на 50)

„Русь, зачем нашего каптенармуса Николая прогнали, нам теперь кушать нечего.“ Действительно за последнее время это был австрийский каптенармус, державший свою армию в голоде, холоде и без снарядов, тогда как наши враги спокойно питались нашим хлебом русским. Друг Мясоедова Сухомлинов фаворит Александры и любимец Николая интендант в почете. Пулеметы у полиции, хлеб в подвалах, деньги за границей и все потому, что царь на престоле. Не стало его и как волшебством все появилось, ожил солдат, получивший и хлеб и права человека, ожил рабочий ожили мелкие чиновники и служащие, ожидая улучшения своего быта.

А. Боголюбов.

Март 1917 года.

№ 6.

НИКИФОРУ ЕФИМОВИЧУ БЫЧКОВУ.

Златоуст.

А знаешь теперь какой дух подняли во всех войсках прямо до невозможности; все так рады это черт знает что, а присягу принимали для верности службы новому правительству и свободной России все, приняли от всего сердца с великой радостью, все были довольны после присяги выдавали виноградного вина, да теперь как только большой праздник, так и выдают опять вина. При бывшем царе даже к Рождеству ничего не давали, а при новом правительстве к Благовещенью, к вербному воскресению даже давали вина, но к Пасхе уж и говорить нечего прямо в дризину напились. Теперь везде такая правильность и такой образцовый порядок прямо лучше некуда. Теперь в плен от нас солдаты не бегают—за этим следят сами солдаты: был один случай что солдат хотел перебежать в плен но его же рота открыла огонь по нему и конечно ранили, когда его притащили обратно в окопы—он прожил не долго; Начальство приказало похоронить отдельно от других, вместо креста поставили столб с надписью. „Здесь похоронен изменник Русской Свободы и Родине“.

Федор Бычков.

15 апреля 1917 года.

№ 7.

Дела наши плохи, но всетаки мы не теряем надежды и будем стоять за свою родину и свободную Россию. Буржуазия нас гнет

и гнет, надо с ней сладить, а с немцами мы легко сладим и победа всетаки будет на нашей стороне, теперь мы воюем только за себя и за своих детей и свергли этот гнет. Без победы нам нельзя и домой вернуться только вот в тылу засели богачи, их надо гнать, война будет продолжаться до тех пор, пока не победим, а немец против нас всетаки не устоит.

А. Колышев.

79 Сибирский Стрелковый полк.

№ 8.

Россия сбросила с себя гнет старого деспота Николая II-го и его..... Как радостно жить. Скорее бы мир. Я против девизов. „Долой войну" и „Война до победного конца"... Нужно найти что нибудь среднее.

Ф. И. К.

22 апреля 1917 года.

№ 9.

ЕКАТЕРИНЕ ВЛАДИМИРОВОЙ.

Д. Корюшино.

Теперь мы ожидаем мира, больше не захотим крови проливать, довольно. У нас и так Польша облита кровью и земля наполнена трупами. Очень плохо стало жить, Россия обеднела. Нам стало жить свободно, а почему мы не хочем продолжать войну, потому, что наш царь Николай продавал нас. Сколько наши брали германцев в плен, а они обратно все в Германии, попадают по другому и третьему разу к нам в плен.

Сын Кузьма.

№ 10.

ЛУКЕ ВАСИЛЬЕВИЧУ ВЕЛЬДЯКСИНУ.

Уфа.

Мы всеми силами стараемся защитить новое правительство но о нас не заботятся в тылу, а только заботятся о своем улучшении в жизни, а наш брат вся армия как она там чахла и мерла с голоду, так и осталась ничем не удовлетворенная и неблагоустроена. У вас в тылу только хлопочут о процентах, а армия несчастная как по-

лучала 75 коп. в месяц, так и осталась при этом. Как мы сидели в сырых окопах по колено в воде, так и остались сидеть за те же 75 коп. да половину нас больных и убогих. А у нас в тылу есть еще хорошие молодцы, которые еще не бывали и не видали, какие есть окопы.

Теперь крестный скажу про свой корпус. Мы сидим вот уже год и никто не желает нас сменить. Наш корпус весь заболел от сырости и недоедания, а в тылу такие лбы, что нас на одного ему нужно 5 стрелков. Пожалуйста похлопочите о нас и не забудьте нас в сырых окопах, пришлите смены для нас.

Крестник И. И. Рудаков.

Май 1917 г.

№ 11.

МАТРЕНЕ НИКИФОРОВНЕ ХОБОТОВОЙ.

Жизнь складывается очень скверная, хлеба опять не хватает как и в 1905 году, пища прескверная. Новое правительство вместо того, чтобы улучшить жизнь солдата, дать ему, а оно отняло у него.

Яков Хоботов.

7 мая.

№ 12.

ИОСИФУ РИВКИНДУ.

Г. Бирск.

Вы скажете, что солдату ничего не нужно, это неправда. Приехал я в Оренбург весь грязный и измученный. Прошусь в баню мне отвечают, если у тебя есть деньги то можешь итти, а мы тебе выдадим деньги, когда прослужишь месяц. Сахару выдают три куска в день, чай свой. Утром к чаю дают хлеб черный из непросеянной муки, которым свиней кормят. Обед состоит из двух блюд. первое блюдо соленая рыба, разваренная в чем то мне неизвестном, чего нельзя взять в рот. Второе блюдо каша с сором вместо масла. Конечно приходится голодать, ужин состоит из одной вонючей рыбы. Едим мы все из одного таза, словом солдату живется не особенно то хорошо при свободе.

Б. Ривкинд.
Оренбург 238 пех зап. полк.

Май 1917 г.

№ 13.

АЛЕКСАНДРУ СОБОЛЕВУ.

Г. Балашов.

У нас офицеры плохо к нам относятся а больше к старому режиму придерживаются.

Егор Соболев.
329 Бузулукский полк 6 рота.

№ 14.

Г. М. ШЕРСТОПЕРОВУ.

Уфа.

Да стало опять старое, свобода отнята, власть офицерам возвращена, одним словом возвратилось старое, а когда будет мир, то и все старое возвратится, так говорят все, а у нас товарищи дали слово биться до последней капли крови и не допустить этого.

Василий Александров.
329 Бузулукский полк команда разведчиков.

№ 15.

САВЕЛИЮ ЯКОВЛЕВИЧУ ШАБЛЕВУ.

Уфа 144 зап. пех. полк 2 взвод.

Каждый солдат кричит долой войну, на фронте солдаты каждый день сходятся с германцами, стрельбы нет. Солдаты не хотят на работы итти никуда, офицеров никаких не почитают, каждый кричит—дай мир и больше ничего.

Д. Я. Шаблев.
23 Гренадерский полк 7 рота 1 взвод.

21 мая.

№ 16.

У нас более 100 человек ушли в плен. Мы двое, я и Попов украинский ходили в 12 часов дня и он нам ничего не сказал, что оставайтесь. Дал нам полторы баклажки рому, 60 папирос, мы ему

ФРОНТ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Митинг на фронте.

На передовых позициях.
Не желающие воевать солдаты заменены казаками.

носили буханку хлеба, он не взял и говорит: „Белее едим“. Вот братцы, пришлось побывать у врага, они лучше нас и умнее, тоже так страдают как и мы у говорят: „Мир надо“.

Подписи нет.

№ 17.

А. И. КРУЧИНИНУ.

Уфа.

На фронте весь 1-й день пасхи была тишина, повидимому как нашим, так и австриякам и немцам было запрещено стрелять. Наши солдаты с передней линии ходили к неприятелю с визитом, напились там изрядно и кроме того принесли с собою в окопы по 2 бутылки рому. Немцы смеются почему говорят, вы сменили нашего каптенармуса Николая, он нас очень хорошо кормил в то время, когда вы кушали сухари и кукурузу.

А. Кручинин.

№ 18.

Н. К. АНТОНОВУ.

Уфа.

На нашем Карпатском фронте сейчас тишина, стрельбы нет с самой пасхи. Все живем мирно с немцами, ходим друг к другу. Они говорят довольно стрелять и бить друг друга, напрасно кровь проливать, скоро говорят должен быть мир и мы ждем его со дня на день. Теперь скажу я, что когда писали наши в газетах, что заморим немца с голоду, а вышло наоборот, у него так не страдают на позиции без хлеба, как сейчас мы, а он дает нам хлеба, табаку, поит вином и всего у него хватит, а мы сейчас получаем очень мало. Ходим часто босые и оборваны, холодны и голодны. У нас бывают собрания, выбраны депутаты, обсуждают улучшить жизнь солдата, а главное закончить войну во что бы то не стало и о смене нас с позиции. Если не будет в скором времени миру и смены с позиции, то берем ружья и бросаем позицию в полном боевом снаряжении, будем требовать чтобы заключили мир.

Григорьев.

313 Балашовский пех. полк 2 рота 3 взвод.

7 мая 1917 года.

№ 19.

МАРИИ ЕФИМОВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ.

Д. Чесноковка.

Живем не в печали, а маленько обрадовало в том, что германцы нам каждый день передают прокламации, листочки которые вам посылаю в письме, просят они нас заключить мир и мы в Пасху в первый день и второй ходили к ним и они нам дали кусок калача и бутылку вина, наши солдаты ходили к ним в первый день пасхи и там ночевали, а на другой день пришли и принесли 2 бутылки вина, это нас очень обрадовало. И говорят, что наши депутаты которые выбраны нами уехали в Петроград насчет мира не даст ли Господь с Вами увидеться и опять пожить, в Пасху мы выйдем на окопы на верх и пляшем, играем в гармонию и балалайку, а германцы на нас глядят, мы с ними друг от друга только сажен на сотню, и эту прокламацию [1]) самый листок дайте почитать грамотным людям.

Подписи нет.

---

[1]) Приложенная к письму немецкая прокламация:

Товарищи.

В декабре 1916 года германский император добровольно предложил Вам мир. Никто его не принуждал. Он говорил о мире искренно, желая сократить страдания несчастных народов истерзанных войной. Теперь мы избрали себе новое правительство. Можно ли допустить мысль о том, чтобы наш император желает снова возвести на престол Вашего бывшего царя. Ведь это было бы нелепо в высшей степени.

У нас никто, положительно никто и не думает вмешиваться в Ваши внутренние дела. Нет никакой надобности защищать от нас Ваш новый государственный строй и Вашу свободу.—Германия всенародно и торжественно провозгласила, что не будет посягать на свободу обновленной России. Для свободного русского народа, взявшего в собственные руки решение судьбы своей, не может быть препятствий заключить с нами честный мир. Как бы сильна не была Германия, она никогда не воспользуется вашей внутренней борьбой для того, чтобы перейти к наступлению на восточном фронте. Германия готова заключить мир хотя она в нем не нуждается. Спокойно она будет ждать согласится ли свободная обновленная Россия вступить с нами в мирные переговоры в дни Светлого праздника Воскресения Христова.

В фонде Военно-цензурной комиссии сохранилось несколько десятков немецких прокламаций и листовок, относящихся к 1914, 15, 16 и 17 годам.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ

37-я пехотная дивизия и Австрийская кавалерийская дивизия.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны т. Бессонова.

БРАТАНИЕ НА ФРОНТЕ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Солдаты 145-го Царицынского полка и 28-го Австрийского кавалерийского полка.

Печатается с фотографии из коллекции участника мировой войны т. Бессонова.

№ 20.

ВИНИДЕЮ ФЕДОРОВИЧУ ЧУМАКУ.

Оренбург 104 полк 12 рота.

Наши и немецкие солдаты сходятся вместе и разговаривают. На Пасху наши солдаты ездили на автомобиле к немцам в Штаб полка и там были три дня, наши и немцы часто сходятся вместе человек по 40 и разговаривают.—От Пасхи до 15 апреля немцы не стреляли, а наша батарея била по немцам. Мы видели, как немцы из батарей стреляли по своему резерву, предполагаем, что и у немца идут забастовки, но о мире ничего не слышно думаем скоро должны окончить войну.

А. М. Д.

3 мая

№ 21.

ЕВДОКИИ НЕНЗИНОЙ.

Уфа.

Вчера было собрание, где обсуждали о войне и мире, все солдаты кричали долой войну, так что скоро должен быть мир.

Подписи нет.

Май 1917.

№ 22.

ИВАНУ ЯКОВЛЕВИЧУ КОЗЛОВУ.

Оренбург.

Мы здесь просим мира, не идем в окопы, а которые в тылу, кричат вести войну до победоностного конца, им хорошо чужими руками жар загребать, а нам война надоела, мы узнали, где раки зимуют. В наш полк добавили 200 человек, которые почти все разбежались, осталось всего восемь человек.

Я. Козлов.

28 мая.

№ 23.

ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ БУЧЕНЕВУ.

Нижн. Гумбет.

К нам приезжал командующий армии и говорил во что бы то нистало выгнать врага со своей земли а солдаты закричали: Вам война, как мать родная, только карманы набиваете, а мы с голоду

умираем, если до зимы не заключите мир, то мы все уходим с фронта. Он рассердился и скоро уехал, его хотели застрелить.

Подписи нет.

6 мая 1917 г.

№ 24.

ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ ВЕДЕНЕВУ.

Оренбург 104 пехотный полк.

Мы прогнали командира полка, батальонного и пять офицеров сами выбрали полкового командира. Когда мы после поверки, стали прогонять командира полка, он сел на коня и стал стрелять в нас, в это время весь полк вооружился и стал стрелять в командира полка, он успел уехать. Некоторые офицеры взялись за пулеметы и хотели стрелять в нас, но солдаты этого не допустили.

А. Веденев.

14 мая 1917 г.

№ 25.

ВАСИЛИЮ МИХАИЛОВИЧУ ЛАСЬКОВУ.

Оренбург.

Идут большие бунты, наши полки отказываются итти на позицию из нашего полка выступили только три роты, остальныя запротестовали, а 8-й полк отказался в полном составе.

Подписи нет.

17 мая.

№ 26.

АЛЕКСАНДРУ СЕМЕНОВИЧУ ИВАНОВУ.

У нас свершилось великое дело, 17-го мая арестовали Генерала подбили ему глаза, сорвали генералькие погоны, заперли в одиночную комнату и поставили часовых, в этот же день арестовали полковника за неправильное отдание приказания, все были сердитые, ходили с ружьями и кричали разобьем весь Штаб Дивизии. Вечером на общем собрании обсуждался вопрос о происшествии дня, во всем обвинили трех офицеров. По окончании собрания все разошлись, дорогой солдаты сбросили, одного офицера с моста в воду, остался он жив или нет пока неизвестно.

Сашка.

20 мая.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ В ПЕТРОГРАДЕ.

Арестованные за демонстрацию против войны солдаты 1-го пулеметного полка.

Организованная Вр. Правительством патриотическая демонстрация инвалидов—сплошь состоящая из представителей цензовой России.

№ 27.

ИВАНУ КУЗЬМИЧУ ВЕЛЬКИНУ.

д. Александровка.

У нас идет смута, офицера приказывают наступать, а солдаты отказываются и говорят давайте нам скорее мир. Было два приказа о наступлении но солдаты отказались. Приезжал к нам Главнокомандующий армии и Генерал Брусилов и сказал: „Товарищи, почему не желаете приказа исполнять, отказываетесь наступать," а солдаты закричали „разве тебе охота наступать" и ругали его площадными словами и даже хотели убить. У нас большие беспорядки, офицеров арестуют.

Михаил Борисов.

20 июля. 1917 г.

№ 28.

Наша дивизия порешила не ходить в наступление, а то мы потеряем свободу и опять буржуи возьмут нас в свои руки. Не мы войну начинаем, мы не хотим этого, а хотели войны наши цари да богачи и только нужно бить царей да богачей.

Иван Лапшин.

19 июня.

№ 29.

Наступления не будет. Сперва будем наступать на буржуазию, на тех людей, которые держат старый режим и которые кричат войну до победного конца.

Пав. Кочемасов.
219 Котельнический полк.

12 июля.

№ 30.

ТРОФИМУ СЫСОИЧУ НЕМУХИНУ.

Ст. Ильмень.

А у нас в Петрограде говорят, временное правительство Гучков и Милюков хотят войну вести до победного конца и разбить Германию и взять Дарденеллу и Константинополь но мы им говорим, если хотите разбить Германию и взять Дарденеллы и другие города, то пожалуйста идите и берите, а мы друг друга избивать не хотим и отбивать тоже и вот если Гучков и Милюков не хотят исполнять наши приказания, то враз штык в горло. Вы думаете кому эта бойня

мила, кому она выгодна, она выгодна купцам, помещикам, капиталистам, они за войну карманы набили, а мы остальную копейку истратили. Вот теперь мы взяли в руки все и делаем как нам нужно, а не как богачам. Вот они и хотят свое вернуть, им жалко с землей растатся. Они свое, а мы свое и здесь идет такой переворот.

№ 31.

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ БОГОДУХОВУ.

Уфа. 103 рап. полк 15 рота.

Как у Вас там решили насчет земли. Мы у себя в полку решили вопрос насчет земли таким образом: мы постановили отобрать землю у всех помещиков, купцов и сколько есть государственной земли чтобы и ее отобрать и разделить всем по ровну. Вопрос еще идет о том, как делить землю. Сейчас ли или весной 1918 года, по окончании войны. Сейчас будут делить землю без нас и потому многие и уходят самовольно из частей. Может лучше было бы подождать до окончания войны, но так как эта канитель кажется никогда не кончится, так мы всю надежду полагаем на Советы рабочих и солдатских депутатов, которые наконец найдут выход из этой путаницы и сумеют довести ее до столь ожидаемого всеми солдатами мира, они наши люди, не царские ставленники-чиновники; они знают чего желает и что есть в сердце каждого солдата.

Федор Иванович Богодухов.
66 Стрелковый Сибирский полк.

август 1917 г.

Солдатские стихи и песни.

Свое настроение солдат передавал не только в письмах к родным не только устно делился несчастьем с товарищами, но изливал его в песнях и стихах, подчас очень художественных, а подчас корявых—но в том и другом случае одинаково искренних.

В стихах солдат негодовал на бесчеловечный режим армейской службы, возмущался солдатским бесправием, протестовал против „прогорклых щей", высмеивал Российские порядки и проклинал „толстопузых губошлепов". Песни и стихотворения содержали и прямой призыв к бунту, к восстанию:

„ах ты бедный, ты бедный солдатик,
ты не плач по ночам втихомолку,
понапрасну слез горьких не лей
брось присягу, возьмись за винтовку
и начальство свое перебей".

Песни переписывались, переносились из роты в роту, из одной части в другую, посылались в письмах домой и таким образом делались общим достоянием. Конкретного автора определить зачастую совершенно невозможно.

Часть таких солдатских стихов и песен, сохранившихся в делах Казанской военно-цензурной Комиссии, мы и приводим в нашем сборнике.

№ 1.

Нашей милой цензуре.

Благодетели, радетели
Отчизны дорогой,
Вы бросьте ваши бредни
О злом моем письме.
Кто хочет сделать дело,
Иным путем пойдет,
Минуя учрежденье,
Рожденное войной.

Чертите и служите,
Ведь кушать все хотят,
Но писем не держите,
На то и права нет.

Никольский (из действующей армии)

№ 2.

Жизнь солдата.

Хорошо Вам быть на воле,
Слущать ласковы слова,
Посидели-б вы в окопе,
Испытали-б то что я,
У вас славные квартиры,
У всех важных, у господ,
У нас раскрытые окопы;
Снег и дождик в них идет.
Мы сидим в открытых ямах,
И на нас дождик моросит.
А в окопах сыро грязно,
От стужи все нутро дрожит.
Вы сыты и одеты
И веселье кругом.
Нас кусают паразиты
И мы здорово их бьем.
Вдруг послышится команда,
В атаку живо вылезай.
И засыплют пулеметы,
Эх прощай весь свет, прощай,
Там несется плач, рыданье,
Как на море волн прибой.
Проливают много крови люди братья
Всюду враждуя меж собой.
Там погибнут чудные стремленья
Безвинно страждущих людей.
Там царит насильство, преступленья,
И не смолкают грохоты орудий.
Сколько горя и опасности,
Терпит русский наш солдат,
Повинуясь всякой власти,
Часто жизни он не рад.

Не доевши, не допивши,
И в дырявых сапогах.
Много время не раздевши,
И все сутки на ногах.
Одному его все учат,
Как с врагами воевать.
И с родной семьей разлучат,
Долго дома не бывать
Будто малого ребенка
Учат снова нас ходить:
То направо то налево
То повернут нас кругом.
А ходить велят все бодро,
Да нередко и бегом
На плечах таскай винтовку,
С гранированным штыком.
И всегда работай ловко,
А то ругают дураком,
Под небесным чистым сводом
Трепещет: холод, дождь и зной.
И солдат скрываясь в ямах,
На земле сидит сырой,
Пищи часто недохватка
Чай не каждый день попьем
Постель рваная палатка,
Да и то ведь не уснем.
Вши военные кусают,
Да и холод по ногам,
И нередко заставляют
Нас подраться со врагом.
Жизнь опасная солдата,
Бейся ночью, бейся днем.
Прилетит к тебе граната.
И уложит вечным сном.
И спаси Господь как ранит,
Руку ногу оторвет,
То уж просят эти сами
Пусть скорее хоть убьет...

В письме Алексея Григорьевича Юдина.
284 полк Пулеметная каманда.

№ 3.

Царская служба.

Ах ты бедный ты бедный солдатик,
Ты на службу пошел с юных лет.
Не легка брат солдатская служба
Много вынесешь горя и бед.
Угонят тебя в край далекий.
Далеко от родной стороны
И служишь в бригаде Стрелковой,
На границе Германской земли.
Гоняют тебя как собаку,
От утра и до темных часов,
Так всю службу прослужишь
Не услышишь ты ласковых слов.
Будет взводный тебя бить по морде,
И фельдфебель ногою топтать,
Через них ты пойдешь в дисциплинарный,
Чтоб тюремную жизнь испытать.
В батальон ты ногою наступишь
Будет дикость тебя томить,
А потом все пойдет чередою
И ты будешь как прочие жить.
Будешь есть там горячую пищу
И не будешь разувши ходить,
А за это в награду начальство
Из тебя будет кровь твою пить.
Через них ты получишь чахотку,
В лазарете ты будешь лежать
И на волю ты будешь смотреть
Чрез решетку жену вспоминать,
Молодой ты жены не увидишь,
Не увидишь ты край свой родной.
Тебя товарищ снесут на кладбище
И зароют сырою землей,
Ждет напрасно старая мать,
Скоро, скоро вернется домой.
Нет не жди дорогая,
Спит спокойно в могиле сырой.

№ 4.

Германско-русский бой

Не представил нам снарядов
Сухомлинов генерал.
Он нажился в министерствах,
Много роскоши узнал,
Он изменник наш проклятый
Вновь Карпаты немцам сдал.
А его товарищ верный,
Мясоедов жил в штабах,
Он все время был шпионом
Для Германии у нас.
Первый раз предал Варшаву,
Там был немец генерал,
Он набил свои карманы,
Не простился и удрал.
У нас крепость небольшая,
Под названьем Осовец,
Она долго отбивалась,
Командир был молодец.
Понадеялась Россия,
На Брест-Литовские форты,
Но через три дня услыхали,
Что без боя все сданы.
Дым кругом, горит Россия,
Немец крепко нажимал
Мирный житель со слезами
В глубь России уезжал.
Что же братцы будет дальше,
Плачут матери, отцы,
Стонут жены, стонут дети,
Что нейдут домой бойцы.
Раньше думали про Берлин,
А теперь нельзя мечтать,
Будем думать про Варшаву,
Как у немца отобрать.
Вспомним братцы про французов,
Когда были уж в Москве
Но Кутузов был не немец,
Измен небыло нигде...

Раньше не было у нас сестер,
Но лечили все равно,
Попроси солдат напиться,
Кричит „дело не мое“...
Капитан идет с сестрою,
Да и поп себе нашел.
Генерал идет под руку,
Кричит шофферу: „пошел“...
Уж кому из нас придется
Возвратиться нам домой,
Всякий воин Вам расскажет
Про германско-русский бой...

№ 5.

Битва.

Когда Варшаву мы сдавали
Битва страшная была,
Пули жалобно там пели
От гранат тряслась земля;
Наши унтер-офицеры
Руководствовали полками
А господа то офицеры
Пили водку за буграми,
Пили разные мадеры
Спирт возили на заказ,
А нам измученным солдатикам
Пустые бочки на показ.
Наши славные генералы
Все чертили нам планы
В Белостоке в ресторане,
Позанявши все столы.
А сестрички, как лисички,
С крестом красным на груди,
Высоко подняли юбки
И бежали впереди.

Иван Егоров (в письме А. А. Степанову.)

№ 6.

Напишу тебе сказочку от делать нечего.

У царя царей
Много было денег и людей

Стал он думать и гадать
Как побольше гор набрать
Много гор они набрали,
А людей не посчитали,
Когда народу подсчитали
И горы не надо стало.
Хотя людей и потеряли,
Но ведь их не покупали.
А когда снарядов стало не хватать,
То ведь их пришлося покупать.
Когда снарядов не хватало.
Тогда Варшава в руках немцев стала.
Пропали горы и поля
И не засеяна земля.
Не надо нам землю,
Бог даст снегу,
Бог даст и землю.
Бог дал снегу,
но не дал землю
И не дал свету
и не дал тепла,
Но потом стали замерзать
Еще стали дальше отступать
Чем стали дальше гнать
Стали Россию пожирать

В письме Архипову Федору Ивановичу.
Златоуст, ряд. штаба 4-го Государ. ополчения.

№ 7.

Эх, жизнь наша не легкая.

От капусты кислой,
от прогорклых щей
Грустно и тоскливо
на душе моей
А в котле навару
нет уже следа
Знать на кошевара
подошла беда
Хлеба не хватает
нет уже крупы

У солдатов морды
стали уж тупы.
Всюду нас ругают
старшие бранят
Без толку гоняют
будто грешных в ад.
Польская картошка
в животе поет
То мяучит кошкой,
то козлом поет.
А поляк хозяин
все в карман глядит,
За пустяк картошки
шкуру снять хотит.
Доктор медицины
стал такой герой,
Пер(е)колол нам спины
и поднялся вой.
А душа изныла
об семье родной,
Домой не пускают
хоть ты волком вой.
Вот так положение
подошло для нас,
Это на утешение
написал для вас.

1916 г. В письме Капитону Махайловичу Васину, от сына.

№ 8.

Если каши нам дадут,
То не верьте—все не жрут,
Если будут ее жрать,
Нужно в воду помакать.
Я душой бы с'ел комлошки,
А там масла нет ни крошки,
А нам сала не дают
Все в России крючки жрут.
А в России тот крючек
Поплететься на толчек,
А когда пойдет обратно
Он несет в кармане клад:

Кто пятитку, кто десятку,
Это просто ему в лад
И прокормит он жененку
И корову за пятак.

№ 9.

Бывало в дни ненастные
В окопах я лежал,
С простреленной шинелью
Голодный я дрожал
Голодный, а нам хлеба не дают
Коли ротному доложишь по морде бьют.
Аэропланы днем летают,
Ночь прожектором светят,
А нам бедным пехотинцам
Не дают и отдохнуть
То в секрет нас назначают,
То в разведку выступать,
То под проволоку колючу
Заграждение прорезать
А как кончится сраженье
Нас погонят на ученье
Там гоняют нас и бьют..

В письме Андрею Молчанову в г. Покровске.

№ 10.

Замучил нас селедкин и сухой Воблин, даже на новый год они заявились. Замучились мы от таких товарищей. На счет Хлебникова плохо, Ивана Ложкина спросишь: „Когда обедать садишься". Ложкин говорит, что со мной делать, когда Хлебникова нет. Когда заспорят Селедкин с сухой воблой, кто из них чище, то господин Чечевицин говорит: „Оба вы хороши, если бы не я, а то я у вас дело смешаю".

№ 11.

Бедного солдата на кладбище несут,
К его бедной могилке родные не придут
И цветов на могиле слезой не обольют.
Только летней порой
Да поздней зарей,
Запоет на могилке певец соловей.

Паны и дворяне справляют вечера,
А бедный сын солдатки не жрал с позавчера.
Ты солдат защищай добро богачей,
А они черти гуляют до поздних ночей.
Дворянки там за чаем поднимают кверху нос
А солдатские жены косят пшеницу и овес.

В письме Прохору Дмитриевичу Дмитриеву г. Уфа.

№ 12

Да за чтоже берут нас в солдаты
И везут на чужбину страдать,
Выдают нам гранаты, винтовки
Заставляют народ убивать,
Разобьем какой нибудь город
Кровью алою землю польем...
Покалечат нам ноги иль руки
Многие в землю уйдут
И за эти тяжкие муки,
Знак или орден дадут
Эх ты бедный ты бедный солдатик
Ты не плачь по ночам втихомолку
Понапрасну слез горьких не лей,
Брось присягу,
Возьмись за винтовку
И начальство свое перебей.

В письме Анне Яковлевне Житковой.

Стихотворения тыла.

№ 13.

Забытая деревня.

Мирное собранье разогнал квартальный...
И передавая этот факт печальный,
Скромный обыватель терпеливо судит:
„Дума все узнает, Дума все рассудит;
Пусть для нас порядки старые не сладки:
Дума нам уставит новые порядки...
Надо все с терпеньем выносить без шуму,
Уповать с надеждой надо лишь на Думу“.—
Хлопнул губернатор мирную газету,
Говорит редактор, весть услышав эту:

„Ну и чтож потерпим—скоро лучше будет;
Дума все узнает, Дума все рассудит,
Дума перед властью выступит с вопросом,
И наверно будет губернатор с носом...
А пока скромненько, без большого шуму
Будем все надежды возлагать на Думу".
Распустили Думу... Поднял нос квартальный...
Бродит обыватель грустный и печальный,
Ждет опять погоды и сидит у моря:
—Негде даже выпить от тоски и горя.
Зато редактор в неприступном месте[1])
Только губернатор все на том же месте
И весьма резонно и разумно будет:
„Так бывало прежде, так и дальше будет".

1915 г. Н. Н. Ветлужский.

№ 14.

Привет и массу пожеланий
Простите долго не писал
Все время нет я так устал,
Днем дела мало, ночью-горы
Работаем мы точно воры
Все больше по ночам.
Питаемся иной раз-редькой,
Но все ж любя родину нашу
Едим мы больше щи да кашу.
Ну и жизнь одна потеха
Коль разорвешь там и прореха—
Горе нечем починить,
Как же дальше будем жить.
Ну купцы ну патриоты сволочь
Просто стыд один
Мало видишь барыша,
Обобрать до нагиша
Хотят русский весь народ.
Какой нибудь урод
Толстопузый губошлеп
На всю улицу орет.

[1]) Крепость-тюрьма.

Я дескать чистый патриот
Отдал тысячу рублей
На парадную войну,
А спросишь где он их взял
У сирот бедных отнял.
Было это и в старину
Брались люди за дубину,
На дорогу выходили
И сначала убивали,
А потом уж обирали.
Ведь тех людей ловили
На площади казнили,
А сейчас вот в наши дни
Патриоты де они.
Эх такому бы вот хаму
Пулю в лоб да к черту в яму.
Весь товар он поприпрячет
И сидит проклятый плачет.
Как де мне не горевать
Нечем просто торговать.
Нет их штрафом не пронять
Уши, ноздри надо рвать
И в Сибирь потом сослать.
И поверьте, что не мало
На Руси товаруб стало.

В письме Варваре Дмитриевне Слесаревой.

1916 г.

ПИСЬМА С ФРОНТА
ТАТАР-СОЛДАТ.

173

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Прежде чем дать письма периода империалистической войны татар-солдат, мы коротенько скажем об отношении к войне различных классовых групп татарской национальности. Начнем с татарской буржуазии, поведение которой во время войны чрезвычайно характерно для буржуазии любой национальности б. Российской Империи.

Еще во время революции 1905 года выявился тесный союз между татарской буржуазией и самодержавием. В годы послереволюционные он укрепился. Хорошо известно, что в период реакции муллы предавали в руки полиции татар, участвовавших в революционном движении. Свои взгляды и свою политическую платформу имамы (конечно, в союзе с буржуазией) так описывали Столыпину: „Мы мусульманско-татарский народ с давних времен составляли об-во, которое чистосердечно относилось, как к своему Великому Государю, так и к правительственным лицам. Мы, имамы, совершали молебствие в каждую пятничную молитву и желали долгого благоденствия, как своему Великому Государю, так и его верноподданным и высокому российскому правительству.... Мы сдерживали односельчан мусульман от дурных дел, и до сего дня прихожане очень слушались нас, потому что и наш Коран и наша исламская вера повелевают повиноваться Богу, Пророку его, правительству, слугам Государя и начальству по великим словам Корана (IV, 62): „Повинуйтесь Богу, повинуйтесь посланному его и тем из вас, которые имеют власть". Что мы хорошо знаем свою религию— известно всякому. По нашей вере исламской грешить против царя нельзя, нельзя и не повиноваться ему".

Это свое политическое кредо татарская буржуазия не менее четко выявила и в 1913 г., когда праздновалось трехсотлетие дома Романовых. Все буржуазные и национально-религиозные татарские газеты пели хвалу русскому монарху. Г. Газиз в немногих словах философско-исторически обосновал политику татарской буржуазии: „наши татары принимали участие в соборе, когда выбирали на трон России Михаила Федоровича Романова. Вот поэтому мы можем без малейшего сомнения сказать, что этот царский род является выбранным нами, нашим царем"[1]).

---

[1]) Ф. Сайфи. Трудящиеся татары накануне Февральской революции „Очерк по истории местного края" т. I К 1930 г

Поэтому нет ничего удивительного в том, что начало империалистической войны татарская буржуазия встретила патриотической манифестацией. Казанский губернатор сообщал в своем донесении начальнику Департамента полиции 19 ноября 1914 года: „в Казани... в состоявшейся 21 июля манифестации мусульман участвовало свыше 500 человек; манифестанты пели русский национальный гимн, совершали молебствие за царя, о даровании нам победы и вообще проявляли действительный под'ем патриотических чувств". Эта манифестация лишний раз показала наличие среди мусульман классовых групп, сотрудничавших с самодержавием.

Патриотические манифестации в начале войны и все отношение к войне татарской буржуазии не были неожиданными, но были, как мы видим, подготовлены процессом консолидации мусульманской буржуазии, как контрреволюционной силы, в предшествующий период.

Татарская буржуазия, духовенство, помещики-мурзы, хотя и принимали лозунг „единство тюрков", но тем не менее устами своего идеолога С. Алкина клялись во время войны в верности русскому государю. С. Алкин всячески доказывал, что выступление Турции против Антанты ни в какой степени не может ослаблять симпатию татар к русскому отечеству.

Оренбургский муфтий 14 октября и 11 ноября 1914 года в специальных обращениях призывал всех правоверных выступить на защиту России против Германии, Австрии и единоверной Турции:

„Русское государство есть наше отечество, дорогое и милое сердцу как нашему, сердцу мусульман, так и сердцу всех живущих в нем народов. Беречь его от врагов есть долг как для прочих наших соотечественников, так и для нас. И в настоящие дни многие сотни тысяч наших собратьев-мусульман, выпячивая грудь в рядах войск, проявляют против врага геройство, и за это самое дорогое наше отечество жертвуют собою. Какое количество их получают раны. На том же пути расходуются наши капиталы, добытые тысячами забот.

...„И во времена прежних войн, защищая отечество, русские мусульмане выказывали великие самопожертвования, и во время настоящих, происходивших перед нами событий, они, Бог даст, выкажут с избытком еще раз свой патриотизм".

Татарская буржуазия поддерживала войну и материально: устраивала сборы средств на нужды войны, открывала столовые, госпитали и т. д. В Петрограде существовал „Комитет помощи больным и раненым мусульманам всей России", который не только лечил ра-

неных и доставлял продовольствие на фронт, но также посылал в армию войсковых мулл, молитвенники и проч.

Выразителем чаяний татарской буржуазии и духовенства была мусульманская фракция Госуд. Думы, по случаю войны громогласно кричавшая и писавшая о желании отразить „дерзкое нападение врагов нашего отечества", посягнувших на честь, достоинство и целость его. „В полном сознании долга своего перед родиной мусульмане готовы на всякие жертвы и в полном единении со всеми русскими до конца будут бороться и защищать честь и целость России" [1]). В другом заявлении мусульманская фракция говорила: „Как в прежние годы войны так и теперь мусульмане беспрекословно предоставляют Российскому Государству своих отцов, сыновей, братьев и достояние для борьбы с внешним вагом. Отношение мусульман к настоящей войне вытекает из старых традиций, которые заключаются в том, что мусульмане, сражаясь за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с коренным русским населением. Теперь же перед лицом грозящей государству внешней опасности мусульмане вместе со своими согражданами проникнуты одним сознанием долга—твердо отстаивать с оружием в руках честь и достоинство русского государства и водушевлены одним желанием довести до скорого и успешного конца настоящую грозную войну" [2]).

Татарская буржуазия не боролась, как пыталась она показать, а торговалась с царизмом из-за прилично оплачиваемых государством местечек, из-за „своих людей" в государственных учреждениях. „Борьба за клиентов, за покупателей, за пациентов—выдается за борьбу за „национальные интересы" [3]).

Татарская буржуазия устами одного из своих журналистов в газете „Турмуш" [4]) № 217 за 1915 год прямо говорила: „Мы, разу-

---

[1]) А. Аршаруни и Х. Габидуллин, Очерки панислаиизма и пантюркизма в России, изд. Безбожник, 1931 г., стр. 49.

[2]) Там же, стр. 50.

[3]) Г. Сафаров. Национальный вопрос, хрестоматия, том первый, 1931 года, стр. 64.

[4]) Газета „Турмуш" „вообще старается подчеркнуть патриотизм местных мусульман. Приводя беседу с депутатом Ахтямовым в Каманган на суде над инородцами, обвинявшимися в происходивших недавно беспорядках, приводит слова прокурора: „В то время, когда Россия ведет такую тяжелую войну, инородцы не оказывают содействия. Когда отечество просило помощи, они открыто противодействовали". И, далее, с нескрываемым удовольствием газета отмечает, что Ахтямов обессилил обвинение прокурора своим замечанием: „Здесь вину отдельных

мется, прежде всего желаем, чтобы в государстве не было анархии—государство может существовать только при законах и порядке". В этих словах буржуазия, высказываясь „за порядок", выступает против революции. Своим классовым существом татарскаа буржуазия ничем не отличалась от буржуазии любой национальности. Татарская буржуазия, так же как и русская, инсценировала во время войны национальный мир в России. В действительности, этот мир потерпел быстрое крушение, что прекрасно видно на примерах репрессий в отношении башкир и других восточных народов, чрезвычайно усилившихся после восстания „инородцев" в 1916 году.

Можно привести очень много материала, характеризующего верноподданническое поведение татарской буржуазии в годы империалистической войны. Татарская буржуазия охотно присоединила свой голос к общему хору русской буржуазии, кричавшей: „Война до победного конца". Ларчик открывался просто. Как и буржуазия других воюющих наций, татарская буржуазия извлекала из войны великолепные доходы. Миллионеры Казани, Уфы и Оренбурга срывали солидные куши на военных поставках. Поэтому нет ничего удивительного в том, что война татарской буржуазией была принята с большим под'емом.

Полную противоположность этому представляло отношение к войне татар-рабочих. Татары-рабочие были в рядах революционного авангарда еще в 1905 году. Особенно это относится к татарам, работающим на Алафузовских фабриках, в Кукморе, на Кокшанских заводах, давно имевших большое число рабочих-татар и др. Эта революционная активность шла под руководством социал-демократов-большевиков Садыка Сагеева, Хусаина Ямашева и др. В Баку рабочие-татары, учавствуя в революционных выступлениях 1905-1907 гг., выдвинули таких руководителей большевиков, как Джагфар Якубов и Сибгат Гафуров.

Единым фронтом, рука об руку, русские и татарские рабочие выступили и против империалистической войны, несмотря на все репрессии и тяготы военного положения. Правда, эти выступления не были массовыми, но они все же показывают, что татарские и русские рабочие отрицательно относились к войне. Возьмем например дело слесаря Лось, возникшее в ноябре 1914 года.

лиц возводят на всю нацию"... (Из отчета Казанского цензора от 10/II 1917 г. д. № 27).

Слесарь Лось зашел для исправления водопроводных труб в чайную Горшенева. Присев за стол, он начал читать телеграммы о войне и „стал говорить противоправительственные слова, как-то: Солдатам не нужно ходить на войну, солдаты дураки. Ну, для чего вы идете на войну и для чего вам война [1]). Уходя на войну, вы оставляете свои семейства нищенствовать и голодать, а вернетесь назад калеками. Пусть даже война и будет выиграна, но вам все равно ничего не дадут, калек же будет сколько угодно. Раны ваши залечат, а потом выгонят вас на все четыре стороны и вы должны будете итти нищенствовать. Мы раньше без войны жили, дело обходилось. Да и эту войну не Германия нам об'явила, а мы об'явили Германии. Дураки, что в солдаты пошли; ведь вы только пушечное мясо и больше ничего".

Получается, как видим из этого показания, небольшая, но довольно складная речь, насыщенная определенным революционным содержанием. Грабительская суть войны в ней выявляется достаточно ясно. История эта стала скоро известна жандармерии. Лось был немедленно привлечен к ответственности по 129 ст. Уголовного Уложения и военно-окружной суд приговорил его в январе 1915 г. к высылке в Енисейскую губернию, куда он и выбыл в марте того же года [2]).

Это выступление не было единичным. Еще в сентябре 1914 года на заводе Алафузовых рабочий Мингазетдин (Мингазей) Шагиахметов выступал против вычета с рабочих процента в пользу раненых, а также агитировал против пожертвования на нужды войны. Работу эту он вел преимущественно среди татар прядильного и мотального отделений завода. „Он—говорила агентура—настаивает, чтобы никто из рабочих не соглашался на вычеты в пользу раненых, доказывая, что не следует поощрять бойни". Мингазей об'яснял рабочим, что жертвовать на раненых не следует: „Пусть их лечит тот, кто начал войну". Одновременно он энергично собирал деньги среди рабочих в пользу высланных партийных работников. А 24 сентября 1914 года и сам Шагиахметов был выслан из г. Казани в Самарскую губернию [3]).

---

[1]) Лось обращался к хозяину чайной, который призывался на войну.

[2]) Дело Лося приведено по статье Е. Медведева. журнале „История пролетариата СССР" № 7, изд. Коммунистич. Академии, 1931 г., С. 138.

[3]) Дело Шагиахметова также приводится по упомянутой статье Е. Медведева.

На этой же фабрике М. Шарафутдинов агитировал против пожертвований на войну. По словам жандармского управления он являлся социал-демократом.

Разумеется, агитация Шагиахметова, Шарафутдинова и др. имела на заводе большое влияние. Агентурные сведения говорят, что пожертвования в пользу войны на Алафузовском заводе собирались плохо.

Анализ жандармских данных, говорящих о настроении рабочих-татар в начале войны, приводит к выводу, что хотя татары-рабочие в массе своей открыто не выступали против войны, но настроены были резко против войны.

Против войны же были настроены и крестьяне-татары.

Бедняцкая и середняцкая части деревни более отчетливо, чем когда либо до этого, стали сознавать свои противоречия с кулацкой верхушкой деревни. Бедняки не могли не видеть, как богатая часть деревни могла по прежнему обеспечивать себя не только наемной силой, но и рабочими силами собственной семьи, освобождая своих сыновей от военной службы за взятки. Разоряя беднейшие слои деревни, война обогащала зажиточно-кулацкие хозяйства. Легче преодолевая трудности, вызванные войной, спекулируя хлебными запасами, прибегая к найму рабочей силы, не испытывая недостатка в живом и мертвом инвентаре, богатые хозяйства наживались на беде своих разорившихся соседей. Поэтому, естественно, среди бедняков и середняков имели место прямые и открытые выступления против войны в самом ее начале, заостренные также и против кулаков.

Интересным является архивное дело за 1915 г., № 287 „об обнаруженных расклеенными в г. Цивильске об'явлений о неправильности, будто допущенной при мобилизации ратников II разряда". В рапорте от 10 сентября 1915 г. помощника Цивильского уездного исправника самому исправнику сообщается о том, что в г. Цивильске распространены в $^1/_4$ листа бумажки, напоминающие прокламации: „Призыв к бунту против членов, заседавших в Воинском присутствии, за деньги освобождавших богатых". В прокламациях говорится о том, что бедному люду, поскольку он не в силах откупиться от мобилизации деньгами, остается одно—итти на смерть. Заканчивались эти листки обращением к населению с вопросом: „Справедливо ли это. Просим рассудить" [1]).

---

[1]) Полицейский надзор, посланный помощником исправника, нашел по городу еще одиннадцать расклеенных экземпляров, не считая тех, которые были приклеены на заборы, ворота и двери здания воинского присутствия.

Катастрофически увеличиваются дела „об оскорблении величеств". Дела судебной палаты за 1915 и 1916 годы представляют собой целый сборник „комплиментов" по адресу Николая II. Особенно щедро дарили их крестьяне-татары. Эти „комплименты" ясно характеризуют отношение крестьянства б. Казанской губернии к царизму.

Вот несколько фактов[2]) антивоенных выступлений в татарских деревнях. В одной деревне Мамадышского уезда, когда староста наряжал подводы для отправки запасных, крестьянин Нурмухаметов, отказавшись ехать, заявил: „Плюю я царю в нос, я не позволял царю делать войну, война не для меня, я не обязан царю людей таскать, я о войне не тужу, у меня своей работы много, надо жать". Случай был 22 июля 1914 г.

27 августа 1914 г. жандармское управление доносило о двух крестьянах Цивильского уезда—Шафигуллине и Мухаметове, которые говорили, что мусульманам России будет выгоднее, если она (т. е. Россия) будет ослаблена в войне.

Часто татары высказывались против сборов на Красный Крест и вообще пожертвований. Староста д. М. Шуя Галеев за об'явление Россией войны Турции назвал императора дураком, „дурной башкой" и добавил, приэтом, что до царя давно уже добирается его (Галеева) тесть Япаров, который, кстати, числился политически неблагонадежным еще с 1905 г. Мобилизованный Халлиулин в с. Тавелках Мамадышского уезда заявил: „наш государь мошенник, в чужое дело ввязывается, его надо застрелить". „Наш государь император—гадина; он не может воевать, германец у нас все завоевывает"—вел разговоры крестьянин д. Шанкиной, Тетюшского уезда Назмутдинов. „Нас государь все обманывает, говорил Файзуллинов из Мамадышского уезда, пишут, что наших мало бьют, а вовсе наших больше бьют, чем австрийцев... У нас государь дурак, из-за него у нас весь народ кончают". Староста д. Бурзан-Инги, Мамадышского уезда, Сагит Халиков в гостях хвалил немецкое оружие, немецкую находчивость и отличную тактику в военном деле, про государя же заметил, что он „ничего не знает, а только подставляет народ под огонь немцев, что надо бы его убить самого". Крестьянин дер. Миндубаевой Сиразетдинов в разговоре сказал: „Зачем мулла обирает народ, зачем собираются жертвы, народ живет бедно. Государь император все время клянчит. Если денег нет, так не надо начинать войну. Царь грабит народ поборами на Красный Крест". И т. д. И т. д.

---

[2]) Эти факты взяты из вышеуказанной статьи Е. Медведева.

Рабоче-крестьянское население Казанской губернии встретило войну, как большое несчастье и, конечно, не ожидало от нее каких либо для себя улучшений. Рабочие и середняцко-бедняцкие массы относились к военным действиям отрицательно, как правило желая поражения царизму.

Нежелание воевать выражалось и в фактах добровольной сдачи в плен. Имеются специальные дела, возбужденные против конкретных носителей такого своеобразно-стихийного пораженчества. Так, „несколько призванных по мобилизации нижних чинов с. Бездны, Спасского уезда (7 человек) при призыве их на службу говорили своим однобщественникам о том, что они не станут участвовать в сражениях, но, как только встретят неприятеля, то тотчас же перейдут на его сторону или сдадутся в плен". Позднее выяснилось, что они об этом говорили не только на словах, но осуществили и на деле. В первые же месяцы войны они попали в плен к австрийцам. (Дело канц. Казанского губернатора № 226 за 1914 г.). Аналогичный случай приводится о крестьянине д. Ивановки, Казанского уезда, который был участником волнений 1905—06 года и теперь, во время июльской мобилизации, тоже говорил, что „он не дурак драться, а сдастся в плен". По слухам в 1915 году он уже был в плену, о чем губернатор и сообщил в Штаб Каз. Военного Округа (Дело Канцелярии губернатора № 96 за 1915 год).

По всем данным подобные настроения, которые констатирует губернатор, охватывали значительные массы трудящихся татар. Недаром губернатор в заключении своего описания о настроении татар заявил, что „отношение к мусульманам местной власти остается самым бдительным" [1]).

Особенно усилились эти пораженческие настроения среди трудящихся татар после неудач на фронте весной 1915 г., когда русская армия под ударами германо-австрийских сил откатилась из Галиции. „В Поволжье, в Казани наблюдались случаи устной пропаганды „пораженческих" теорий и даже попыток распространить воззвания, призывающие мусульман „пробудиться от сна, пока есть время и случай" [2]).

В годы империалистической войны в Ядринском уезде имели место столкновения солдаток с землемерами на почве землеустройства. Аграрные движения в Ядринском уезде среди „инородцев" не были единичными фактами.

---

[1]) „Великая отечественная война", Казанская губерния 1914—1915 г.г. стр. 134.

[2]) „Великая отечественная война", стр. 154.

Достаточно вспомнить аграрное движение башкир в Уфимской губернии, движение женщин-мордвинок, которые в 1915 году в Краснослободском уезде толпой в 300 человек не допустили землемера к работам по отрезу земли отрубникам [1]).

Более крупные размеры носил бунт солдаток в Лукояновском у. Нижегородской губ. 22 апреля 1915 г.

„Антиотрубные бабьи бунты" разыгрывались во многих местах и б. Казанской губернии. Эти бунты говорят нам о борьбе крестьянства не только против помещиков, но и против своей деревенской буржуазии—кулаков, „владельцев" отрубов, хуторян. Нижеприводимый документ иллюстрирует это положение.

„ПРОШЕНИЕ [2]).

Его Высокопревосходительству Господину Губернатору.

От жителей дер. Шемякиной, Средне-Болтаевской волости, Тетюшского уезда, Казанской губ., Галима Измайлова, Мухутдина Джемалютдинова, Хамидуллы Насырова и Сайфутдина Бикбулатова.

Высокостепенному господину Губернатору. 25 апреля в казну были выбраны лошади в 14 военном конском участке Болтаевской волости, Тетюшского уезда. Из всей волости налажено к отправке 123 лошади. Эти лошади принадлежали крестьянам среднего и низшего состояния. У каждого из них, можно сказать, сыновья или на войне, или на чужой стороне, или умерли, так что мы остались без кормилец, а сверх того и без лошадей. Из нашей деревни Шемяковой взято 6 голов лошадей: первая у Галима Измайлова, их 2 брата, из которых младший вернулся с войны решительно ни на что негодный, сын на войне, лошадь у него взята в казну; 2-я у Хамидуллы Насырова, сын его на войне, лошадь взята в казну, и он остался без лошади; 3-я у Энвера Ахсанова, два его сына на войне, один из них умер, лошадь взята в казну; 4-я у Мингаджутдина Ахтямова, сын его умер на войне, лошадь взята в казну; 5-я у Мухутдина Джемалютдинова, из троих браьев двое на войне, лошадь взята в казну и он остался без лошади; 6-я у Сайфутдина Бикбулатова,

---

[1]) Шестаков. Очерки по с/х и крестьянскому движению в годы войны и пред Октябрем 1917 года, Изд. Прибой 1927 года, стр. 114.

[2]) Вестник общества Татарстан, № 3.

из трех братьев один на войне, лошадь его взята в казну. Эти самые бедные крестьяне остались без сыновей и лошадей, между тем как богачи нашей волости, состояние которых доходит до 20—30 тысяч, из 4—5 голов лошадей не дали ни одной; к тому же всему удивительно каждому, что сыновья их остались дома, как негодные. Как богачи оставили своих сыновей негодными, так же весьма умело они оставили и своих лошадей. 25 апреля выбрано к отправке в Тетюши из волости 123 головы лошадей, на глазах у всех от богачей приготовлено отправить в Тетюши 3—2 головы лошадей".

Власти были сильно встревожены выступлениями трудящихся против войны и яростно начали уничтожать „крамолу". Зачинщиков предавали военному суду. По официальным сведениям в Казанской губернии за первый год войны было предано этому суду 80 человек (фактическая цифра безусловно выше). Какова была судьба этих людей, так или иначе протестовавших против империалистической бойни, нам неизвестно за отсутствием источников (военно-судебный архив Казанского Военного Округа не разобран). Однако, поскольку эти суды действовали в Казанском Военном Округе чрезвычайно „решительно", а командующий войсками КВО генер. Сандецкий утверждавший приговоры, обычно настаивал на смертной казни, то легко догадаться об участи этих безвестных товарищей, поднявших свой голос протеста против гнусной империалистической войны и попавших под огонь скорострельной „юстиции".

Сделаем вывод. Рабочее и крестьянское движение в годы войны всюду проходило в духе большевизма. Большевистская партия всячески способствовала слиянию разрозненных выступлений в единый и мощный поток и увязке рабочего движения с крестьянско-солдатским восстанием против царизма. Ход событий за годы войны скреплял боевой союз рабочих и вооруженных крестьян, с одной стороны; союз буржуазии и помещиков с царизмом, с другой. Агитация против империалистической войны перешла в 1917 г. в активные действия против правительства и буржуазии. Ленинская партия показала способность перейти от общей агитации к руководству революционным выступлением.

* * *

Татарин-рабочий и крестьянин, попадая в армию, еще яснее, чем в тылу, оформлял свои антивоенные настроения, но дикая расправа за всякое „недозволительное" слово делала его очень осторожным. Но и при наличии такой осторожности солдат в письмах выражал свое непреклонное желание окончить войну.

„Особенно часто пишут о мире татары. Почти в каждом письме встречаются выражения: „скоро мир"... Не видно было в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узко национальное будущее. Сознавая, (хорошее сознание!), что „писать много нельзя, секут когда узнают, что солдаты правду пишут"— автор одного из писем тем не менее сообщает. „Терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет"—доносил казанский цензор 10 фев. 1917 г. Председателю Главной военной цензурной комиссии.

„Как характерное явление для писем татарских, следует отметить, что о победном конце войны, о необходимости выполнить постановленные перед Россией задания—приобретение проливов, Константинопля, полной победы над германизмом—совершенно не говорится".—сообщал в феврале 1917 года цензор г. Уфы Даулей.

Татарский солдат нес двойной гнет в царской армии. Помимо жестоких, исступленных издевательств и мордобитий, которым он подвергался наряду с русским солдатом, татарин нес еще груз своего бесправия и национального унижения. Если помещики-офицеры были просто звери в отношении русских солдат, то они были лютыми зверями в отношении татар. Да подчас и несознательные, наиболее отсталые русские солдаты вымещали в насмешках, презрении, а то и побоях свои полученные от офицеров наказания.

Наш сотрудник т. Юсупов, проведший всю войну на фронте и не раз получавший розги за невыполнеиие приказаний, рассказывает, что у них в 130 Херсонском полку в 10 роте взводный запрещал разговаривать по-татарски и собираться группами, ротный—бил за то, что, плохо зная русский язык, татары не умели петь „боже царя храни", (по-татарски петь запрещали), несознательная часть русских солдат дразнила татар турками и басурманами.

Удивительно ли, что в большинстве писем татар-солдат содержится: „долой войну". Откуда было взяться у татар-солдат патриотизму, откуда было появиться заботе о будущем России, о чем так печалуется цензор.

Татарская буржуазия и муллы напрасно уговаривали татар-трудящихся бороться во имя ислама за православную веру, царя и отечество.

Писем сохранилось немного. Отлично зная о расправе, „если узнают, что правду пишут", татары-солдаты были очень осторожны в письмах, ограничиваясь часто только сообщениями о своем здо-

ровье, заботами о родных и т. п. Зная, что цензура особенно бдительна к письмам „инородцев“, да еще написанным на родном языке и зачастую просто уничтожает их (письма), не читая, татары-солдаты старались передавать своим родным правду о фронте через товарищей, едущих домой лечиться или на побывку.

Мало сохранилось татарских писем еще и потому, что цензора широко пользовались правом задерживать (которое они толковали в смысле уничтожения) все письма, если „не представится возможным их прочтение“. Цензорские пункты городов Казанского военного округа, имея в большинстве случаев одного (были периоды, что и ни одного) сотрудника, знающего татарский язык, регулярно прибегали к задержанию и уничтожению определенного процента „инородческих“ писем. На это цензора шли с легким сердцем, так как на опыте убедились, что почти каждое татарское письмо „содержит недозволенные сведения или направлено против войны“.

Необходимо учесть еще одно обстоятельство. Мною написанных по русски писем татар (особенно, кряшен), носивших русскую фамилию прошло в первых восьми разделах сборника. Нам не удалось в этих случаях определить национальность авторов.

Татарских писем, повторяем, сохранилось немного. Но и они дают полное право утверждать, что татары-солдаты воспринимали войну как явно чуждую им. Шовинистическому угару поддалась значительно меньшая часть солдат-татар, чем русских. Муллы старались воодушевить солдат, обещая улучшение участи мусульман в случае победы России, но эта агитация имела ничтожный успех.

В февральские дни татары-солдаты активно искореняли всякие подвохи офицеров-приверженцев царского строя.

Очень быстро очухавшись от удушливой волны революционного оборончества, татары-солдаты, наравне с русскими, потребовали прекращения буржуазной войны.

Послефевральская националистическая пропаганда татарской буржуазии и мулл не пользовалась популярностью среди татарских солдат. Классовая солидарность росла и крепла. Татарин-трудящийся как на фронте, так и в тылу активно включался в борьбу, руководимую большевиками, против всяких, и русских и татарских, эксплоататоров.

Печатаемые ниже письма простым языком рассказывают то, о чем думал татарин-солдат в жуткие дни мировой войны.

ТАТАРСКИЕ ПИСЬМА 1914—1917 г.г.

№ 1.

ХАЙРУТДИНУ ФАХРУТДИНОВУ.
г. Казань.

Сообщил бы я о себе подробнее, да не велят писать. Братцы мои, дела наши плохи, но писать об них нельзя. Войска погибает многое множество: и от войны и от голода, и от холода.

Касим Хусаинов.
245 Бердянский полк.

№ 2.

Ф. МУХАМЕТОВОЙ.
Мензелинск.

Милая моя Фатыма.

Помнишь как мы мечтали с тобой 3 месяца назад. Я приезжал на побывку, службы оставалось полгода и я мог жить настоящей жизнью.

А теперь прощай жизнь. Я нахожусь на фронте.

Эх и как мы несчастливо родились. Война, надо воевать. Ничего не поделаешь, надо немцу дать по шапке. Русские вот веселятся им понятна защита родины, а нам мусульманам как то и не то. Но драться мы будем храбро, не хуже русских. Нас обучают атакам и боям ночью. Скоро в самый бой. Может и не вернусь я домой. Проси Фатыма, милости Бога, чтобы я вернулся победителем с гяурами.

Мухаметов.

21 сентября 1914 г.

№ 3.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „ТУРМЫШ".
Уфа.

Оставаясь без рук и без ног с раненой головой, даже мозги иногда вываливаются наружу, мы, мусульмане левого воззрения, стремимся в бой... В эти дни все мусульмане гибнут за славян и за икону... Во имя родины мы все мусульмане, рука об руку гибнем. Несмотря на это миссионеры стараются чтобы татары обезсилили, киргизы крестились. Кто оценит наши жертвы.

Подписи нет.

12 января 1915 года.

ПОСЛЕ БОЯ.

Убитые в ожидании погребения.

Пожар военных складов после отступления царской армии.

№ 4.

БОГАУТДИНОВОЙ.

Д. Азакеево.

Все города, которые мы взяли у Германцев и Астрийцев мы оставили т. к. нас оттуда выгнали. Все время мы отступаем назад, два месяца мы здесь не отдыхали, нам здесь и спать не дают, есть нечего и времени нет. От грома пушек мы уже ушами не слышим и остались совсем без ума. Мы здесь ходим как скотина. Эх и тяжело и не знаешь за что. Для кого мы землю завоевали и для кого отдаем.

Богаутдинов.
Штаб 7 армейского корпуса.

Декабрь 1914 г.

№ 5.

КИЯТДИНУ ФАХАРДАНОВУ.

Наше положение очень тяжелое, Германцы воюют очень хорошо сытые, а мы против их наполовину, у них много снарядов и пулеметов, они этого не жалеют, мы на них смотрим, а они стреляют, и так много бывает убитых, что никто не пересчитает, целыми горами. Города которые мы взяли у Австрии теперь там хозяйничают Германцы, а нам приходится из Галиции убираться. Если бы Вы знали наше положение как мы здесь мучаемся, то вы бы от жалости умерли.

Галямутдин Фахарданов.
221 Рославский полк.

№ 6.

ШАМСУ-МУХАМЕТУ.

Казань.

Для мусульман назначили в каждую армию по одному мулле. Назначенный в нашу армию 3-ю мулла с разрешения командира всех солдат мусульман собирает в ближайшее село, читает молитвы, увещевает нас и доказывает, что счастлив тот, кто ляжет смертью великих наших пророков. Радуйтесь ребята, говорит мулла, что Бог сам привел вас сюда умереть смертью пророков за отчество, за будущих детей ваших и за царя. Сражайтесь с врагом до последней капли крови. Это завет великого нашего пророка Магомета и вы должны это исполнить в точности.

Подписи нет.
105 Артиллерийский полк.

№ 7.

С. СУЛТАНОВУ.

г. Челябинск.

Я уж кажется пятое письмо посылаю, а Вы молчите. Неужели письма не доходят, ведь я и писал то самую пустяковину. А ведь как хочется с кем нибудь поделиться переживаемым, здесь не с кем. Я в роте один—татарин. Еслиб было несколько, мы могли бы постоять за себя, а то одни насмешки. Взводный у нас, правда, не драчун, но издевается страшно.

М. Якупов.

15 января 1915 года.

№ 8.

ГАРИФЕ СИРАЗУТДИНОВОЙ.

д. Б. Амиак.

У счастливых людей из 3-4 сыновей ни один не бывает солдатом а мы несчастные из 4 братьев трое стали солдатами. Старшие писали, что из за этого у них надрывается сердце. Что же делать, близок локоть, да не укусишь. Теперь скажу и тебе мама и сестре Фатыме—ничуть не печальтесь. Возмите да отрубите, хотя бы и кричал, два пальца у Галима. Если бы я избавился от рук неверных, я даже одну руку отрезал бы у Галимуллы, чтобы не дать ему испытать нужду. Да даст мне Господь Всевышний малую толику хлеба насущного да краткого путешествия. Да судит он вернуться домой в скором времени, по получении раны. Да не покажет Господь Всевышний нужду, которую я испытываю, и врагу моему.

Закир.

11 марта года. 1915 Гатчинский полк.

№ 9.

Ф. ДАВЛЕТЯРОВУ.

д. Аит.

Дорогой товарищ Фатых.

Я из города Темира поехал домой и жил дома около недели. Знаешь из за проклятой войны пришлось бросать самую любимую работу, а ведь уже стал было работать машинистом. И вот поехали на призыв в город Стерлитамак. Не успели мы показаться разные чиновники показывают пальцем дверь. Видели Тукаевых, богачей

нашей деревни, тоже приехали на призыв, уж они подмазали, где надо, и нашли причины, оставили их совсем негодными, а на самом деле здоровее нас.

Верна пословица—дела богача везде как масло. Их бы нужно в первую очередь. В Уфе нас около 3-х недель обучали, потом отправили на Германский фронт, как прибыли в г. Двинск, прямо в бой Пока здоров. Рассказывают, что до нас здесь положили несколько полков. Не знаю за что нашего брата так режут, и ты на этот вопрос не можешь, наверно ответить.

Богатые сюда носа не показывают.

Пока всего хорошего. Я тебе написал открытку и там указал адрес. Пиши по этому адресу,

Юсупов.

15 марта 1915 года.

№ 10.

ШАЙХУТДИНОВУ.

г. Арск.

Второй год страдаем на этой проклятой войне. Да хоть бы удовлетворяли всем, да относились по человечески. А то на родном языке не говори, рыло под кулак подставляй. Вот немцы те знают, за что воюют. У них вон и генерал по имени обращается и в окопы приезжает. А у нас совсем на оборот..... Да еще вот татаризм мой. Хотел в школу прапорщиков—не взяли. А вот мулла говорит, что мусульманам будет польза, если Россия победит. Может что и будет, да толк то какой. Нет уж, лучше бы кончали войну, раз начали. Приехал бы я домой и не надо мне никакой победы. Здесь многие так думают и русские и мусульмане. Начальство вот только не хочет. Им все больше и больше надо. Завидные. А среди начальства совсем нет мусульман.

Бикбулатов.

№ 11.

МЯДИНЕ НУГАЕВОЙ.

г. Уфа.

Тяжело здесь жить, холодно есть нечего. Нам дают чечевичную похлебку; хлеба нехватает. Хорошо что я не один. Мы мусульмане живем дружно, как одна семья—у кого что есть, кушаем вместе, другие завидуют нам.

Балимзан Сибалхалгулов.
603 полк.

№ 12.

ГАЛИУЛЛЕ МУРАТОВУ.

г. Илецк.

Как здоровье Галиулла.

Ты теперь наверное радуешься. В мирное время тужил все время беспокоился. Если бы я тебе написал, что я видел и пережил, то ты удивился бы, пришел бы в ужас.

Знаешь здесь как во время молотьбы подают барабаном снопы— так и здесь только знают, из тыла в бой гоняют вот как дружок здесь.

Если от нас за 80 и 100 верст идет бой, то нам слышно все как гудок, а ночью видно как молния. Несмотря на то, что живем под страхом смерти еще нас мучают своими разными наказаньями.

Вот недавно нескольким моим товарищам дали по 25 и 40 плеток. Причина та они честь не отдали. И эту штуку мне тоже пришлось испытать. Например я и еще трое товарищей во время похода ели неприкосновенного запаса—сухари и консервы. И вот за это нам дали по 25 ударов. Знаешь в Мектебах когда нас учителя пороли сверх одежды и одним прутом несколько раз, а здесь сколько в приказе столько прутьев и прямо на голое тело за то, что $1^1/_2$ ф. сухарей и банка консервов (с'ели).

Пища очень плохая, дают тухлую рыбу с чечевицей. И вот, сидим, думаем. Незнаем на кого идем. Когда нас на фронт отправили говорили за отечество и за царя, ничего нам не понятно. На родном языке разговаривать не разрешают, как начнем говорить то сейчас же кричат „эй вы турки, некрещеные нельзя" и вот дружок тысяча раз хуже чем в плену.

Ну дружок если писать тебе подробно, то бумаги не хватит я такое письмо 2-й раз пишу наверно не доходит.

Подписи нет.

28 мая 1915 года.

№ 13.

ВАЛИТОВУ.

г. Симбирск.

Мирсадык, нас обижают, ужасно строго на волю не пустят не почитают за собаку. Не чего дело не выдет. Сколько потерян кровь. А что касается до меня то что я жив и здоров. Временно строим мост через реку Сан в город Перемышлю. Ротный командир безумное как осел. Такой дурак но если бы по цывильности

то бы и в пастухи не годный. Спит всегда день и ночь и без подштанников. Залазит в мешок и раздевшись спит нагой прямо сказать не ребенок а наказание, одним словом бог наказал дураком а затем сколько он голодных нас мучил в походах и теперя люди у нас без шаровар остались у всех рваныя, даже совестно от австрийцев. Затем теперя у нас на каждого брата по 35 руб. порционныя и чайныя от наших инженеров дровянные, всю зиму жидовские халупы топили (тойсь ломали) и у бедняков всю картошку поели бесплатно и эти деньги все у него с делопроизводителем, одним словом тысячи денег солдатских пропадают у них. Отдачи и помину нету а просить нету никаких людей, такая темнота собрана прямо веревки вьют из нашего брата но если обо все писать даже бумаги нехватит. Пока жить можно воздух прохладный но не знай что дальше будет во время жаров по расположению разной падали, пожалуй большой смрат подымется, кроме мелкой падали еще очень много Австрийцы своих лошадей постреляли и совсем не глубоко зарыли, даже тысячи наружу видно. А народ не очень опрятный вокружности да еще у всех голод, хлеба совершенно нету и картофель все поедено войсками а россия не поспевает всего доставлять. Больше новостей пока никаких да и время не позволяет, отдыху совсем в нашей беспорядочной роте не имеется. В свободное время разные гимнастики проделывают как молодые солдаты и строевые занятия. Твой друг Ш. Мухетдинов.

№ 14.

МИНХАДЖИНУ СИРАЖЕТДИНОВУ.

д. Минаево.

У нас в окопах вода и по колено грязь, нам здесь сидеть нельзя, все время день и ночь стоим на ногах. Германцы сейчас очень бьют наших солдат снарядами. Теперь по всему фронту наши дела стали хуже. Наши начинают отступать по всему фронту. Вы спрашиваете, что наши солдаты здесь кушают, они кушают всякую дрянь. Здесь хорошего ничего нет, если описать все наше здешнее положение, то Вам и нам будет плохо. Германские окопы сделаны очень хорошо, в них сухо, а в наших окопах все солдаты болеют, а германцы сидят в окопах, как у себя дома, вот поэтому у них дело все вперед, все они одеты, сыты, в порядке и оружия у них много.

Сагатдин Михатдинов.

Май 1915 года. Донской полк.

№ 15.

ХАЙРУЛЛЕ МАЗИТОВУ.

Казань.

Встаем в 3 часа утра и с того же времени начинаем учение, которое продолжается до 10 ч. утра. Учиться очень тяжело, приходится и плакать. Проситься в отпуск командир не разрешает, очень человек—плохой. Я повидавшись с Вами желал бы умереть. Очень тяжело. Одну бы минуту не жил здесь, но нечего делать. Ем и плачу. В прежнем месте я жил по крайней мере сытно, а здесь все время живешь голодный. Если я счастлив, то буду ранен, а если не получу раны, то значит, я несчастный и живым не приеду домой. Был бы рад если бы без одной ноги приехал, чем так мучиться здесь и чем умереть и лежать в сырой земле. Целый день и целую ночь бегаешь а на спине у тебя до 3-4 пудов вещей. Габдулла.

№ 16.

ХАЛИУЛИНУ.

Я служу не по своей воле, а под угрозой кяфира и здесь раненых без счета. Я один среди кяфиров. В бою под Лодзью с нашей стороны участвовало восемь корпусов, но Германцев тоже не меньше наших. Мы потеряли около 4-х корпусов убитыми кроме того многие из наших охотнее пошли в плен, таких прямо без счета, так как солдаты очень уморились при преследовании неприятеля.

Подписи нет.

№ 17.

ШАГИСЛАМУ ЗАБИХУЛЛИНУ.

д. Еушавой.

Русские солдаты кричат ура и бегут к германцам, а германцы вместо ура отвечают снарядами. Германец идет в наступление темными ночами, а наши спят, не имеют пулеметов, благодаря чему и пропадают. Когда мы идем в атаку мы только кричим ура, а пуль у нас не хватает. По трое суток нам не дают отдыху, бываем голодными тоже по трое суток, вследствие чего бежим назад, ходили мы в Галицию, Карпатах, но там у нас ничего не вышло и нам пришлось отступать назад. Германцы в Перемышле помогали Австрийцам, они нас так захватили, что мы бежали в одном белье без винтовок. Когда наши обозы идут, то германцы их уничтожают благодаря чему мы остаемся голодными.

15 декабря 1915 года. Камелетдин Шагисламов.

№ 18.

ГАЙФУЛЛЕ САЙФУЛЛИНУ.

Казань.

Живем полуголодные, есть мало дают. Врага бьем слава богу, но бьем их так, что у них погибает два а у наших сто. Многие из наших остаются без ног и без рук.

Гарифзян.

№ 19.

ГУБАЙДУЛЛЕ САЙФУЛЛИНУ.

Казань.

Житье у нас здесь очень плохое: дают фунт хлеба, да и тот не берет нож. Едим вонючую рыбу, да гнилую капусту. Как попали сюда с тех пор бани не видели. Рубах и штанов не имеем совсем обовшивили. Вши выползают даже наружу. Через два месяца мы никуда годиться не будем, денег ничего не осталось. Дела наши весьма плохи мы как арестанты, лучше бы умереть, скорее на позиции.

Подписи нет.
140 пех. зап. батальон.

№ 20.

АХМЕТОВУ.

Казань.

Живем плохо, приходится делать 20 верст пешком и без отдыха. Солдаты при себе имеют около 2-х пудов багажа. Отставать нельзя. Устаю очень и болят ноги. От места боя находимся в 8-ми верстах. Как говорят, бой идет очень сильный. Здесь снег начал таять. У нас в Казани снеговая вода бывало светлая, а здесь будет совершенно другого цвета, а именно красная. Таким образом здесь с тела человека красная вода вся истечет. Жизнь солдата сплошное мученичество спит в холоде, пища плохая, кругом грязь, ругань начальства. По газетам не верьте, а то у Вас и так представление о войне неправильное. Газеты же одно вранье.

Байрамгалей.
Пулеметная команда.

№ 21.

ХАРИСУ ГАБДРАХМАНОВУ.

Казань.

Куда не пойдешь дружок везде германцы. Очень опасно. Вот недавно чуть спасся от них. Вот на днях ждем: будет сильный бой и что будет тогда не знаем. Дружок. Эй, Дружок. Таки живем ведь голодные: удивился бы ты дружок видя мое лицо. Скорее ранили бы меня, или смерть бы пришла: измучился я совсем. Нет терпения от холода, голода и вшей. Да Дружок суждено же мне испытать.

Подпись не разборчива.

151 пех. Пятигорский полк.

№ 22.

АХМАДЬЯНУ ШАФИКОВУ.

д. Новояринская.

Нам говорят здесь что нужно победить неприятеля, но как и чем мы его победим, когда по трое и четверо суток бываем голодны. Голодный никак не подвинется вперед. Нам на семь человек дают один каравай черного хлеба, а иногда и этого не дают, а только дают гороховый суп.

15 сентября 1915 г.

Хадык Шафиков.

136 пех. Таганрогский полк.

№ 23.

ШАМСУТДИНУ ГАРИФОВУ.

Казань.

Мы находимся в лесу на позиции, в день выпускаем 15-20 снарядов, германцы нас не видят, а мы их хорошо видим. С передовых линий возвращаются раненые, народ погибает, хотя мы утешаем себя тем, что война кончается скоро, однако бои идут и народ все умирает, а на пополнение убыли свежих все набирают.

Как же окончится эта война: окончилась бы она, если бы мы взяли Берлин и можем ли мы его взять летом, А может мы отдадим еще и свой Берлин. Ходим в баню, но от вшей никак не можем избавиться и откуда она берется на позиции.

Подписи нет.

№ 24.

САБИРЗЯНУ.

Казань.

Милые родители. Здесь трава и хлеба хороши, и трава косится хорошо и хлеб жнется хорошо, но хлеб жнут больше враги, чем мы,

а косим одинаково. Прошу Бога только об одном, чтобы скорее меня ранили либо серпом, либо косой и тогда я на некоторое время избавился бы от здешних полевых работ. У врага и серп и коса очень острые. Подписи нет.

№ 25.

Ш. САЙФАВУ.

д. Малый Сумбат.

Испытываю я всевозможныя мучения: ложусь и погружаюсь в разныя мысли. Работы очень тяжелые, отдыха нет и враг перед носом. Мне родина не мила. Где моя родина. Мы находимся около Минска—в лесу очень холодно и сыро: дождь и снег. У меня уже волосы стали седеть. Хакимзян.

№ 26.

КАМАЛЕТДИНУ АБДУЛХАБИРОВУ.

д. Таймирово.

Мы здесь живем очень плохо, в солдатах служат только проклятые люди, в солдатах хорошим людям служить не стоит. Война нам надоела, что от нее нет пользы, кроме убытка. Лучшего ждать нечего, каждый день все хуже и хуже. Мир необходим. Сейчас мы находимся в деревни Лайнице Минской губ. Подписи нет.

1-й Пограничный Рыпинский полк.

№ 27.

ИСМАИЛОВУ.

Уфа.

Вот вчера сюда приехал генерал, только не бригадный. Сделал осмотр и все роты обошел спрашивал: нет ли жалоб. Небойтесь, скажите. Я и тут побоялся сказать, потому что еще до выхода на смотр крепко было наказано: Сказали, что если есть у вас жалобы, то скажите. Если же вздумаете сказать там то таки и знайте, даже и до роты не дойдете. Наш ротный очень злой, в особенности для гололобых. Уж братец ты мой сколько не говори, то чего мусульман солдат так мучается, так убивается-мается и так много терпит—страдает. Это принадлежность его к татарскому народу, тоесть не умение говорить по русски среди русских, как русские или даже лучше русского. Подписи нет.

103 пех. полк 13 рота.

№ 28.

Ф. ХУСНУТДИНОВУ.

г. Мамадыш.

Вчера я получил георгиевский крест. Ходили мы давно уж в разведку и сняли австрийский дозор. Обещали, обещали и вот дали. Ротный сказал, это тебе Шакир, хоть ты и татарин и песни петь не умеешь, знай, что за русским царем служба не пропадает. Теперь тебя бить меньше станут. Вот я и думаю. Георгиевский крест всетаки защита, а то все подзатыльники и ругань. Шакир сходи за водой, Шакир топи печку, Шакир сторожи. Все меня заставляют, а потому что я мусульманин. Теперь не будут.

15 декабря 1915 г. Ш. Фаткуллин.

№ 29.

А. МУХАМАДИЕВУ.

д. Трубкинская.

Теперь нам наверное не придется вернуться домой, наверно на весну придется здесь остаться. Теперь наша служба с каждым днем становиться все тяжелее, раньше говорили мы, что нам плохо, а если бы знали мы что будет еще хуже, то сказали бы, что тогда было хорошо. Нам очень плохо, живем хуже собаки. По трое суток ходим голодом, в воде, день и ночь без отдыха. Такую нужду можно видеть только на проклятой службе. Одежды у нас и хлеба не хватает, а все воюют и не думают кончать войну, а если война будет продолжаться еще, то совсем уже останемся без ничего. Всем нам требуется мир и только мир.

20 января 1916 г. Саифетдин.

№ 30.

АЛИЕВУ.

Златоуст.

Чувствуешь ли ты, что нас здесь скоро покончат, нам еще хоется жить на свете. Я попал в очень плохой полк. Здесь беда, ежедневно новый приказ: если в плен попадешь—расстреляют, если ногу отморозишь, то под суд попадешь. Потом говорят, что мир до тех пор не будет, пока немца не выгонят. Ротный Командир у нас очень злой, а подпоручик злой особенно на татар. Здесь прапорщики и фельдфебеля незаслуженные на войне, а так и ничего не

знают. Нас теперь учат, как обращаться с японскими винтовками.

Раньше мы были на Двинском фроите, а теперь хотят куда то перегнать.

Подписи нет.
12 Сибирский стр. полк.

Февраль 1916 года.

№ 31.

Х. МУХАМЕТОВУ.

Уфа.

С 20-го декабря до 20 января были сильные бои. Бедные наших погибло много. Я остался здоров, что у вас говорят о конце войны, Нам так надоело. Что бы там не было нас бы только отпустили. Чего им надо. Мне ведь ничего не надо. Узнай в городе от своих что думают о конце войны. Наши говорят: Беда, если еще придется, идти в битву, откажемся.

Шайахметов М.
12 Сибирский стр. полк.

28 Февраля 1916 года.

№ 32.

ГЕЙНИХАЯТ ГАЛЯМУТДИНОВОЙ.

Уфа.

Живем в окопах жизнь наша плохая: пищи нашей и собака не станет есть, подобие рыбы и воды. Киафр постом не захочет есть нашу пищу, что говорят о мире. Скорей бы нас отпустили. Вы пишите, что Ганий побывал дома, будто он убежал из роты; мне никак нельзя убежать: нас во всей роте только двое мусульман, заметят.

Подписи нет.
12 Сибирск. Стр. полк 15 рота.

№ 33.

ШАМСИБАНЕТ УРАЗМЯТОВОЙ.

Уфа.

Там тяжело, но и здесь очень тяжело теперь. Пусть будет известно, на днях прошел слух: говорят цари мирятся. Пусть мирятся или воюют между собой, нас бы только освободили, надоело.

Уразматов Хусиндин.

№ 34.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ „ТУРМЫШ".
Уфа.

Как это унизительно: мы взятые из миллионного народа не имеем для чтения родной газеты и журналов. Неужели мы хуже других. Не нужно забывать, что нас 25 миллионов.

Калимуллин.

№ 35.

ЗАКИРУ КАДЫРОВУ.
Уфа.

В эти дни в полку до пятисот мусульман. Среди них есть люди с развитым сознанием. Часто приходят просить газету и журналов. Отказ раздражает их и высказывают обиду: неужели их голос отчаяния не дойдет до сердца наших родных.

Мухметджинов.

№ 36.

Г. КАМАЛЕТДИНОВУ.
Казань.

Рана зажила, чувствую хорошо. Хотел ехать домой—не отпускают, видно, „татаризм" мешает. Доктор человек злой.

Назмутдинов.

№ 37.

НАСЫРОВУ.

Был приказ, чтобы за мусульманами установить строгий надзор, так как мусульмане будто намереваются сдаваться в плен, поэтому на одного мусульманина назначили для надзора по одному русскому солдату. Нам мусульманам, это очень оскорбительно и позорно, почему мы все пали духом, так как мы все как русские проливаем кровь. Если возможно, сообщите эти сведения редактору газеты для сообщения мусульманам. Подписи нет.

№ 38.

ГАТАУЛЛЕ ШЕЙДУЛЛИНУ.
Ст. Чишма.

Сами находимся в сорока верстах от Риги к западу, позиции находимся уже 3 месяца и когда нам дадут отдых неизвестно. Не-

мецкие окопы на другой стороне Двины, а наши на этой стороне, расстояние между нами и немцами очень близкое. Что говорят немцы нам слышно. Они кричат нам: „идите сюда, мы накормим Вас. А мы кричим: Вы идите к нам, мы Вас хлебом угостим". Пока мы так кричим друг другу, а пожалуй скоро мы пойдем к ним в штыки.

Подписи нет.

№ 39.

Ш. МУСИНУ.
Казань.

23 мая вечером начались по всей линии такие бои, какие мы до сих пор не видали. Бились с австрийцами беспрерывно двое суток. Взяли мы 15 тысяч в плен. 7 пушек, 148 пулеметов и массу других военных принадлежностей. Сам я ранен в плечо и в ногу навылет, очнулся только в больнице. Прихожу в себя и вижу: около меня сидит товарищ мой, с которым я раньше вместе ходил—это русский Андрей. Оказывается когда сразило меня пулей он со мной рядом был. Когда я пал в безпамятье он не забывал меня. Сам он бедняга все стрелял в врага, а меня носил все с собой: то положит на одно то на другое место и давал мне пить воды. Я это ничего не помню. Наконец, когда наши пошли вперед за врагом, он сдал меня в лазарет. Вот какой человек Андрей—хотя и русский. С русскими вместе страдаем и вместе будем войну кончать, чтобы мир скорее был.

Гариф.

5 июня 1916 года.

№ 40.

АГАПУ САДЫГЛАЕВУ.
д. Дмитриевка.

У нас такие новости—нашего полку из седьмой роты стояли 4 человека на посту и они сговорились убежать в плен, бросили они винтовки и побежали ночью в 2 часа и побежали они и попали в окопы, они думали, что это австрийцы, а это наши ставропольцы. Этих троих поймали, а четвертый убежал в плен. Этих троих привели к нам в полк, утром 1-го декабря и тогда им сделали допрос и привели в штаб полка и держали их три дня, а на четвертый день приказ пришел, что их к расстрелу и накануне Николая угодника их стали расстреливать: поставили три столба в поле и

повели расстреливать и в это время было народу солдат и мирных жителей... глядели. Вот когда они подошли каждый к столбу и надели руки в петли в веревки, тогда к ним подошел поп полковой и их благословил и тогда они стали прощаться со всеми нами и кричали: „прощайте товарищи, мы уже уходим на тот свет“...

Когда их расстреливали офицер скомандовал всей седьмой роте: „пли“ и они выстрелили три раза и всех убили. Стреляли в 16 шагах. Я и многие из нас плакали. Подписи нет.

№ 41.

МУХАМЕТДИНОВУ.

д. Абсолямово.

Не слышно ли, что о мире, у нас ничего не слышно. Нам баталионный командир сказал, что пока свою землю мы не вернем— мира не будет, а чем будем завоевывать нам не говорят и мы тоже не знаем. С самого начала войны наши лучшие силы выбыли, остались на позиции одни дети да старики. Теперешние солдаты не только неприятеля, но и своих генералов боятся, сидят в окопах и плачут. Когда из окопов мы идем на отдых, то многие не могут нести винтовок им мешки им помогают другие солдаты. Этими детьми обратно земли не вернешь и скорее они попадутся сами немцам.

Кафафетдин.

июнь 1916 года.

№ 42.

МИФТАХУТДИНОВУ.

Говорим мы здесь только о мире. И зачем это воюют. Немцы бы жили на своей земле, русские на своей, мусульмане на своей и войны бы не былой. Вот и говорят солдаты, что самим мир устроить и самим жизнь завести, чтобы все были одинаковы и русский и татарин.

Джамелитдинов.

№ 43.

З. ИМАНЯЕВОЙ.

Царицын.

Дорогая Зайнаб. Я пока жив и здоров, того и тебе желаю. Затем, я оправдался от известного дела, а то совсем пропал было, Вы сами хорошо знаете от чего пропадает солдат, троих осудили

на каторжные работы по 15 лет каждого, одного казнили, я был пятый, но почему то меня оправдали. Дорогая Зайнаб, я еще собираюсь убежать, что будет, то будет, смертей не три, а одна.

Карим Абдулл.

№ 44.

ИСЕНГУЛОВУ.

д. Калкаш.

Посылаю тебе карточку: Я этот снаряд нашел, вот меня ротный и снял.

Ты мне ничего не пишешь. Теперь боев нет, скука особенно одолевает. Солдаты рассказывают разные случаи, у нас недавно пригнали солдата Борисова, рабочего с тульского завода Морозова. И вот он потихоньку рассказывает что война начата богатыми, чтобы капиталы наживать. А мы дураки воюем. А что немец, что русский. что мусульманин все одинаково трудящиеся. Борисов любит меня, До него солдаты все насмехались надо мной, дразнили свиным ухом и некрещенным, а теперь мы приятели. На днях пришел приказ-грамотных послать в учебную команду. Фельдфебель подходит к Борисову—ты ведь грамотный. А вам кого, министра что ли надо. Ну, этот не подойдет—бурчит фельфебель. Почему, говорю, ты Борисов не идешь в учебную команду. Да вояка я плохой.

Хороший он человек, только начальство его не любит. Он больной, стоять прямо не может. Его взводный все бьет. И он молчит. Хоть и злится, а сказать нельзя...

Скоро наверно на передовые позиции, а то без боев то изнежимся. Если Ахметова не взяли, то скажи, чтобы он постарался не ходить.

Мусин.

15 июля 1916 г.

№ 45.

М. ГАСИНОВУ.

д. Стерлибаш.

Вот нам еще пригнали новых. Среди них есть такие ребята, что прямо говорят нам потихоньку—что Вам здесь товарищи до каких пор будете и будем эту кровоточивую работу вести, а ведь в деревнях никого не осталось, там исключительно старики да женщины.

12 января 1917 года. Подписи нет.

№ 46.

ИСМАГИЛУ АХМЕДУЛЛИНУ.

Мы каждый день ждем мира и даже видим его во сне, его ждет, мне кажется, не только мы, но и весь мир. Война всем надоела. Дело приближается к весне, что она нам даст, я надеюсь, что она дасть нам мир, а не даст так мы сами сделаем.

М. Х.

12 февраля 1917 года.

№ 47.

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА „ШУРА".

Пусть пройдет эта угнетающая темная ночь. Пусть восходит светлое и яркое солнце. Будет уже, не мало пролито крови и потублено несколько миллионов людей. Почему люди убивают друг друга. Ведь они родные. Когда кончится это зверство. Эй Бог. У твоих рабов нет родства, нет милости ни любви. Проливают кровь и слезы.

Макаримов Идрис.

18 февраля 1917 года.

№ 48.

ДАУТУ СУЛЕЙМАНОВИЧУ БАКИРОВУ.

г. Оренбург.

Пока мы живем спокойно чрезвычайно важных известий нет. Служба тяжела. Что делать: думаю подождать. А то это проклятое положение надоело. Будет ли конец этому или оно продолжается до светопредставления. Пора бы уж притти к какому нибудь исходу. Не знаю, когда взойдет солнце свободы. Ох несчастная судьба, когда же мы освободимся от когтей ея. Трудно бывает писать, когда не спокойно душе твоей и когда сгущается кровь твоя.

Мухтаров.

№ 49.

ШАШМАРДАНУ ГАЛИЕВУ.

д. Камаргузы.

Пока у нас здесь работы прекратились, все рабочие сразу отказались от работы. Говорят что с 24-го начнется большая забастовка 25, 27, 28-го лавки и магазины не открывались. Все ждем, что только может случится. Настроение у всех очень тревожное по ночам

не спим. Каждый день полиция гонит народ на работу, но народ не зная смерти, отказывается—не идет на работу. Шахта пока закрыта. Отчего это так случилось и из за чего все это—никто не знает. Рабочие уже одного полицейского убили.

Габдул Галиев.

№ 50.

А. Р. САМСОНОВУ.

На этих днях ждут в городе больших забастовок поэтому пограничное войско и сейчас вооружено, лошади оседланы, по ночам даже не спят; если и спят то по очереди. Народ сильно расстроен. Пишите по адресу—г. Ревель Малая Перновская д. № 11 кв. 3. Дмитрию Ивановичу Барановскому для Шамсонова. Этот человек хороший и надежный.

Усман Шамсонов.

12 Ревельский конный полк, команда связи.

12 февраля 1917 года.

№ 51.

МУРТОВУ.

Уфа.

Вчера принимали присягу Временному Правительству. Вот ловко. Был Царь триста лет, а теперь и нет. Теперь сами хозяева. Эфенди говорит, что мы мусульмане теперь должны еще больше бороться за свободу, что тогда будем жить свободно, как мусульмане. Нехочется только теперь и воевать. Русские не хотят и мы тоже. А нас в полку 300 человек. Свободно можно жить и без войны. Теперь и русский и мусульманин равны и для чего воевать. Так мы и постановление вынесли и комитет избрали, немцам это говорим. А немцам тоже надоело нас бить. Будем—кричат—кончать. Офицеры не хотят, ну и пускай воюют и мулла пускай воюет. А мы посмотрим.

Г. Фазылзонов.

№ 52.

ГАТМУЛЛИНУ.

За что мы даем сотнями тысяч молодые силы. Война будет одним большим препятствием для прогресса человечества. Что будут

делать тысячи искалеченных рабочих; им высосут последние капли крови... если брдут роптать на судьбу, то опять по прежнему станут бить их нагайками... Может случится, что я умру, тогда могу пожелать тебе отомстить за меня и моих товарищей.

Подписи нет.

Май 1917 г.

№ 53.

Х. САТАРГАЛЕЕВУ.

г. Царицин 155 зап. полк.

Мы теперь не наступаем и Вы там держитесь если будут отправлять на позицию—откажитесь.

Михтахетдинов. Насретдин.

12 июня 1917 года.

№ 54.

САГИДУЛЛИНУ.

г. Царицин.

На фронте у солдат у всех и у нас настроение скверное, по тому что с каждым днем ожидали мир, а между тем начальство желает наступления, вот происходит столкновение мы все заодно против старорежимников.

Штемпель: Полевая контора № 25.

18 июня 1917 года.

ЧАСТЬ 2-я

Материалы о волнениях 2 января 1917 г. в Запасном конном полку Казанского военного округа.

Материалы выявлены бригадой Областной комиссии по истории Гражданской войны.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале 1917 года над темным сводом императорской России нависла грозовая революционная буря. Тяжелая, мрачная, беспросветная эпоха царизма приближалась к концу. 2½ летняя война, приостановив вначале развертывание революции, затем колоссально его ускорила. Рабочие и крестьянские массы, будируемые революционной пропагандой большевиков, поднимались на борьбу с ненавистным царским режимом, режимом кнута и нагайки, режимом безмерной помещичьей и капиталистической эксплоатации.

Только для обывателя, эсера, меньшевика и буржуа, Февральская революция была и является неожиданностью, чудом. Эти господа не хотят знать историю развития нашей страны в последние годы царизма. А история эта чрезвычайно красочна и богата революционным содержанием. К Февралю рабочий класс нашей страны имел основательную революционную подготовку. В. И. Ленин отмечает, как одну из главных причин успешности Февральского переворота— революцию 1905 г. „Без трех лет величайших классовых битв и революционной энергии русского пролетариата 1905—1907 годов была бы невозможна столь быстрая, в смысле завершения ее начального этапа, в несколько дней, вторая революция. Первая (1905 г.) глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе миллионы рабочих и десятки миллионов крестьян, показала друг другу—и всему миру—все классы (и все главные партии) русского общества в их действительной природе, в действительном соотношении их интересов, их сил, их способов действия, их ближайших и дальнейших целей. Первая революция и следующая за ней контр-революционная эпоха (1907—1914 г. г.) обнажила всю суть царской монархии, довела ее до „последней черты“, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых, этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих „первых среди равных“ помещиков, владеющих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса „священной собственности“. (Ленин, т. XX, стр. 13, 14).

Война, легшая всей своей тяжестью на плечи рабочего класса и трудящегося крестьянства, увеличившая тяжелую и без того помещичье-капиталистическую эксплоатацию, скоро пробудила под влиянием большевистской пропаганды широкие массы трудящихся к борьбе с самодержавием.

Процесс нарастания революции шел, хотя и неравномерно, по всей России. В Казани только самая отсталая часть рабочих и только вначале войны была заражена шовинизмом. Передовые же рабочие вели пропаганду против войны.

В конце 1914 г. за активную пропаганду против войны был выслан из Казани слесарь завода Алафузова Лось, слесарь этого же завода Мингазей Шагиахметов, кондуктор трамвая Ефим Шминдов и много других.

1915, а особенно 1916 год в Казани были годами смелой экономической и политической борьбы рабочих.

На Казанских фабриках и заводах начинается брожение, пробивающееся наружу в форме стачечной борьбы. Бастуют рабочие типографии Харитонова, лесопильных заводов, пороховники, каменщики и др. Наиболее сильное движение, переросшее в политические стачки, было на фабриках Алафузова. Здесь в 1916 г. прокатились две длительные, хорошо организованные, массовые забастовки. Во главе этих забастовок стояли отдельные большевики, жившие в Казанском подпольи. Развернувшиеся стачки служили для властей хорошим напоминанием о революционных событиях 1905 г. Достаточно верную оценку событий дает Казанский губернатор в своем отчете департаменту полиции: „в настроении населения начинает наблюдаться не только недовольство органами правительственной власти, но и прямое озлобление против них, которое при благоприятных условиях не замедлит выразиться в таких крупных осложнениях, перед которыми события 1905 года покажутся только незначительными эксцессами".

И в действительности эти события надвигались. В конце января 1917 г. на Алафузовских фабриках развернулась новая стачка. По официальным данным число потерянных рабочих дней исчисляется цифрою свыше двух тысяч. Эта стачка имела огромное влияние на другие предприятия. Фабриканты и заводчики осаждают губернатора требованиями обуздать рабочих, срывающих снабжение фронта (фабрики работали на армию). Казанский губернатор лучшей формой классовой борьбы буржуазии против рабочих считает военные методы, 5-го февраля он сносится с командующим войсками округа генера-

лом Сандецким, указывая последнему: „эти забастовки являются пробным камнем. Необходимо предписать военно-обязанным рабочим, чтобы они категорически запрещали своим женам и родственникам устраивать беспорядки, иначе они будут высылаться из Казани, а мужья их или родные военнообязанные будут с первым же эшелоном отправляться на фронт". Кроме того губернатор рекомендует командованию округа обязать всех рабочих предприятий, работающих на оборону, надеть погоны и кокарду на шапку, чтобы они считались военными. Жандармское Управление так расценивает события в начале 1917 г.: „приходится быть на страже, ибо настроение толпы далеко не заурядное. Масса—эта порох, который может вспыхнуть во всякое время при неосторожном обращении с огнем. Поджечь ее может всякий, имеющий искру влияния на других".

Январь и февраль 1917 г. в Казани были временем наивысшего революционного напряжения рабочих и солдатских масс. Власть всячески хитрила. Вместо ненавистных всем жандармов губернатор хотел назначить на заводы офицеров из тех, кто был на войне ранен и перечислен в 3-ю категорию. „Эти офицеры, как пролившие за царя и родину кровь будут импонировать рабочим и смогут предупредить те беспорядки, которые надо ожидать со дня на день."— аргументировал он свое предложение.

В первых числах февраля была последняя перед революцией забастовка на заводе Алафузовых. Забастовка продолжалась 9 дней. Наиболее дружно и организованно выступали женщины работницы, ткачихи и развивальщицы. И за эту активность старший фабричный инспектор („защитник" интересов рабочих) в своем отношении от 9 февраля 1917 года за № 116 в Отдел Промышленности обзывает женщин „стервами, сволочами и блядями." Казанский губернатор, жандармское управление, фабричные инспектора и фабриканты— выступили единым фронтом, стремясь как можно скорее „обуздать" рабочих. Забастовка действительно была побеждена. Три недели после этого в Казани—„тишина".

Тишина и спокойствие царили, казалось, по всей необ'ятной российской равнине, но то было лишь затишье перед бурей. Казанский губернатор свое отношение от 14 февраля 1917 г. в департамент полиции заканчивает роковым предзнаменованием: „Рабочие, солдаты, студенты и масса как то подозрительно притихли.... Все ушли в себя, все ждут лозунга к „оружию", чтобы, как говорит молва, совершить великое дело".

Тишина одновременно и пугала и успокаивала царских охранников. С одной стороны казанские власти судорожно горовились к подавлению волнений. Генерал Сандецкий организует специальные роты для разгрома ожидающихся беспорядков. В конце февраля почти все офицеры ночевали в своих частях и были безотлучно в казармах.[1]) Полицейский аппарат усиленно приводился в боеспособный вид, чтобы еще раз омыть свои руки кровью трудящихся. 18 февраля начальник казанского губернского жандармского управления получает сов. секретную из Петрограда телеграмму, в которой предлагается распределить отряды войск и стражников по наиболее важным пунктам, „дабы целесообразное размещение войск способствовало наискорейшему подавлению крупных беспорядков при возникновении их. Дислокация таких отрядов должна зависеть главным образом от сосредоточения рабочих масс и их настроения."

С другой стороны, казанские власти и казанская буржуазия безинициативны и удивительно слепы. Во второй половине февраля в Казани шла предвыборная „борьба" в гласные Думы. Буржуазия с серьезным видом рассуждала о том, можно или нельзя примешивать политику к городским делам. В это же время Казанский губернатор давал советы министру внутренних дел Протопопову, как лучше поступить чтобы провести наиболее правых представителей в 5-ю Государственную Думу, т. к. полномочия 4 Думы истекли. Губернатор советовал „создать иллюзию в массах, что власть правительственная занята вопросом обеспечения города и деревни всем нужным". „И если,—говорит губернатор,—вся эта предварительная работа обнаружит какие либо опасности, углубляющие симптомы, то продлить полномочия Государственной Думы не будет поздно".

Но планы царских сатрапов были обречены на провал. Вместо фальсифицированной 5 дворянско-поповской Думы, в качестве действительного представительства, но только уже не буржуазии, а широких трудящихся масс,—явились Советы рабочих и солдатских депутатов.

В борьбе с царизмом рабочие, крестьяне, солдаты были нераздельно едины. Солдаты, испытавшие на себе все ужасы войны, познавшие до конца прелести палочной дисциплины, порку, истязания и т. п. не были расположены к усмирению забастовок и восстаний. Наоборот, солдаты сами бунтовали, протестуя против чуждой

[1]) Из книги Н. Ежова: „Военная Казань в 1917 году".

им войны, против своего бесправия и унижений. Так было на фронте, так было и в тылу, в запасных воинских частях.

Казанские власти (и военные и гражданские) боялись осложнений в воинских частях не меньше, чем в рабочей среде. Ведь к началу 1917 г. казанский гарнизон имел на лицо не менее 50 тысяч человек и числился далеко не в числе благонадежных. А всего в Округе было около 800 тысяч солдат.[1])

Одним из камней преткновения в частях округа и гарнизона был вопрос снабжения армии. Всем казанцам еще до сих пор памятна знаменитая „похлебка Сандецкого". [2]) Дело с продовольствием было настолько обостренным, что на этой почве в частях наблюдались открытые выступления. Но не в снабжении только было дело. Варварское обращение офицеров с нижними чинами, отсутствие у солдат самых элементарных прав, весь строй изнурительной казарменной жизни звал солдат на революционный протест. В революционизировании рабочих и солдат огромную роль имела агитация и пропаганда большевиков, находившихся в это время в рядах Казанского гарнизона, а так же правдивые рассказы возвращающихся с фронта солдат. Сознательные солдаты гарнизона вели пропаганду не только в воинских частях, но, как правило, и среди штатского населения г. Казани, главным образом среди рабочих. Здесь наблюдалась полная смычка трудящихся казармы и завода. Так, в 92-м обозном батальоне состояли на службе призванные по мобилизации в Москве три нижних чина, которые „частенько выходили в город в штатской одежде и высказывали мысли, что Россия проиграет войну и это будет хорошо, т. к. дело в этом случае не обойдется без революции, тогда действительно наступит социальная жизнь в стране".

Жандармское управление подчеркивает, что „эти солдаты развиты, не стесняются высказывать свои взгляды, весьма общительны и умеют со всяким повести беседу и завладеть вниманием слушателя". Недаром ими и заинтересовался штаб Казанского военного округа и даже сам генерал Сандецкий. Мы из за неразобранности архивных фондов полевого суда Казанского военного округа не могли проследить дальнейшую их судьбу. Этими лицами были: 1) Василий Сысоевич Соколов, 2) Василий Николаевич Лопатин, и 3) Казимир Александрович Пузановский (Дело Казанского губ. Жандармского Управления № 40).

---

[1]) и [2]) Из книги Н. Ежова „Военная Казань в 1917 году".

Таких солдат в Казанском гарнизоне было не мало. Мы еще не знаем количества их, не знаем и количества здесь большевиков в годы войны, но знаем, что большевики были и в рабочей, и в солдатской, и в студенческой среде. В Казанском гарнизоне были такие товарищи, как Н. Ершов, Назар Ежов,[1]) П. Е. Ершов[2]) и др. которые в первые же дни после Февраля стали членами партии большевиков, а в Октябре руководили переворотом. Именно присутствием здесь большевиков и можно об'яснить такие факты: 27 февраля 1916 г. в 94 зап. батальоне 4 роте во время „словесности" нижний чин набора ратников ополчения 2 разряда на вопрос „что такое солдат", отметил, что солдат есть „невольный убийца": я же немцев убивать не буду и служить тоже не буду". (Дело Каз. губ. Жандармского Управления № 10, т. III, л. 478).

Многие солдаты бежали из армии. Чем ближе к Февралю 1917 г., тем больше случаев неповиновений офицерам, падения дисциплины, дезертирства. Ежедневно из воинских частей Казанского гарнизона к Казанскому губернатору поступало более сотни заявок на розыск через полицию бежавших из гарнизона „нижних чинов".

В других гарнизонах было еще хуже. Так, стоящая в Алатыре 33-й пехотная бригада давала в штаб Казанского Военного округа такие

СВЕДЕНИЯ

о числе самовольно отлучившихся и бежавших солдат из полков бригады на 1-е марта 1917 г.

№№ полков	Всего сост. в бегах и в самовол. отлучке к 1-му дню отчетн. м-ца.	В течен. отчетного м-ца бежало и самовольно отлучилось.
134	„	1516
145	„	450
150	„	1676
159	„	1336
161	„	1649
245	„	1350
Итого:	„	7977

Процесс разложения войск Казанского округа в январе—феврале 1917 г. достиг своей высшей точки. Власти уже не могли опереться на войска в борьбе с „беспорядками" в городе. Командующий вой-

[1]) Ныне член ОКК и видный работник татарской парторганизации.
[2]) Теперь председатель ОСО Урала.

сками округа генерал Сандецкий издавал свирепые приказы, назначал массовые порки солдат, предавал военному суду, но не мог остановить революционного брожения в войсках. Армия уходила из рук царского генерала.

В февральские дни войска казанского гарнизона и округа оказались вместе с рабочими и крестьянами всей России, выступившими под руководством большевиков на штурм самодержавия.

* * *

Публикуемые ниже документы о „беспорядках" 2 января 1917 года в запасном конном полку казанского округа иллюстрируют воинские порядки. Казанский военный округ славился муштрой, мордобитием, поркой и прочими прелестями палочной армейской дисциплины, от которых солдаты дезертировали сотнями и тысячами. (Штаб округа завел несколько толстых дел для учета самовольно отлучившихся и бежавших. В рапорте г. Сандецкому по поводу волнений также отмечены 2235 солдат, выбывших неизвестно по каким причинам. В этом же рапорте о „телесном наказании" говорится как об основном воспитательном средстве в полку).

Жестокое обращение офицеров с рядовыми, частые порки по всякому поводу и без всякого повода привели солдат расквартированного на ст. Воейково-конного полка к резкому протесту против непрекращающихся издевательств. Солдаты выступили против телесных наказаний. Бунт был усмирен. Произведенное по приказу генерала Сандецкого полковником Малиновским дознание не дало никаких результатов. Участники бунта держались дружно, руководителей не выдавали, отвечая на все вопросы незнанием („шумели все солдаты вообще"). Нашелся лишь один предатель вахмистр Шмельков. Он указал на Демина, как на одного из активных бунтовщиков, но все солдаты единодушно выгородили Демина. Солдат Руфов, проговорившийся, что сзади непосредственно за ним раздался выстрел, все же не выдал стрелявшего.

Командир полка Нельговский признавался в рапорте, что зачинщиков найти невозможно.

Недовольный результатами дознания, генерал Сандецкий распек командование полка за медлительность и нерешительность и приказал произвести новое следствие, передав дело о бунте военно-полевому суду. „Дознание... произведено не энергично—телеграфировал ретивый генерал—почему (и) не выяснены главные виновники Между тем таковые несомненно есть (,) ибо приказ (о) телесном

наказании вышел за несколько дней до бунта. Таким образом происшедшее задумано заранее (,) что не могли не знать вахмистры (и) взводные. Ввиду изложенного предаются суду нижние чины всех пяти сотен (,) бывших (в) казарме во время бунта".

Военно-полевой суд при всем старании также не мог раскрыть картины бунта. Напрасно Сандецкий грозно указывал, что „беспорядок" подготовлялся давно, напрасно обещал солдатам прощение за выдачу зачинщиков.

И все таки, следуя строгому повелению Сандецкого, суд, ничего не узнав и ничего не доказав, послал 42 человека на каторгу.

Так расправился царский суд за один только протест против телесных наказаний, за то, что у солдат не поднимались руки для порки своего товарища.

ПЕРЕПИСКА СУДНОГО ОТДЕЛЕНИЯ

„о беспорядках бывших 2 января 1917 года в запасном конном полку пограничной стражи".

Телеграмма

Из Воейково № 120. 4/1 21 ч. 45 м. Военная.

Принята 6/1 1917 года.

Казань

Командующему войсками.

Второго января в одиннадцать часов нижние чины четырех маршевых сотен вверенного мне полка помещающиеся в одном этаже казармы стали громко выражать неудовольствие по адресу командира первой маршевой сотни Калишского [1]) полка получившего от меня приказание привести исполнение телесное наказание над нижним чином той же сотни за дурное поведение точка Такое же неудовольствие было выражено в моем присутствии точка Немедленно мною была вызвана учебная команда которая окружила казарму точка По адресу команды и начальствующих лиц ея стали раздаваться крики брань угрозы из соседней казармы и собравшейся на дворе толпы солдат полка точка По приказанию помощника моего полковника Линде(не)ра одним взводом команды было произведено имевшимися под рукою патронами уменьшенного заряда по толпе два залпа точка Дальнейшими моими распоряжениями порядок был восстановлен точка Наказание розгами было немедленно приведено моем личном присутствии в исполнение перед строем провинившихся точка Виновные выясняются точка Раненых легко нижних чинов двое из них полковником Линде(не)ром шашкою за неисполнение в числе других требования разойтись точка В даннное время в полку полный порядок точка Сегодня за номером первым донесено Государю Императору.

Командир запасного пограничного полка
Полковник Нельговский.

---

[1]) В телеграмме Каминского.

Собственноручное письмо тов. Свердлова телеграмма об аресте узбекского офицерства заблуждающегося волна.

Телеграмма

Военная

Воейково

Командиру конного пограничного полка

Приказываю вахмистров и взводных бунтовавшихся сотен если они не привлекаются в числе обвиняемых лишить унтер-офицерского звания выдержать тридцать суток смешанным арестом и под надзором отправить их Балашов распоряжение начальника бригады для распределения по запасным полкам и назначения их в первые маршевые роты рядовыми о чем и донести Начальнику бригады и мне с представлением списка разжалованных.

Генерал Сандецкий.

493/90

6 января 1917 года.

Телеграмма

Военная срочная вне очереди

Воейково

Командиру запасного пограничного полка

Телеграфируйте почему донесли несвоевременно точка Приказываю произвести срочно самое подробное дознание всех виновных арестовать и безотлагательно на полевой суд применив строжайшее наказание приговор привести немедленно исполнение телеграфировав мне решение и представить с нарочным копию дознания чтобы я получил его не позже девятого января.

Генерал Сандецкий.

393/75.

Телеграмма

Казань

Командующему войсками генералу Сандецкому.

7 января 1917 года.

Причиной замедления послужило желание донести более подробно и определенно.

Полковник Нельговский.

Телеграмма

Воейково

Командиру конного пограничного полка

Командующий войсками признал Ваши об'яснения неосновательными.

(за) Дежурный генерал штаба округа

Полковник Горбов.

7/1 1917 года.

Телеграмма

Срочно

Казань

Командующему войсками генералу Сандецкому

№ 207.

8 января 1917 года.

Выяснение виновных вызывает необходимость опросить большое число лиц что замедлит окончание дознания точка Прошу разрешения представить дознание нарочным двенадцатого.

Полковник Нельговский.

Телеграмма

Военная

Воейково

Командиру запасного пограничного полка

Командующий войсками разрешает не спешить но чтобы все виновные были выяснены и привлечены к законной ответственности.

Добрышин.

8/1 1917 года.

Телеграмма

Штаб военного округа генералу Добрышину Казань.

13/1 1917 года.

Телеграммой 493 генералом Сандецким приказано разжаловать вахмистров и взводных бунтовавших сотен точка между ними имеются из 25 двоеточие подпрапорщиков один запятая сверх срочно служащих два запятая Георгиевских кавалеров пять немогущих быть разжалованными без суда точка прошу указаний как поступить.

Полковник Нельговский.

Телеграмма

Воейково

Командиру конного пограничного полка.

Командующий войсками приказал нижних чинов немогущих быть разжалованными без суда арестовать после чего отправить одиночным порядком действующую армию.

(за) Дежурный генерал штаба округа

Полковник Горбов.

13/I 1917 года.

Телеграмма.

Срочная № 96.

Казань

Начальникуштаба военного округа 16 января 1917 года

Прошу сообщить где может быть представлено командующему войсками нарочным дознанием 17 яиваря.

Полковник Нельговский.

Телеграмма

Воейково

Командиру конного полка

Командующий войсками выезжает Пензу двенадцатого

16/I 1917 года. (за) Дежурный генерал штаба округа

полковник Горбов.

КОМАНДИР
запасного конного
полка
Пограничной стражи
16 января 1917 г.
№ 272
Ст. Воейково Пенз. г.

Его Высокопревосходительству Командующему войсками Казанского Военного Округа.

РАПОРТ.

Представляя при сем дознание о беспорядках, происшедших во вверенном мне полку 2-го января, сего года, доношу, что я этого числа, в канцелярии вверенного мне полка, принимал доклад Ад'ютанта о текущих делах. Приблизительно в 10 ³/₄ час. мне доложили, что пришел дежурный по полку офицер Ротмистр Никольский, который мне и доложил, что командир 1-й маршевой сотни 12-го Калишского конного пограничного полка Ротмистр Бледнов сообщил ему для доклада мне, что он не может выполнить моего приказа по полку от 31 Декабря 1916 г. № 581 § 14, о наложении телесного наказания на рядового его сотни Михайла Зеленина, так как нижние чины других сотен а именно: 1-й маршевой сотни 17-го Томашевского полка, 2-й маршевой сотни 17-го Томашевского полка, 1-й маршевой сотни 15-го Сандомирского полка и 2-й маршевой сотни 15-го Сондомирсхого полка, расположенных в одной казарме с его сотней, кричат: „недадим пороть, все разнесем". Я спросил: „где Ротмистр Бледнов?" и узнав, что он тоже прибыл в канцелярию, потребовал его и когда он подтвердил доклад дежурного офицера, я приказал Ад'ютанту вызвать всех офицеров и поспешил, в сопровождении полковника Линденера, полкового Ад'ютанта корнета Беляева и Ротмистра Бледнова, в верхний этаж 2-го казар-

менного корпуса, где расквартирована 1-я-маршевая сотня 12-го Калишского полка.

Войдя в казарму и пройдя половину ее, я стал раз'яснять нижним чинам незаконность их поведения. В это время из пройденной половины казармы раздались возгласы: „не дадим пороть, ура". Бросившись туда я крикнул „кто кричит". Сразу водворилась тишина, но тогда с другой половины казармы послышались такие же возгласы. Скомандовав „Смирно!" я добился полного порядка. Приказав привести учебную команду, распоряжение которой приготовиться было отдано мной по дороге в казарму, я стал выговаривать нижним чинам, об'ясняя какую ответственность они несут, нарушая присягу и восставая против приказа своего начальника, в тоже время поправляя стойку нижних чинов и не допуская, с их стороны, малейшего движения.

Спустя некоторое время мне было доложено, что учебная команда приведена к казарме; в то же время прибыли Командиры дивизионов и Командиры четырех маршевых сотен, расположенных в одной казарме с 1-й маршевой сотней 12-го Калишского полка, кроме Командира 2-й маршевой сотни 15-го Сандомирского полка Штабс-Ротмистра Товаркова, который прибыл позже.

Тогда я, для сохранения полного порядка, приказал под командой Командиров сотен строить и выводить сотни промежутком времени от 5-ти до 8-ми минут, оставив последней 1-ю маршевую сотню 12-го Калишского полка, так как в это время Полковник Линденер мне доложил, что люди других сотен собираются на дворе с угрозами по адресу учебной команды, причем им было произведено два залпа по толпе, которая, по приказанию его не расходилась. Когда 1-я маршевая сотня 12-го Калишского полка выстроилась, я вызвал вахмистра и спросил: „кто у тебя зачинщик? на что старший унтер-офицер Митрофан Шеликов, оставшийся за вахмистра, ответил „все".

Я вызвал вперед рядового Зеленина, приказав Комадиру сотни Вахмистру Бледнову, назначить к нему двух конвойных, которым напомнил их обязанности и ответственность после чего отдал распоряжение выводить сотню.

Выйдя вслед за последней сотней, в сопровождении Ад'ютанта, к этим же пяти выстроенным сотням, окруженным учебной командой, вооруженной винтовками, заряженными по моему распоряжению боевыми патронами, я прикззал Ад'ютанту прочесть приказ по полку о наложении наказания на рядового Зеленина, сотенному меди-

цинскому фельдшеру-осмотреть его, а Ротмистру Бледнову-назначить из его сотни трех нижних чинов для производства наказаиия: после чего оно и было приведено в исполнение, в моем личном присутствии, при полном порядке. Лишь один из нижних чинов, вызванных для производства наказания, рядовой Сурков заплакал и на мой вопрос: „почему плачешь?“ ответил „руки не поднимаются бить своего солдата“ за что и был сейчас же мною арестован.

В этот же день, в 4 часа дня, был приведен в иполнение мой приказ о наложении телесного наказания за самовольную отлучку двух нижних чинов, пред строем своих сотен, приказ по полку от 28 декабря 1916 года № 576 §§ 26 и 27 причем порядок никем не нарушался. Также и 4-го Января было произведено телесное наказание на одного нижнего чина при том же полном порядке, приказ по полку от 3-го Января 1917 года № 4 § 19.

Докладывая о вышеизложенном, считаю долгом донести, что вверенный мне полк формировался другими запасными кавалерийскими полками, причем нижние чины, прибывшие на формирование, представляли собой худший элемент этих частей, так как за $1^1/_2$ года пребывания этих нижних чинов, мобилизованных из запаса, в своих частях—их начальники могли хорошо ознакомиться с их нравственным обликом и, конечно, имея случай избавиться от них, послали отбросы своих частей на формирование вверенного мне полка. Кроме того все запасные кавалерийские части, существуя еще до войны имели своим составом нижних чинов действительного срока службы, которые стали кадром этих полков. В лице этого кадра, каждый запасный кавалерийскй полк, имеет ядро, позволяющее на него опереться и служащее примером порядка и дисциплины нижним чинам призванным по мобилизации. Во вверенном мне полку такого кадра нет, так как постоянный состав нижних чинов сформирован из тех же нижних чинов, как и переменный.

При этом состав вверенного мне полка на 60% состоит из нижних чинов, отбывших действительную службу в пограничной страже, где занятия мирного времени, по своему характеру являются чисто полицейскими, внеказарменного надзора своих начальников. Преследуя цель задержания контрабанды и состоя в ведении Министерства финансов нижние чины получают известный доход от задержания контрабанды и поэтому всецело отдаются этому делу в ущерб строевому образованию и духу дисциплины.

Насколько разнообразен состав вверенного мне полка поясняют следующие данные:

На сформирование вверенного мне полка прибыло:

Из 1-го Запасного кавалерийского полка . . .	1614	н. ч.
2-го „ „ „ . . .	890	„
4-го „ „ „ . . .	854	„
5-го „ „ „ . . .	882	„
6-го „ „ „ . . .	396	„
7-го „ „ „ . . .	372	„
162-го „ пехотного „ . . .	6	„
Эвакуированных	1228	„
Прибывших разновременно одиночным порядком из разных частей и от уездных воинских начальников	548	„
Новобранцев от уездных воинских начальник.	1788	„
Итого .	8678	н. ч.
Убыло по разным[1]) случаям	2235	н. ч.
На лицо состоит	6443	„

Кроме такого ненадежного элемента нижних чинов я поставлен, в смысле поддержания внутреннего порядка и дисциплины в весьма неблагоприятные условия вопросом расквартирования нижних чинов, а именно: как известно Вашему Высокопревосходительству, люди вверенного мне полка размещены очень скученно и там, где по мирному времени должно быть расквартировано 100 нижних чинов, у меня помещается 500, что не только не допускает отделения, как того требует устав внутренней службы, взвода от взвода, но даже сотни от сотни, почему, при распределении людей, иногда приходится на одной наре располагать людей разных сотен, а имеющиеся небольшие проходы между нарами завешены шинелями, что сильно затрудняет поддержание внутреннего порядка и дисциплины, так как начальникам нередко приходится с трудом розыскивать своих подчиненных. О подобном неудобстве размещения сотен, мной было доложено генералу Гвоздецкому.

Принимая во внимание вышеизложенное, а так же ввиду того, что прямых улик на зачинщиков происшедших беспорядков, как видно из произведенного дознания нет, я считаю главными виновниками, кроме вахмистров и взводных вышеуказанных пяти сотен, наряд по казарме в момент моего туда прихода, в числе 101-го человека.

Потому ходатайствую пред Вашим Высокопревосходительством о наложении на наряд такого-же наказания, каковое наложено Ва-

[1]) Самовольные отлучки, побег и т. п.

шим Высокопревосходительством на вышеназванных вахмистров и взводных, что же касается нижних чинов находящихся во время моего прихода в верхнем этаже второго казарменного корпуса в числе 101 человека, то прошу распоряжения Вашего Высокопревосходительства отправить их в очередные маршевые роты запасных пехотных полков, дабы они могли искупить теперь-же свою вину пред Царем и Родиной, в рядах действующей армии.

Тем более, что пополнить указанное число нижних чинов представляется полная возможность молодыми солдатами, досрочного призыва 1918 года, уже присягнувших, пробывших в полку более полугода и закончивших полный курс обучения.

Приложение: Копии дознаний Полковника Малиновского на десяти листах и Ротмистра Сильнова на двух листах.

Полковник Нельговский.

Полковой ад'ютант Корнет (подпись).

ДОЗНАНИЕ

Вследствие предписания Командира Запасного военного полка Пограничной стражи от 5-го января 1917 года за № 232 полковник этого же полка Малиновский производил дознание по делу о беспорядках в полку, произведенных нижними чинами 2-го января с. г. при чем оказалось следующее:

1) Полковник того же полка Михаил Федорович Линденер православный спрошенный 6-го января с. г. показал: 2-го января, около 11 часов утра, при мне, к Командиру полка в полковой канцелярии подошел Командир 1-й маршевой сотни 12-го Калишского полка Ротмистр Бледнов который доложил: „Я только что хотел наказать розгами рядового Зеленина, когда я повернул сотню и повел ее на место наказания, то нижние чины соседних сотен беспорядочной толпой бросились за моей сотней, крича: „не дадим наказывать". Я, видя такое настроение, приостановил наказание и пришел доложить Вам г. Полковник". Командир полка немедленно пошел в казармы, приказав мне и полковому ад'ютанту Корнету Беляеву итти с ним. Войдя в казарму, где помещались сотни 2-го дивизиона Командир полка, идя по казарме, стал выговаривать и выяснять им преступность их поведения, при чем добавил, что наказание будет приведено в исполнение: говоря это командир полка достиг середины казармы; в ответ на его слова, из пройденной части казармы послышались громкие крики несколь-

ких десятков голосов: „недадим и не позволим наказывать", Командир полка вернулся в эту часть казармы с криком „смирно" все успокоилось здесь, но в противоположном конце послышались такие же крики, подойдя туда Командир полка, прекратил крики. После чего приказал мне привести учебную команду, что мною было исполнено, причем людям, за неимением под рукой боевых патронов, были выданы патроны уменьшенного заряда. Когда я бегом привел команду к казарме, где произошли беспорядки и приказал взводам запереть выходы из этой казармы, то в то время из соседней казармы, как из верхнего так и нижнего этажей, по адресу команды стали раздаваться крики ругань массы голосов, можно было разобрать слова: „изменники, только смейте стрелять", при чем все это сопровождалось площадной бранью. Обращаясь к людям, которые толпились на площадке нижнего этажа я несколько раз приказал им войти в казармы. Видя, что мое требование не выполняется, я выхватил шашку и бросился к толпе, которая повернула и побежала в казарму, я побежал в казарму за ней и два раза ударил шашкой, пытавшегося скрыться в канцелярию солдата, оказавшегося писарем 6-й запасной сотни, в толпе я его ни видел. Когда я после удара рассмотрел его лицо, то узнал в нем, только, что вошедшего со двора казармы солдата, поэтому твердо убежден, что в беспорядках он принять участия не мог, и если я нанес ему удары, то это произошло потому, что он оказался последним в бежавшей толпе. Покончив с толпой, я возвратился к учебной команде, которая стояла в ожидании дальнейших распоряжений. Не прошло двух минут, как со стороны кухни 2-го дивизиона послышались крики и брань, что кричали разобрать не мог. Около этой кухни стояла толпа до двух сот человек, большинство с баками, пришедшие за получением обеда. Я несколько раз приказал толпе разойтись, видя, что мое требование не исполняется, а крики и ругательства продолжаются, я лично скомандовал 6 взводу взять на изготовку и произвел в толпу два залпа после чего толпа разбежалась. В этот момент я услышал сильные крики с верхнего этажа 1-й казармы, я навел револьвер на толпу и приказал ей разойтись, видя что это требование не исполняется приказал 6 нижним чинам команды очистить площадки от толпы, сам остался на дворе, в этот момент послышался глухой выстрел, откуда он произошел определить его я положительно не мог, не прошло нескольких минут, как я услышал крики и топот ног по лестнице, где было поставлено 6 нижних чинов. Я бросился на лестницу и увидел, что поставленная команда стоит на ступень-

ках; мне было доложено, что их оттеснила толпа, бежавшая из казармы верхнего этажа. Когда я поднялся на площадку второго этажа, то там никого уже не было; усилив команду, приказал запереть двери. После чего пошел доложить Командиру полка о моих действиях. В это время в карэ учебной команды стали выводить сотни со второго этажа,—построенный по приказанию Командира полка. За сотнями спустился вниз Командир полка, который обратил мое внимание на толпу солдат, накапливающуюся у кухни 1-го дивизиона, я приказал им разойтись; так как они с первого раза не послушались, то навел на них револьвер, толпа разбежалась, крича „ура". После этого было произведено наказание розгами. Забыл показать, что среди криков производимых в присутствии Командира полка в казарме слышались крики: „ура". В присутствии Командира полка в казарме я заметил нижнего чина, стоявшего на верхних нарах широко расставившего ноги, за это он тут же был арестован. Около командира полка в казарме находились Полковник Малиновский, Полковник Пылев, Ротмистр Бледнов, Корнет Беляев. Указать кого либо из нижних чинов, участвовавших в беспорядках не могу, так как толпа не подпустила меня близко к себе, разбегаясь при попытке к ней приблизиться.

. . . . . .

4) Ротмистр того же полка Вячеслав Алексеевич Бледнов, православный, опрошенный 7-го января, показал: я состою Командиром 1-й маршевой сотни Калишского полка 2 января по окончании утренних занятий, я приказал временно исполняющему должность вахмистра унтер-офицеру Шелкову послать в кузницу за рядовым Зелениным, для наказания его розгами, построить сотню и привести их в сотенную канцелярию. Сам пошел в сотенную канцелярию; находясь там, я услышал глухой шум в казармах и в это время вбежал в канцелярию унтер-офицер Шелков, доложивший мне: „солдаты шумят и сотня нейдет в канцелярию". Слышны крики: „Не дадим брать рядового Зеленина". После этого я сейчас-же выбежал в казарму, крикнул: „смирно" и приказал людям 1-й маршевой сотни 12 Калишского полка строиться, так как я не видел построившейся сотни, видел только несколько человек сотни у входных дверей. После моей команды „смирно", в казарме шум уменьшился, а по приказанию строиться в толпе солдат услышал крики, преимущественно на нарах, занимаемых нижними чинами 2 и 1-й маршевых сотен 15 Сандомирского полка: „не дадим драть, не разрешено драть, мы проливаем кровь за родину, ура". Видя, что волнение увеличи-

вается, сотня не выстраивается, так как в массе солдат вверенной мне сотни, находилось много солдат других сотен, препятствовавших свободному выходу их для построения, я немедленно сообщил дежурному по полку Ротмистру Никольскому, и доложил командиру полка. При моем входе в казарму я увидел, находяшегося около меня вахмистра 2-й маршевой сотни 15 Сандомирского полка Василия Непочатого, которому я приказал итти в свою сотню, что он и исполнил. Лично я не могу указать нижних чинов, кричавших и производивших беспорядки, так как кричащие находились вдали от меня, а стоявшие около меня вели себя спокойно. При опросе рядового Порфирия Фомичева он мне доложил, что он действительно говорил: „пускай меня бьют, я же бить не буду". Во время нахождения Командира полка в казарме 2-го дивизиона, я слышал крики отдельных лиц: „не дадим драть", но кто именно кричал, я указать не могу, так как крики раздавались среди нижних чинов, находившихся вдали от меня. Во время наказания розгами рядового Зеленина, ряд. Протопопов наносил умышленно слабые удары розгами, а ряд. Сурков, вызванный для выполнения телесного наказания заплакал, за что арестован. Больше показать ничего не могу.

Дополняю свое показание тем, что при опросе мною всех нижних чинов, бывших во время беспорядков в казарме ни один из них не указал виновников происшествия.

5) Старший унтер-офицер Митрофан Николаев Шелков, 1-й маршевой сотни 12-го Калишского полка, православный, показал: 2-го января я получил приказание от командира сотни Ротмистра Бледнова, построить сотню и привести в канцелярию, для наказания розгами, рядового Зеленина. Сотня выстроилась в казарме, я скомандовал:— „смирно, направо, шагом марш"—сотня повернулась, но итти ей воспрепятствовали нижние чины 1-й и 2-й маршевых сотен Сандомирского и других полков, расположенных в нашей казарме. Начали кричать „не ходить в канцелярию, а то мы вас самих раздавим", стали толпой напирать на сотню. Об этом я сейчас же доложил Командиру сотни. Командир сотни сами вошли в казарму, приказали разойтись посторонним нижним чинам, но толпы солдат не расходились, а подняли шум и крик, что именно кричали не помню. Кто именно кричал и шумел, я указать не могу, так как производили беспорядок солдаты не нашей сотни, а других сотен, которых я в лицо не знаю, другие солдаты нашей сотни тоже никого не заметили, кто именно шумел и кричал. Больше показать ничего не могу.

6) Ефрейтор 2-й маршевой сотни 12-го Калишского полка Виктор Яковлев Сысрев, православный, срока службы 1911 года, показал: 2-го января до 12 час. дня я был дежурным по сотне, когда сотня по команде вахмистра: „шагом марш" хотела идти, то нижние чины соседних сотен, кто именно не знаю, закричали: „не дадим пороть", слышна была ругань и угрозы: „если пойдете в канцелярию, то мы вас побьем", кроме того толпа солдат стала у входа и не пустила сотню. Люди остановились. Взошли Командир сотни в казарму, приказали вести в канцелярию рядового Зеленина, чтобы наказать розгами, но шум и крики солдат соседних сотен усилились. Кто именно кричал и производил беспорядок не знаю, так как я с дневальными принимал винтовки в пирамиду и замыкал на замок. Больше показать ничего не могу.

7) Рядовой 1 маршевой сотни 12-го Калишского полка Александр Сергеев Глухих, срока службы 1911 года, православный, показал: 2-го января до 12 час. дня я был дневальным, кто именно шумел, кричал и производил беспорядки, я указать не могу, так как находился у пирамид с оружием, принимал его и запирал на замок. Больше показать ничего не могу.

8) Рядовой 1 маршевой сотни 12-го Калишского полка Сергей Федотович Андриянов, срок службы 1908 года, православный, спрошенный 7-го января показал: 2-го января до 12 час. дня я был дневальным, после возвращения сотни с конного учения, я принимал оружие, запирал его на замок, кто именно шумел, кричал и производил беспорядок, я указать не могу, так как не видал этих солдат; шумели и кричали целая толпа чужих солдат не нашей сотни, кто именно, в лицо указать не могу.

9) Старший унтер-офицер 1 маршевой сотни 12 Калишского полка Владимир Петрович Лелекин, срока службы 1902 года, православный, спрошенный 7-го января, показал: 2-го января я был дежурным по кухне 2-го дивизиона; о беспорядках, происшедших 2-го января я ничего рассказать не могу и ни от кого не слыхал, кто именно участвовал в беспорядках.

10) Младший унтер-офицер 1 маршевой сотни 12-го Калишского полка Григорий Константинович Трофимов, срока службы 1911 г., православный, спрошенный 7-го января, показал: я находился перед взводом построенной сотни. По команде вахмистра: „шагом марш" сотня не могла итти, так как у дверей была толпа народа, кричавшая: „не ходи, а то мы вас разобьем", солдаты поэтому и не пошли, я один не мог справиться с толпой солдат чужих со-

тен, кто именно был в этой толпе указать не могу, так как в лицо их не знаю. Солдаты нашей сотни никаких беспорядков не производили.

11) Ефрейтор 1 маршевой сотни 12-го Калишского полка Яков Іоанович Пудовкин, срока службы 1905 года, православный, спрошенный 7-го января показал:

2-го января по приказанию вахмистра, сотня построилась, я находился в строю, по команде: „шагом марш", сотня не пошла, потому что солдаты прочих сотен и 2 маршевой сотни 15-го Сандомирского полка и других сотен, кричали: „не ходить, а то мы вас разобьем и сечь не дадим". Кто именно кричал я не могу указать, так как наша сотня недавно на это место перешла и кто на соседних нарах спит, я еще не знаю, и в лицо этих солдат не знаю, и вообще кто участвовал в беспорядках указать не могу.

12) Ефрейтор 1 маршевой сотни 12-го Калишского полка Семен Панфилов Панфилов, срока службы 1902 года, православный спрошенный 7-го января показал:

Я оставался за взводного унтер-офицера и 2-го января, когда сотни построились и хотели итти по приказанию командира сотни в канцелярию, то толпа нижних чинов соседней 2 маршевой сотни Сандомирского полка и других сотен окружила и закричала: „не сметь ходить, кто будет пороть тот смерть получит", и не пустила нас. В нашей сотне никто не шумел, смирно стояли. Кто именно шумел и кричал и производил беспорядок, указать не могу, так как в этой толпе знакомых солдат не видел.

. . . . . .

14) Вахмистр 2-й маршевой сотни 15-го Сандомирского полка Василий Иванович Непочатый, срок службы 1900 года, православный показал:

2-го января после окончания строевых занятий, я прибыл в сотенную канцелярию, спустя 15 минут я услышал шум в казарме, прибыв в казарму я услышал крик: „недавай", кто кричал, я не заметил, так как видел толпу незнакомых солдат; нижние чины нашей сотни прибыли в казарму после меня, какое они принимали участие в беспорядках, я не знаю, потому что ни одного солдата своей сотни не заметил в толпе, производившей шум и беспорядок. Ни один из нижних чинов нашей сотни мне не говорил о том, что он знает кого-либо из участников беспорядка. Больше показать ничего не могу.

15) Унтер-офицер 2-й маршевой сотни 15-го Сандомирского полка Федор Сергеевич Кабанов, срока службы 1911 года, православный, спрошенный 7-го января, показал:

2-го января в 11 час. дня, я видел и слышал, как Командир 1-й маршевой сотни 12-го Калишского полка Ротмистр Бледнов приказал одному нижнему чину итти в канцелярию для наказания розгами, после этого начался шум и крики: „не дадим сечь солдата". Ротмистр Бледнов после этого ушли из казармы. Я не видел чтобы 1 маршевая сотня Калишского полка была построена. Солдаты шумели и кричали, находясь частью на нарах и частью между нарами, в строю я не одного солдата не видел. Кто именно кричал и производил беспорядки я не зню, шум был во всей казарме, после того когда Ротмистр Бледнов ушел из казармы и начали прибывать в казарму остальные нижние чины, как нашей сотни, так и других сотен. Больше показать ничего не могу.

16) Вахмистр-подпрапорщик 2-й маршевой сотни 12-го Томашевского полка Степан Иванов Загаров, срок службы 1906 года, православный, спрошенный 7-го января 1917 года, показал:

2-го января в 11 час. дня я находился в сотенной канцелярии, явился ко мне взводный унтер-офицер Баринов и доложил, что в конце казармы был шум; я зашел в казарму, но шума уже не слышал. В нашей сотне насколько мне известно, никто не припинимал участия в беспорядке. Кто именно шумел из нижних чинов других сотен, я не знаю и ни от кого не слышал о солдатах производивших беспорядки. Больше показать ничего не могу.

17) Взводный унтер-офицер 2-й маршевой сотни 17-го Томашевского полка Николай Илларионов Баринов, срока службы 1905 г., православный, спрошенный 7-го января, показал:

2-го января во время обеда я слышал шум и крики, раздававшиеся со стороны другого конца казармы, что кричали я понять не мог. Солдаты нашей сотни никакого участия в этом шуме не принимали. Кто именно из нижних чинов шумел и производил беспорядок, я не знаю и не от кого не слышал об этом. Больше показать ничего не могу.

. . . . . .

34) Рядовой 1-й маршевой сотни 15-го Сандомирского полка Яков Васильев Буров, срока службы 1907 года, православный спрошенный 8-го января, показал:

2-го января по болезни я на занятиях не был, лежал на нарах, около 11 час. дня услышал шум и крик: „не дадим, не дадим", а что не дадим, я не знал, чтобы узнать, что такое случилось, я соскочил с нар в проход по средине казармы, и вижу, что Ротмистр Бледнов ходит по казарме своей сотни, а солдаты продол-

жают кричать: „не дадим“, тогда Командир 1-й маршевой сотни 12-го Калишского полка закричал: „я употреблю в дело оружие“ и когда они зашли за нары, то я прошел во двор, через их сотню, потом сейчас же вернулся назад и встретил Ротмистра Бледнова,— револьвер был у них в руках, в казарме было тихо, 1-й маршевой сотни 12-го Калишского полка я не видел построенной. Кто именно производил шум, крики и беспорядки, мне не известно. Больше показать ничего не могу.

35) Рядовой 2 маршевой сотни 17-го Томашевского полка Дмитрий Данилович Рудзь; православный, срока службы 1908 г. спрошенный 8-го января, показал:

2-го января в 12 час. дня я был дневальным по казарме, слышал шум и крики: „ура“ больше я ничего не расслыхал и кто именно производил беспорядок и в какой сотне я не знаю.

36) Рядовой 2-маршевой сотни 17-го Томашевского полка Антон Алексеев Панасюк, срока службы 1901 года, православный, спрошенный 8-го января, показал:

2-го января до 12 час. дня я был дневальным по казарме, у нас в сотне был порядок и тишина, где именно был шум и крики и беспорядок—я не знаю, кто производил беспорядок мне тоже неизвестно.

41) Рядовой 1-й маршевой сотни Рыпинского полка Петр Яковлевич Руфов, срок службы 1903 года, православный, спрошенный 8-го января, показал:

2-го января до 12 часов дня я был дневальным на верхней площадке лестницы первого здания со стороны второго казарменного здания. Около 11 часов дня проходило много солдат по лестнице, кто за обедом шел, кто уже нес обед в казарму и около окна собралось много солдат, кто именно был я не знаю, вдруг сзади меня раздался выстрел, я оглянулся, но солдата с ружьем не заметил; рядового Демина я близко не видел. Солдат учебной команды с винтовками, на верхней площадке лестницы я не заметил и кто их столкнул с площадки я не знаю. Вообще я не знаю, кто производил беспорядки. Больше показать ничего не могу.

42) Рядовой 1-й маршевой сотни 10-го Рыпинского полка Иван Ефтеевич Демин, срока службы 1905 года, православный, спрошенный 8-го января, показал:

2-го января, после строевых занятий и уборки своей лошади, около 11 час. дня я пришел в казарму через двор, со стороны канцелярии, слышал шум в казарме, свист, кричали „ура“ к чему это кричали не знаю. На занятиях были без винтовок, только с шашка-

ми и пиками. С винтовками по казарме никто не ходил и я винтовки не имел в руках; когда вернулся с занятий в казарму, то сейчас же начал обедать вместе с рядовым Цымбаленко, Говоровым и еще двумя солдатами-татарами, фамилии их забыл. Кто именно производил беспорядки я не знаю. Больше показать ничего не могу.

43) Ряд. 1-й маршевой сотни 10 Рыпинского полка Тимофей Николаев Говоров, ср. сл. 1902 года, православный, спрошенный 8-го января, показал.

2-го января я работал станок для укола штыком, пришел в казарму на обед один после всех, солдаты уже обедали, возле моего бака находился и рядовой Демин. Кто производил беспорядки я не видел. Больше показать ничего не могу.

44) Ряд 1-й маршевой сотни 10-го Рыпинского полка Касим Мухаметзинов, ср. сл. 1909 года, магометанин, спрошенный 8-го января, показал:

2-го января, после занятий я прибыл в казарму с другими солдатами, сейчас же взял бак и пошел с другими за обедом, когда принес борщ, то ряд. Демин и другие солдаты уже ожидали меня. Никаких беспорядков и крика я не слыхал. Кто стрелял не знаю, выстрела не слышал. Больше показать ничего не могу.

45) Ряд. 1 маршевой сотни 10 Рыпинского полка Никанор Корнеевич Цымбаленко, ср. сл. 1903 года, православный, спрошенный 8-го января, показал: 2-го января до 12 час. дня я был дневальным, в этот день не обедал вместе с теми солдатами, с которыми постоянно обедаю, но видел, что рядовой Демин сидел на нарах и обедал. Я не видал, чтобы рядовой Демин ходил по казарме с винтовкой. Кто производил шум и беспорядок и стрелял я не знаю. Больше показать ничего не могу.

46) Штабс-Ротмистр Запасного конного полка 1-й маршевой сотни, 10 Рыпинского полка Николай Филиппович Черный, православный спрошенный 8-го января, показал:

2-го января, я по приказанию Командира полка, прибыв в канцелярию полка, не застав там офицеров, я отправился в казарму, но по дороге встретил группу офицеров, Ротмистра Цабель, Никольского, Штабс-Ротмистра Милевского, от которых узнал, что производится наказание розгами одного нижнего чина 1-й маршевой сотни Калишского полка. При производстве мною расследования о происшедших беспорядках, мне не удалось выяснить кто именно принимал участие в них.

Из показания ряд. 2 марш. сот. 10 Рыпинского полка Ивана Савичева видно, что 2 января с. г. до 12 час. дня в сенях верхнего этажа

первого корпуса каменного здания был слышен выстрел, а вслед за ним по казарме прошел по направлению от этих сеней с винтовкой рядовой, вверенной мне сотни Иван Демин, который это отрицает. Рядовой Демин хороший строевой солдат, поведения не плохого. Больше показать ничего не могу. Дополняю показание тем, что опрошенный мною ряд. Руфов, будучи дневальным в сенях 2 января до 12 час. дня слышал выстрел в этих же сенях, кто его произвел он не заметил. Выстрелом в окно разбиты 2 верхних стекла.

47) Вахмистр 2 маршевой сотни 10 Рыпинского полка Павел Яковлев Шмельков, ср. сл. 1902 г., православный, спрошенный 9-го января, показал:

3-го января я только в 2 часа дня вернулся из командировки за розыском фуража, куда был послан 1 января в 1 час. дня. Поэтому лично не был свидетелем происшедших беспорядков 2 января. 3-го января явившись Командиру сотни Ротмистру Сильнову, получил приказание от него узнать кто стрелял, так как стало известно, что кто-то стрелял. 4 января вечером от рядового Агеева я узнал, что ряд. Клюев видел как один из солдат шел по казарме с винтовкой к выходу. Когда стемнело, я позвал ряд. Клюева в отдельную комнату, где Клюев и сказал мне, что он действительно видел, как один солдат из расположения 1-й маршевой сотни Рыпинского полка, проходя мимо его с винтовкой даже сказал ему: „стрельнем земляк", Клюев ему ответил: „чем ты стрельнешь" и произнес бранное слово, а тот ответил: „найдем чем", после чего тот солдат вышел и скоро раздался выстрел. По показанию Клюева шло к выходу много солдат и возвращались оттуда солдаты, тоже в большом количестве не вооруженные. Кто именно шел с винтовкой, Клюев мне не указал говоря: что солдата этого он не знает. Спрошенный мною рядовой Савичев 6 января или 5-го, хорошо не помню, доложил, что 2 января, когда он обедал, услышал выстрел на лестнице и видел, как оттуда возвращался с винтовкой рядовой 1-й маршевой сотни, которого он в лицо хорошо знает и при удобном случае указал мне его, а я узнал от Ротмистра 1-й маршевой сотни 10 Рыпинского полка фамилию его, который сказал, что фамилия его Демин. Разбитые два стекла находятся в окне в самом верху, из чего видно, что выстрел произведен был вверх. Обо всем этот я доложил Командиру сотни и когда Командир сотни начали допрашивать при мне Клюева, то он отказался от тех слов, которые говорил мне. Кто еще производил беспорядки я узнать не мог.

. . . . . .

53) Рядовой 2 марш. сотни 10 Рыпинского полка Андрей Васильевич Андрианов, срока службы 1901 года, православный, спрошенный 9 января, показал:

2 января, до 12 час. дня я был дневальным по казарме, около 12 час. слышал шум, кричали: „бери винтовки“ я стоял около пирамиды с винтовками, из нашей сотни кто шумел, я не заметил, кто производил выстрел я не знаю не видел его в лицо и никого не видел из солдат с винтовками; ко мне никто из солдат не подходил с винтовкой и не говорил: „стреляем земляк“. Вообще кто производил беспорядок я не знаю. Больше показать ничего не могу.

. . . . . .

58) Ротмистр Запасного конного полка, Командир 2 марш. сот. 10 Рыпинского полка Валентин Александрович Сильнов, православный, спрошенный 9 января, показал:

2-го января после конного учения, в помещении своей канцелярии, я занимался текущими делами. В это время потребовал меня в помещение сотни Полковник Малиновский и давал некоторые указания по внутреннему порядку в сотне. После чего отправился к казарме 2 дивизиона, где находился командир полка. Я же пошел в свою канцелярию продолжать работу. Через некоторое время до моего слуха донесся глухой шум со двора и в это же время вахмистр Петройчук доложил мне: „посторонитесь, Полковник Линденер целит в окно“, вслед за сим на лестнице ведущей в нашу казарму раздался шум и топот ног бегущих нижних чинов со двора, я тотчас же начал одевать шинель в рукава и шашку, а затем вышел в помещение сотни, где было шумно, в проходах толпилось много солдат, часть людей обедало; я обратился к нижним чинам со словом вразумления, так как понял уже, что происходят какие-то беспорядки. На мои слова я услышал отдельные голоса: „правильно говорит Его Высокоблагородие, тише“, раздавались и следующие крики: „на войне мы кровь проливали и теперь нас за что-то хотят стрелять“. Проходя все расположения 1 и 2 марш. сотен 10 Рыпнинского полка я успокаивал когда стало несколько тише, сошел во двор, где находилась уже часть учебной команды, размещавшаяся по указанию Полковника Линденера. Спустя несколько минут, я услышал и видел стрельбу учебной команды по собравшимся солдатам, около кухни 2 дивизиона, которые шумно вели себя и не расходились. До этой стрельбы, выходы из I и II этажей первого корпуса были заняты учебной командой. Одиночного выстрела в корридоре нашей

казармы, я не слыхал. При производстве расследования для обнаружения виновных, ряд. Иван Савичев доложил мне, что он видел одного нижнего чина 1 марш. сотни 10 Рыпинского полка с винтовкой в руках, возвращавшегося в казарму из сеней, откуда только что был слышен выстрел и фамилию его выяснили вахмистры Шмельков и Фролов. Вахмистр Шмельков доложил мне, что рядовой Агеев сказал ему о том, что рядовой Клюев знает, кто стрелял; вечером, не помню какого дня, вахмистр Шмельков действительно расспрашивал рядового Клюева, кто именно ходил с винтовкой в сени и стрелял, но установить личность не удалось. Больше показать ничего не могу.

. . . . . .

62) Ротмистр Сильнов, вторично опрошенный 10 января, показал: допрошенный мною ряд. Клюев дал следующие показания:

2-го января ко мне никто из нижних чинов с винтовкой не подходил и не говорил мне: „стрельнем земляк", а я эти слова слышал из толпы и вслух сказал: „чем же будешь стрелять то, хером что-ли". Сопоставив показание Клюева, данное мне, с показанием вахмистру Шмелькову, я усмотрел в нем противоречие, очевидно с целью скрыть виновного, и на основании этого, я отправил на гауптвахту ряд. Клюева. На основании распоряжения Полковника Малиновского, я лично проверил наличное состояние всех патронов и гильз, кои оказались на лицо.

63) Рядовой 2 марш. сот. 10 Рыпинского полка Тимофей Епифанович Клюев, ср. сл. 1902, православный, спрошенный 10 января, показал:

2 января в то время, когда я обедал, заметил, что кто-то проходил в толпе с винтовкой со стороны 1 марш. сот. 10 Рыпинского полка, народ шумел, кричал: „бери винтовку, стреляй", на это я сказал сам себе: „дурак какой то кричит: „стреляй", а „чем же стрелять", такое же показание давал я вахмистру и Командиру сотни. Кто именно принимал участие в беспорядках я не знаю, солдаты нашей сотни все сидели на нарах или стояли у окна, к дверям не ходили".

. . . . . .

68) Рядовой 1 маршевой сотни 12 Калишского полка Порфирий Кондратьев Хвесючек, ср. сл. 1912, православный, спрошенный 10 января, показал:

2 января около 11 час. дня сотня была построена вахмистром, повернулась направо, по команде, потом начался шум и крик: „бить не надо", я в это время сказал сам себе: „я бить не буду, пускай меня бьют". Потом вошел Командир сотни в казарму, шум не прек-

ратился, тогда Командир крикнул: „кто шумит? выходи сюда“, никто не вышел, шум продолжался. Тогда Командир сотни вышли из казармы. Через некоторое время пришел Командир полка—что он говорил, я не слышал; наша сотня не шумела, кто именно шумел не знаю. На другой день я сознался Командиру сотни в том, что говорил: „я бить не буду, пускай меня бьют“. Больше показать ничего не могу.

69) Рядовой 1 марш. сотни 12 Калишского полка Михаил Иванович Зеленин, ср. сл. 1917 года, православный, спрошенный 10 января, показал:

2 января утром я был в кузнице, ковал лошадей, по приказанию я прибыл в казарму. Наша сотня построилась и по команде направо, повернулась, а по команде, шагом марш, не пошла, так как солдаты других соседних сотен закричали: „не ходите“, и произвели большой шум, в это время пришел из канцелярии Командир сотни и приказал не шуметь, а то употребит в дело оружие; на это послышались голоса: „мы тоже возьмем оружие“. Тогда Командир ушли из казармы. Через некоторое время прибыл Командир полка, я не слышал, что они говорили. Солдаты уже не шумели. Кто именно производил шум и беспорядок в этот день я не знаю, шумели все солдаты вообще. Больше показать ничего не могу.

70) Рядовой мар.—сотни 12 Калишского полка Николай Семенович Сурков, ср. сл. 1908 г., православный, спрошенный 10 января, показал:

2 января я прибыл из конюшни в казарму тогда, когда уже находился Командир полка. Что произошло до этого времени я не знаю. Перед наказанием розгами ряд. Зеленина, Ротм. Бледнов приказали мне выйти вперед из строя, я вышел, когда ряд. Протопопов взял розги, то со мной не знаю что случилось, я заплакал, начал слезы вытирать, за это меня посадили под арест. Кто производил шум и беспорядок 2 января мне неизвестно.

71) Млад. унтер-офицер 2 марш. сот. 9 Ломжинского полка Ефим Гаврилович Кузнецов, ср. сл. 1906 года, провославный, спрошенный 10 января, показал:

2 января до шума в казарме нам успели принести обед и мы обедали, я был на верхней наре и никого не заметил из солдат, стоявших против оконной форточки окна, находящегося как раз против дверей кухни нестроевой команды. Никого из солдат я не видел ходивших с ружьем и не слышал, чтобы кто-нибудь из солдат

говорил: „что же ты не даешь патрон:“ Кто именно участвовал в беспорядках, я не знаю и ни от кого не слышал об этом.

72) Рядовой 2 марш. сот. 9 Ломжинского полка Егор Васильев Вавилов, ср. сл. 1900 года, православный, спрошенный 10 января, показал:

Я нахожусь в 4 взводе, наша нара стоит около окна, находящегося против дверей кухни нестроевой команды, мое место с краю нары, возле окна с форточкой. 2 января во время шума и беспорядков к этому окну из солдат никто не подходил с винтовкой, и не требовал патрона для стрельбы. Кто производил шум и беспорядок я не знаю, больше показать ничего не могу.

. . . . . .

76) Вахмистр Непочатый, спрошенный 11 января, показал: на наре № 12 (а) и (б) верхние находились, в бытность Командира полка 2 января в нашей казарме, следующие нижние чины: Кобцев, Федоров, Дмитриев, на наре (а); и Коваров, Тимин, Валиахметов и Нуреев на наре (б). Кто из них сильно кричал я не знаю, так как сейчас же по приходе Командира полка в казарму, Полковник Линденер приказал мне итти в учебную команду и приказать, чтобы солдаты, зарядив винтовки 5 патронами, немедленно шли сюда, что я и исполнил.—Полковник Линденер приказал мне забрать ряд. Дмитриева с верхней нары за то, что он будто-бы шевелился, хорошо не помню, что полковник Линденер еще сказал к приказанию: „забрать его“.

. . . . . .

91) Старший писарь 1 марш. сот. 17 Томашов. полка Емельян Евдокимович Харченко, ср. сл. 1913 г., православный, спрошенный 13 января, показал:

2 января вечером я занимался перепиской, слышал разговор вахмистра Рындина и подпрапорщика Зверева, но в разговоре не слышал, чтобы подпрапорщик Зверев говорил: „дураки, начали дело, и ни чем не кончили“. Слышал только, что Зверев говорил, что он попал под обстрел и чуть было его не убили. Кто именно производил беспорядки, я не знаю. Бывали случаи когда вахмистр Рындин делал замечания подпрапорщику Звереву, больше за лошадей и неисправности во взводе.

Подписал Полковник Малиновский.

Примечание: Не публикуются показания, абсолютно повторяющие показание № 35 и № 36.

ТЕЛЕГРАММА.

Воейково.

Командиру запасного конного полка.

При подавлении бунта Вами и полковником Линденер был допущен ряд неправильностей именно надлежало немедленно арестовать переписать всех нижних чинов кучек которых раздавался крик недопуске исполнения приказа телесном наказании и угрозах по отношению учебной команды точка Также подлежал немедленному аресту исполнявший должность вахмистра Шеликов скрывшего от вас виновных в ответе все точка Дознание также произведено не энергично почему не выяснены главные виновники между тем таковые несомненно есть ибо приказ телесном наказании вышел за несколько дней до бунта таким образом происшедшее задумано заранее что не могли не знать вахмистры взводные точка Ввиду изложенного предаются суду нижние чины всех пяти сотен бывших казарме во время бунта особенно первой маршевой сотни Калишского полка[1]) точка Суду и Вам надлежит принять всемеры чтобы зачинщики и главные виновные были непременно выданы раз'яснить нижним чинам, что противном случае пострадают невиновные точка Приговор суда приведите исполнение немедленно отправив осужденных каторгу особым конвое Пензу.

Генерел Сандецкий.

20 января. 48/12 Зашифровал: Подпоручик Образцов.

Воейково.

Командиру запасного Пограничного полка.

Дополнение телеграмме номер 48 Из произведенного дознания усматривается виновность рядовых Самохина Василенко считающихся сотне неблагонадежными которые во время бунта бегали по казарме и кричали не давай братцы ура точка Ротмистр Бледнов показал что самый сильный крик не дадим не позволим пороть раздавался с нар номер 12 показаниями вахмистра Непочатаго установлено что на этих нарах в это время были следующие нижние чины Кобцев Федоров Дмитриев Коваров Тимин Валиахметов Нуреев. По отношению поведения Дмитриева имеется подтверждение показаний полковника Линденера распоряжением которого Дмитриев был снят с нар и арестован точка Из показаний ротмистра Чернова Вахмистра Шмелькова имеются данные подозревать что вы-

[1]) Вписано самим ген. Сандецким.

стрел из винтовки против прибывшей на усмирение учебной команды был произведен рядовым Деминым точка Приняв в основание изложенное производите новое дознание также суду надлежит иметь в виду приведенные результаты дознания для дальнейшего раскрытия виновных точка Передайте нижним чинам мое требование открыть виновных и что их упорное замалчивание может повлечь осуждение к тяжкому наказанию невиновных.

Генерал Сандецкий.

20 января. № 49 Зашифровал: подпоручик Образцов.

Воейково.

Командиру запасного конного полка.

Уполномачиваю Вас как начальника гарнизона из офицеров гарнизона под председательством командира 101 пехотного полка учредить военнополевой суд которому немедленно рассмотреть дело бунте произведенном нижними чинами вверенного Вам полка точка Предание суду согласно данному Вам полномочию телеграмме 393 подлежат все нижние чины бывшие казарме где расквартирована первая маршевая сотня 12 Калишского полка наряд по казарме вахмистры взводные всех пяти сотен и все нижние чины которые будут на суде выяснены виновными точка Ввиду предания суду всех вахмистров взводных отданное мною распоряжение телеграмме 493 относительно их личной ответственности отменяю точка Результате донесите.

Подписал: генерал Сандецкий.

1917-20/I г. Верно: подполковник подпись.

КАЗАНЬ

Командующему войсками округа.

9/II № 982.

Осужденные военно-полевым судом 42 человека 8 февраля два с половиной часа ночи отправлены пензенскому военачальнику.

Полковник Нельговский.

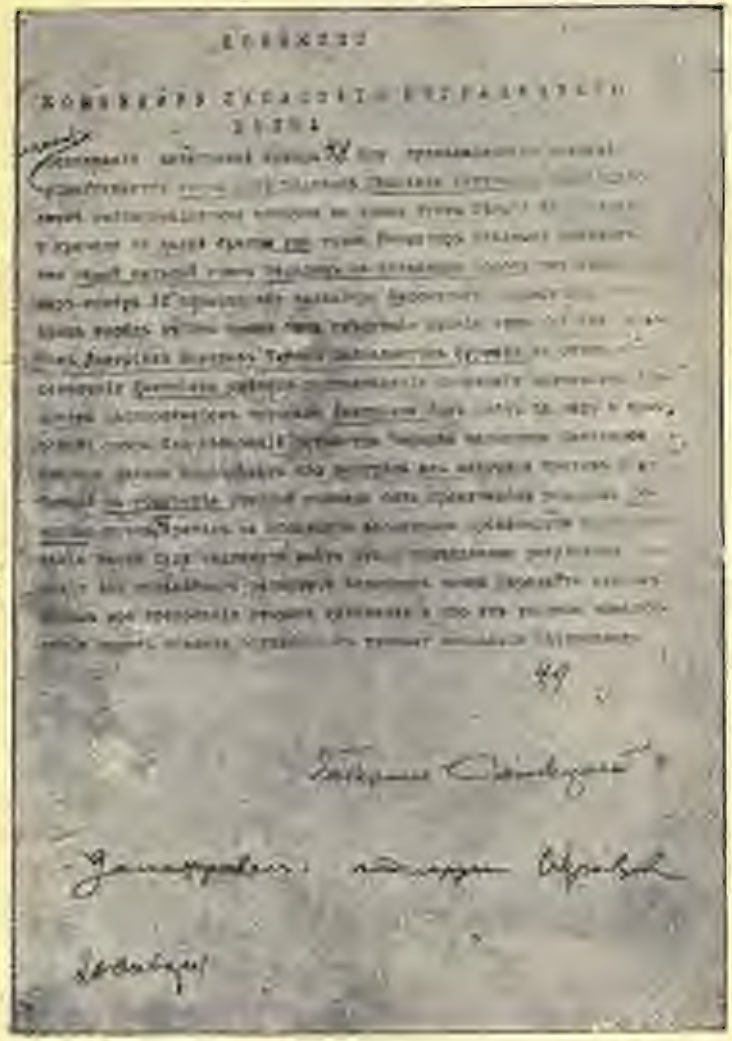
Воейково

Командиру запасного конного полка

Вашей телеграммы неизвестно какое наказание определено судом виновным точка Командующий войсками приказал результате суда донести подробно.

Подписал: Полковник Горбов.

10/II-1917 г. Верно: подполковник (подпись)



Телеграмма ген. Сандецкого, содержащая провокационное требование открыть виновных в бунте, т. к. „упорное замалчивание может повлечь осуждение к тяжкому наказанию невиновных“.

КАЗАНЬ

полковнику Горбову.

13/II № 1066.

Доношу что военно-полевым судом осужден двадцать четыре нижних чина на четыре года и восемнадцать на пять лет арестанские отделения точка копия приговора список осужденным мной при рапорте отправлен.

Полковник Нельговский.

КОМАНДИР
запасного конного
полка
Пограничной стражи

№ 2705
Ст. Воейково сыз вяз. ж.д.

Командующему войсками Казанского военного округа.

РАПОРТ

При сем представляю Вашему Высокопревосходительству копию приговора военно-полевого суда, учрежденного при Воейковском гарнизоне приказом за № 6 от 29-го января с. г., и список осужденным нижним чинам.—

Приложение: копия приговора [1]) и список.

Полковник Нельговский.

Делопроизводитель полкового суда,
Корнет Остроумов.

СПИСОК

Нижним чинам осужденным военно-полевым судом учрежденным при Воейковом гарнизоне.

1.	Рядовой Михайл Зеленин.	На 4 года арестанских отделений.
2.	Мл. вет. ф(ельдшер) Иван Мурин.	
3.	Ефрейтор Семен Панфилов.	
4.	„ Яков Пудовик.	
5.	Рядовой Густав Покац.	
6.	„ Никифор Щербович.	
7.	„ Нурдин Гильматдинов.	
8.	„ Василий Пыхтеев.	
9.	„ Савелий Овчинников.	
10.	„ Александр Оленев.	
11.	Рядовой Алексей Свешников.	
12.	„ Василий Черницин.	
13.	„ Сапсан Айкашев.	

[1]) Приговор военно-полевого суда не печатается. В нем ничего нового по сравнению с дознанием полк. Малиновского нет.

14. „ Имай Ибашев.
15. „ Порфирий Фесючек.
16. „ Николай Буторин.
17. „ Федор Протопопов.
18. „ Василий Лисин.
19. „ Николай Девятых.
20. „ Сергей Голубев.
21. „ Митрофан Стрелков.
22. „ Тихон Кузменко.
23. „ Владимир Яковенко.
24. „ Степан Иевлев.

На 4 года арестанских отделений.

25. Вахмистр Митрофан Шелков.
26. Ст. ун. оф. Сергей Аникин.
27. Мл. ун. оф. Иван Силаев.
28. „ Григорий Трофимец.
29. Вахмистр Василий Непочатый.
30. Ст. ун. оф. Федор Гришин.
31. „ Николай Стрекалов.
32. Мл. ун. оф. Федор Кабанов.
33. Подпрап. Степан Загаров.
34. Ст. ун. оф. Николай Баринов.
35. „ Илья Пожаров.
36. Мл. ун. оф. Григорий Матола.
37. „ Кирилл Симаков.
38. „ Прохор Лукьянчик.
39. Мл. ун. оф. Пантелей Улисков.
40. „ Андрей Усанов.
41. „ Андрей Сторожик.
42. „ Ефрем Захлевнюк.

На 5-ть лет арестанских отделений.

Командир Запасного конного полка Пограничной стражи Полковник Нельговский.

Полковой Ад'ютант Корнет Остроумов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От центрархива 3
Вместо предисловия 5

Часть I-я.

Письма солдат с фронта империал. войны.

Раздел 1. Первые месяцы войны 16
„ 2. 1915 год. 21
„ 3. Снабжение армии. Материально бытовые условия солдатской жизни 37
„ 4. Муштра, мордобой, порка в армии 46
„ 5. 1916 г. Понимание солдатами истинных целей войны. 60
„ 6. Начало братания на фронте 87
„ 7. Бунты и восстания в армии 91
„ 8. Перед февралем 1917 г. 94
„ 9. После февральской революции 135
„ 10. Приложение: Стихотворения 161

Отдел писем с фронта татар—солдат 173

Часть II-я.

Дело о волнениях 2 января 1917 г. в конном запасном полку Казанского округа 205

15 печ. л. В. п. л. 48400 зн. Тир. 3000
Татглавлит № 9554 Наряд № 0606
Сдано в производство 30/V 32 г.
Подписано к печати 16/VII 32 г.
Бумага стат. формат A_5 148×210 м.м.
Ответственн. редакторы М. Вольфович и Е. Медведев
Конструктор книги Р. Мухутдинов
Казань. Татполиграф, ул. Миславского, 4, 1932 г.

Замеченные грубые опечатки и пропуски:

Страница	строка	напечатано	надо читать:
3	16 сверху	под руководством большевистской партии	Под руководством пролетариата и его большевисткой партии
46	20 „	ну какие	ну как же.
61	6 „	об'яснение	об'яснено
68	письмо № 11	17 июля 1916 г.	17 февраля 1916 г.
118	письмо № 23	Январь 1917 г.	Декабрь 1916 г.
128	7 снизу	грозное слово	грязное слово
136	20 сверху	части	чести
137	16 „	ваши приказания	наши приказания
137	24 „	вводят	вводит
171	11 „	месте	бесте
175	6 снизу	происходивших	происходящих
185	16 сверху	Мною	Много
2.0	письмо 41 8-я сверху	им мешки	и мешки
203	письмо № 15	Самсонову	Шамсонову
211	11 сверху	отметил	ответил
217	7 снизу	Сондомирсхого	Сандомирского

Во 2-й части сборника несходные фамилии одних и тех же солдат (Шелков, Шеликов, напр.) приводятся по подлиннику.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

ЦЕНА 3 РУБ.

Заказы направлять по адресу: Казань, улица Чернышевского, дом 21,
ТОРГСЕКТОР ТАТИЗДАТА.